

**АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ
ИССЛЕДОВАНИЯ УРОВНЯ КОРРУПЦИИ В ВУЗАХ
ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ УКРАИНЫ**

Донецк, 2013

«Это исследование стало возможным благодаря поддержке фонда Foundation Open Society Institute (FOSI). За содержание данного отчета несет ответственность исключительно ГО «РЕОМ». Не обязательно отражает взгляды FOSI».

Бикла О.В., Падалка А.Ю. Аналитический отчет по результатам исследования уровня коррупции в высших учебных заведениях в рамках проекта «Прозрачное образование – давайте сделаем это!». Составитель: Звягина Н.А. Редакционная коллегия: Пащенко М.В., Бикла О.В., Падалка А.Ю. Литературные редакторы: Дудова А.Н., Колесник Д.В. Дизайн и верстка: Кирбитова К. – Донецк: Издательский дом "Донецк - Типография". – 2013. – 130 с. Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ИССЛЕДОВАНИЕ	5
РАЗДЕЛ 1. ОБЩАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	5
РАЗДЕЛ 2. ЭТАПЫ ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ	10
2.1. ФОКУС-ГРУППОВОЕ ИНТЕРВЬЮ	10
2.2. АНКЕТНЫЙ ОПРОС	25
2.3. ГЛУБИННОЕ ИНТЕРВЬЮ	73
РАЗДЕЛ 3. ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВА ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	129

ВВЕДЕНИЕ

Прозрачностью образования обеспечивается объективность и справедливость. Актуализация же проблематики прозрачности образования на макроуровне напрямую связана с демократизацией общества и прозрачностью социальных процессов. На мезоуровне прозрачность образования непосредственно связана с конкуренцией внутри самого социального института образования, т.е. между самими вузами. На микроуровне прозрачность образования позволяет главному пользователю образовательных услуг – студенту – получить качественное, достоверное, доступное и открытое образование.

Главный принцип прозрачности образования – управленческая прозрачность на всех уровнях вуза – от преподавателя до администрации университетов, которая, наряду с широкими контрольными функциями со стороны руководства, выступает превентивной мерой коррупционных практик. Прозрачность в образовании напрямую связана с причинами коррупции в системе высшего образования. Именно поэтому транспарентность в системе высшего образования должна стать элементом стратегии развития вузов.

Общественная организация «РЕОМ» провела исследование уровня коррупции в высших учебных заведениях восточных регионов страны. Целью исследования было оценить текущий уровень прозрачности образования, выявить наличие коррупционных практик и способы противодействия им в высших учебных заведениях Украины.

В выборку вошли: Донецкий государственный университет управления (ДонГУУ, в тексте: “университет управления”), Донецкий национальный университет (ДонНУ, в тексте: “национальный университет”), Донецкий национальный технический университет (ДонНТУ, в тексте: “технический университет”), Донецкий национальный университет экономики и торговли имени М. Туган-Барановского (ДонНУЭТ, в тексте: “торговый университет”), Крымский инженерно-педагогический университет (КИПУ, в тексте: “инженерно-педагогический университет”) и Национальная академия природоохранного и курортного строительства (НАПКС, в тексте: “академия строительства”)

ИССЛЕДОВАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ОБЩАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Цель, задачи, предмет и объект исследования

Цель данного исследования – оценка текущего уровня прозрачности образования в разрезе восприятия основными участниками образовательного процесса (студентами и преподавателями) коррупционных практик и противодействия им в высших учебных заведениях Украины.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**, которые отражают основные критерии оценки уровня прозрачности образования настолько, насколько это возможно в рамках Проекта “Прозрачное образование – давай сделаем это!”:

- уточнить **содержание коррупционных практик** в вузе (наличие практик и механизмы осуществления): взяточничество, студенческое мошенничество (списывание, плагиат, подделка документов и т.п.), продажа учебных пособий преподавателями вузов, поселение в общежития;
- определить **степень информированности** (доступность, открытость и полноту) основных участников образовательного процесса о контрольных функциях администрации вузов и профессорско-преподавательского состава в связи с возможностью проникновения в образовательную среду коррупционных практик;
- проанализировать **характер** (активность / пассивность) **общественного противодействия** коррупции и готовность к такому поведению основных участников образовательного процесса;
- определить **моральный климат** (совокупность социальных и нравственных ценностей, разделяемых участниками образовательного процесса; соотношение между формальными и неформальными ценностями и нормами) в университетах как фактор, который способствует повышению понимания необходимости открытости и прозрачности образования.

Объектом исследования явились высшие учебные заведения III-IV уровня аккредитации.

Предметом исследования явились 6 высших учебных заведений III-IV уровня аккредитации государственной формы собственности.

1.2. Описание инструментария исследования

1.2.1. Методы

Методами сбора эмпирической информации были:

- фокус-групповое интервью;
- проективная технология – рисунок на тему: “Коррупция в вузе”;
- массовый опрос общественного мнения путем индивидуального анкетного интервью;
- глубинное интервью;
- запрос на доступ к публичной информации

1.2.2. Выборка.

Выборочная совокупность для качественных и количественных исследований была определена методом простого случайного отбора. Учитывая, что такая “пикантная” тема, как коррупция в вузах может восприниматься потенциальными респондентами как “опасная”, “нежелательная”, мы прогнозировали сложности рекрутинга респондентов как среди студентов, так и среди преподавателей. Простой случайный отбор предусматривал, что вероятность быть включенным в выборку известна и одинакова для всех единиц генеральной совокупности.

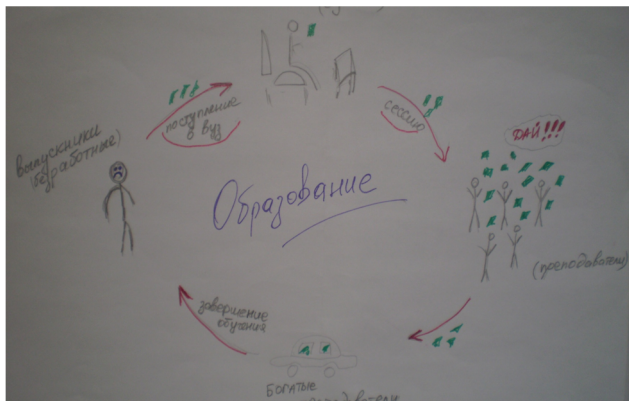
а) фокус-групповое интервью

Респондентами были студенты дневной формы обучения всех курсов, которые обучаются на бюджетной и контрактной форме обучения. Также в группу для фокусированного интервью отбирались студенты, которые не имели опыта участия в фокус-группе за последние 6 месяцев и не получающие образование по специальностям “Социология”, “Психология”, “Журналистика” и

“Маркетинг”, поскольку студенты этих специальностей владеют методологией проведения анкетного опроса и фокус-групповых интервью, – поэтому само интервьюирование их в группе могло стать неэффективным и неинформативным (например, такие студенты могут “брать инициативу” на себя в процессе дискуссии и т.п.).

Объем выборки составил 216 респондентов. Таким образом, всего было проведено 24 фокус-группы по 9 респондентов в каждой.

Перед началом обсуждения, но после выяснения понятия “прозрачное образование” участники фокус-групп должны были нарисовать рисунок на тему “Коррупция в вузе”. Т.е. речь идет о подаче образа “коррупции” в виде изображения.

б) массовый опрос общественного мнения путем анкетного интервью

Респондентами стали студенты по месту обучения в выбранных вузах (объем выборки, N=990) – по каждому из четырех блоков было опрошено 165 респондентов с каждого вуза, отобранного для исследования.

в) глубинное интервью

Респондентами стали три преподавателя от каждого ВУЗа выборочной совокупности (объем выборки, N=18). Главным условием опроса было то, что преподаватель не должен быть формально специалистом в области социологии, маркетинга, психологии.

1.3. Организация проведения исследования

а) фокус-групповое интервью

Фокус-группы со студентами проходили в помещении, приспособленном для группового обсуждения. *Инструментом сбора информации* стал гайд для проведения фокус-группы. Полученные с помощью этого гайда результаты интервью отражают общую картину проблем, с которыми сталкиваются студенты донецких и симферопольских высших учебных заведений во время обучения. Для конкретизации проблемных моментов раздел разбит на четыре блока: студенческое мошенничество, взяточничество, поселение (выселение) в общежитие, продажа учебников.

Проективная технология – рисунок на тему: “Коррупция в вузе”.

Каждый респондент нарисовал “коррупцию” в высшем учебном заведении так, как он ее понимает и видит. Условием, единым для всех участников фокус-группы, было отведенное время для всех – 3 мин., далее следовало по гайду обсуждение рисунка. Каждый респондент имел набор фломастеров красного, черного, зеленого и синего цветов. Предметом исследования стали содержание и формальные характеристики образа “коррупции” в вузе (форма, размер, место расположения на листе и др.).

б) массовый опрос общественного мнения путем анкетного интервью.

Интервьюеры проводили опрос на выходе из территории университетов.

Инструментом сбора информации был стандартизированный опросник, который состоял из четырех самостоятельных анкет по таким блокам вопросов, как студенческое мошенничество, взяточничество, поселение в общежитие, продажа учебников.

в) глубинное интервью

Интервью проводились в университете, где работает преподаватель, в помещении, в котором не было отвлекающих факторов и “стесняющих искренность” их ответов. *Инструментом сбора информации* стал гайд интервью. Для конкретизации проблемных моментов гайд для проведения глубинных интервью был разбит на три блока: мошенничество, продажа учебников, взяточничество, блок поселение в общежитие не стал предметом специального опроса в отдельном блоке, поскольку преподаватели имеют довольно косвенное отношение, по нашему мнению, к проблеме поселения в общежитие.

РАЗДЕЛ 2. ЭТАПЫ ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

ФОКУС-ГРУППОВОЕ ИНТЕРВЬЮ

В ходе исследования было выявлено, что большинство респондентов, принимавших участие в фокус-групповом интервью, считают, что студенческое мошенничество является неотъемлемой частью учебного процесса. Они связывают это с различными причинами. Одни утверждают, что прибегают к таким методам из-за большого количества учебного материала, который невозможно запомнить, другие – с некомпетентностью преподавателей, которые не дают необходимый материал в необходимом количестве, а третьи списывают, потому что им нужны только дипломы, а не знания. Некоторые считают, что основная причина непрозрачности образования кроется в ленивости студентов.

В ходе исследования некоторые респонденты предложили собственные варианты видения студенческого мошенничества, к которому они отнесли подделку оценок студентами, скрытие реальной картины посещения занятий со стороны старосты и манипулирование эмоциональным состоянием преподавателей (например, давление на жалость). Часть студентов списывание вообще не считают мошенничеством.

Многими респондентами отмечалось, что особое влияние на неправомерное поведение студентов имеют преподаватели, которые, либо поощряют студенческое мошенничество, либо, наоборот, тщательно следят за тем, чтобы этого не допустить. Таким образом, исходя из контекста ответов респондентов, можно выделить несколько стилей поведения преподавателей по поводу контроля за мошенничеством студентов:

1) *стиль уклонения (безразличия)* – преподавателю не столь важно как студент учится; ни с кем из студентов он не сотрудничает и не тратит силы на их качественное обучение;

2) *стиль доминирования* – преподаватель проявляет особую строгость и пользуется своей преподавательской “властью” с целью предотвращения всех возможных способов мошенничества на своих парах;

3) *стиль компромисса* заключается в том, что стороны стремятся урегулировать свои разногласия при взаимных уступках, т.е. преподаватель спокойно относится к студентам и может закрывать глаза на небольшие нарушения с их стороны в обмен на то, что они также будут “контролировать” свои поступки и не будут переходить рамки дозволенного.

Среди опрошенных респондентов мало кто знает о существовании Кодекса чести/этического кодекса в своем учебном заведении. Респонденты отметили, что отсутствие подобного документа в университете может отчасти приводить к совершению определенных нарушений в системе обучения и влиять на отношения между преподавателями и студентами. А те, кто слышал о таком документе, считают, что он не решает никаких проблем, связанных со студенческим мошенничеством. Т.е., использование неправомерных действий студентами исходит из их мотивов “подстраховать ситуацию”, а этические нормы в этом не помеха (“спасение превыше всего”).

В блоке, который касается **студенческого мошенничества**, нами были рассмотрены следующие вопросы.

«Слышали ли вы когда-нибудь о «студенческом мошенничестве»? (Копирование, списывание, плагиат, использование технических средств). Какие действия со стороны студента, по-вашему мнению, можно расценивать как мошенничество? Приведите, пожалуйста, примеры из вашего личного либо ваших знакомых опыта». Некоторые респонденты утверждают, что прибегают к подобным методам только потому, что сами преподаватели провоцируют их на этот поступок: *«Приходится пользоваться, потому что некоторые преподаватели не дают лекции, не объясняют материал и мы стараемся как-то выйти из этого положения, на контрольных работах приходится пользоваться шпаргалками, техническими средствами».* В ходе опроса неоднократно было отмечено, что студенческое мошенничество в виде списывания, по мнению студентов, происходит через безвыходное положение (звучит как оправдание), в которое их ставят некоторые преподаватели: *“... чувствуется несправедливость по отношению к себе, и на некоторых предметах учишься, а*

тебе не доверяют, а преподаватель потом говорит, что ты не старалась, хотя ты всю ночь сидел, учил. От этого начинаешь чувствовать себя некомфортно и от этого начинаешь списывать...

У некоторых студентов были реальные, достаточно серьезные примеры мошенничества, которые не несли за собой никаких последствий: *“... девочка поставила себе в зачетку оценку и расписалась вместо преподавателя и прошло... нормально все”*. Опрошенные респонденты считают, что студенческое мошенничество – это использование чужого труда и выдачи его за свой: *“Все переделывают рефераты, дипломные работы, все просто списывается, с тех учебников, то есть все один в один и не ставится какой-то автор или перекупается та же самая дипломная работа и чей-то труд используется как свой...”*; *“Вместо того, чтобы студент сам выполнил свою работу, которую ему задали, он отправляется на определенные сайты, звонит по определенным телефонам, которые предоставляют такие услуги, как написание курсовых, дипломных работ и тому подобное”*.

Респонденты в своем большинстве склоняются к тому, что предложенные интервьюером варианты студенческого мошенничества не являются таковыми: *“Это не мошенничество...это обычный способ выживания, чтоб потом не платить и коррупцию не создавать”*.

Часть респондентов считают, что списывание не является мошенничеством, так как почти все прибегают к списыванию, аргументируя это большим объемом материала, который невозможно запомнить: *“Я не думаю, что списывание можно отнести к мошенничеству. Все списывают”*.

Некоторые из опрошенных придерживались мнения, что мошенничество – это использование технических средств и обман преподавателя: *“... на одном из экзаменов преподавателю сказали, что у него машина горит, он выбежал. А студенты имели возможность списать”*.

Респондентами называли “свои” варианты студенческого мошенничества в виде подделки оценок и сокрытия реальной картины посещения занятий, плагиат, плата преподавателю за необходимую оценку: *“Мошенничество – в журнале поставить оценку за преподавателя”*,

“...часто бывает, что одногруппники просят меня не отмечать их отсутствие...”

Некоторые студенты придерживаются мнения о том, что именно преподаватели позволяют использовать методы мошенничества, не замечая их на своих занятиях. Но есть те, кто все-таки все замечают и тогда применяются методы для предупреждения мошенничества: *“...у нас есть такая преподавательница, которая говорит, чтобы руки на столе держали, если хотя бы руку опустили, вы уже выходите... волосы всех девочек заставила завязать в хвостики, т.е. она все видит, она все знает, и никак не спишешь”*.

Следующий вопрос, который был задан респондентам: **«Почему студенты прибегают к мошенничеству? Можно ли оправдать мошенничество студентов?»** Доминирующая часть участников фокус-групповых интервью считают, что основными причинами мошенничества являются лень, нежелание учиться и проблемы личного характера. Был озвучен вариант об ответственности, которая ложится на школу: *“Школа не научила учиться. И когда на них сваливается большой объем информации, они не могут с ней справиться. А оценку получить нужно. Чтобы не упасть в грязь лицом, чтобы не расстроить родителей. Вот и приходится идти на такие меры”*.

«Знаете ли вы о том, что делают преподаватели, чтобы предотвратить мошенничество студентов? Приведите, пожалуйста, примеры». Проанализировав ответы на этот вопрос, можно увидеть, что преподаватели несут профессиональную ответственность, по мнению респондентов, за знание своих студентов и сами студенты признают это: *“... одни ходят, смотрят, чтоб не списывали”; “Некоторые преподаватели по несколько раз заставляют пересдавать свой предмет, лишь бы не брать деньги. Они выступают за твой личный результат, за знания”; “... почти на всех экзаменах присутствовал ассистент, который следил за ходом сдачи экзамена ...”*.

Еще один вопрос, который был задан респондентам: **«А что делает университет в случае выявления студенческого мошенничества? Скажите, пожалуйста, существует ли в вашем университете Кодекс чести (этический кодекс преподавателя и студента) или подобный документ?»** Большинство респондентов никогда не слышали о существовании

подобных документов, таких как Кодекс чести. Те, кто о нем знает, говорят, что это: *“... неписанный кодекс... для каждого он свой”*; *“Он отражает нравственную сторону, и корпоративную культуру вуза. И предписывает те ценности, которые преподаватели несут в процессе учебы студентам”*. Из слов респондентов нами был сделан вывод о том, что со стороны университетов не применяются слишком жесткие меры для предотвращения студенческого мошенничества. Все сводится к определенным наказаниям, пересдачам экзаменов и т.д.

И последний вопрос, который был задан в этом блоке: **«Что бы вы лично сделали для снижения или предотвращения студенческого мошенничества в вузе?»** Ответы некоторых респондентов были довольно шутливыми, здесь можно сказать, что они не до конца понимают эту проблему: *“Повысил бы цены на взятки (со смехом)”*. Было несколько предложений по предотвращению и снижению уровня студенческого мошенничества: *“...если ты не хочешь учиться, списываешь, пересдач много, а наказание физическим трудом. И этот труд должен быть настолько тяжелым, что студенту больше бы не хотелось этим заниматься. Лучше выучить”*; *“... студент, который поддался на дачу взятки, либо сам предложил – должен быть отчислен”*.

В блоке, который касался **практики продажи учебников преподавателями**, нами были рассмотрены такие вопросы, как:

«Существует ли в вашем университете практика продажи учебных пособий, написанных преподавателями?» На этот вопрос респонденты всех вузов ответили однозначно, что такая практика у них существует: *“Да, конечно, бывает, сплошь и рядом...”*. Кроме этого респондентом одного из вузов был отмечен интересный с нашей точки зрения факт, что пишут и продают свои труды не только преподаватели, но и студенты: *“Да, и не только...у нас даже студенты, которые пишут статьи, которые серьезные статьи пишут, продают, выпускают сборники, ... сборники формируются и продаются”*.

Некоторыми респондентами отмечалось, что у каждого есть такое пособие, которое было

продано преподавателем: *“У каждого есть учебник, да”; “И они абсолютно не нужны”.*

«Кто-то или что-то (какая-либо ситуация) влияли на ваше решение приобрести или отказаться от покупки этих учебных пособий?» Участники фокус-групп говорят о том, что легче купить эту литературу у преподавателя, чем создавать себе проблемы на сессии, также они утверждают, что эти учебники могут пригодиться при сдаче экзаменов: *“Мне кажется, это бесполезное занятие, как-то пытаться обойти преподавателя, потому что на сессии тебе это аукнется... Легче действительно купить его учебник, хотя бы, чтобы он у тебя просто был... Тем не менее – пригодится... На сессии все пригодится”, “Ну я слышала, не помню от кого, что был случай, когда преподаватель издал свое пособие... методическое... и... сказал, что вот есть такое... принес, показал, сказал сколько стоит... и если вы не купите, то вы не получите оценку по моему предмету, то есть отказываться... для себя же хуже...”.*

Одна из функций продаваемых пособий, по мнению респондентов, – получение студентом *“хорошей оценки”*: *“А я сталкивалась с теми ситуациями, когда преподаватели говорил, что либо вы берете учебник мой, либо я не буду вам ставить пятерку То есть, даже, зависело от оценки”.* Один респондент отметил, что проще купить этот учебник, чтобы ему не создал этот же преподаватель проблем на экзамене: *“...если преподаватель просто ставит тебе условия: если ты купишь эту книгу, то у тебя будет все хорошо потом на экзамене или не купишь книгу, то потом будешь мучиться, сидеть писать этот экзамен, то, конечно, ты пойдешь и купишь эту книгу”.* Некоторые студенты при покупке учебников у преподавателя руководствовались страхом, что они не получают желаемую оценку: *“...страх, это, действительно, что останавливает, что ты не получишь, что даже если учиться, учишься, учишься, работаешь, работаешь, а потом как вот не купишь книжку, не получишь свою заслуженную пятерку. Поэтому дальше руководствует нами страх”.* Один респондент рассказал о своем опыте: *“Да, у меня был преподаватель, который продавал книги своего вышестоящего преподавателя,... он в аспирантуре учился, а тот его был руководитель... и он продавал его учебники. Действительно реально продавал и ставил галочку, от этого зависело, сдашь ты потом экзамен или не сдашь. Абсолютно бестолковая книга и никому она*

не нужна в том объеме, то есть она мне, как студентке не нужна”.

Мнение респондентов разделилось: одни утверждают, что по этим учебникам легче учиться: *“... если мне действительно нужна эта методичка, я не найду информацию в других книгах, которые нам дали в библиотеке, то да, надо идти и покупать ее”, “Мне легче всего купить и не задумываться о библиотеках”.* А некоторые говорят о том, что их принуждают покупать пособия преподаватели для того, чтобы они смогли получить нужное количество баллов: *“... у нас это, как бы, условно принудительная операция”, “...книга, которая нужна для получения определенного количества баллов. Формальность такая”.* Один из респондентов заметил, что преподаватели вынуждают покупать их литературу, иначе даже идут на занижение баллов: *“...есть еще такие «преподы», которым просто, если не купишь такую методичку, диск, или еще что-то такое информационное, то у них как-то, они занижить могут, просто пойти на противность. Из-за этого, мне кажется, студенты покупают, для того, чтобы просто повысить свой балл”.*

Один из студентов рассказал о своем личном опыте, когда он учился еще в техникуме: *“У нас был один такой преподаватель... в техникуме, когда я еще учился в техникуме, был удивительный человек.... Для того, чтобы свои авантюры финансовые проворачивать, он сделал интересную вещь силами студентов. Об этом знал завуч, директор, все преподаватели, но все с него смеялись. Короче говоря, он просил студентов, чтоб они ему сделали программный продукт. Назвал он его Сопромат. Это аббревиатура какая-то. Ну вообще Сопромат-сопротивление материалов, но у него это была аббревиатура на каждую из букв. Там что-то Система Автономного Тестирования, не помню другое. Криво очень сделано, вот. Ну и получается, ребята какие-то приходят и говорят: “надо бы как-то, понимаешь, до стипендии не хватает”. А он на первом курсе ведет физику. Ну у нас был 1 курс -10, 11 класс. И говорит “Ребята, купите у меня вот эти диски”, например в количестве 6 штук, один диск стоит 25 рублей. Вот. 150 мне дадите, так Вы еще на этом МОЖЕТЕ заработать. Идите на базар, там можете кому-нибудь подпарить, например там за 40 грн. Вот, я вам даю шанс. Афера эта работает до сих пор, кажется. Но программа не меняется. Как тормозила, так и*

тормозит”.

Мнения респондентов по этому вопросу разделились: некоторые говорят о том, что преподаватели напрямую не принуждают покупать пособия преподаватели, но лучше их все-таки приобрести: *“Как бы не заставляют, но по желанию, но без них не сдашь ничего, я думаю. Лучше купить в общем-то”.* Другие подчеркивают то, что преподаватели принуждают покупать их литературу под каким-либо предлогом: *“Заставляют под предлогом”.* Некоторые преподаватели предоставляют выбор: *“У нас в начале третьего курса был проект, очень сложный, ну очень сложный... и, честно сказать, если ты не купишь книгу, то ты вообще ничего не сделаешь, ничего... И преподаватель сказал, хотите берите. Если сделаете без этой книги курсовой проект, можете не брать”.*

Некоторые респонденты рассказывают о том, что они сами решают покупать им это пособие или нет, которое предлагает преподаватель: *“Я так скажу, если это касается методического пособия одного из преподавателей, то мои действия: я лезу в интернет, по спискам литературы, выбираю те источники, которые могли быть использованы преподавателем, откуда он передрал. Когда я нахожу их, я нахожу ответы на все свои вопросы. Спасибо им большое за то, что они не утруждают себя этим трудом”, “Ну, мое мнение, альтернатива всегда есть. Интернет неограничен, можно многое найти. Можно найти другую методику, даже лучше, чем у него. Преподаватели этого не любят. Всегда есть другие варианты”.* Иногда преподаватели создают уникальность своего продукта, тем самым создавая монополию на него: *“Например, у одного преподавателя, для курсового проекта, расчета, нужна была одна программка, которая было только у него. И чтобы решить этот курсовой проект, сдать его, надо было пропустить его через эту программу. Вот он и продавал свою программу. И ничего не оставалось, как купить”.*

«Раскройте, пожалуйста, свое отношение к такой практике – продажа учебных пособий, которые написаны преподавателями?» Одни респонденты утверждают, что в этой практике нет ничего плохого: *“Ничего плохого не вижу в этом, если ты свои труды продаешь, то это хорошо”, “... И полезно и правильно. Ведь преподаватель немало сделал, чтобы*

написать эту работу... и он заслуживает, чтобы получать за это деньги, и продавать". Такая литература нужна студентам в учебном процессе: "Эта практика существует, и я считаю, что ничего плохого в ней нет", "Потому что это нужно нам. Эти ... конспекты нужны нам", "... иногда полезно, если интересно, то хочется купить и прочитать что-то полезное для себя..."

Некоторые респонденты при этом уточнили два таких момента, что, во-первых, такие учебные пособия полезны, но, если только их не заставляют покупать, и, во вторых, что такая литература должна быть представлена в университетской библиотеке: *"Несомненно, это полезные вещи, но силой нагружать их не стоит. Может быть нет у кого-то денег на покупку этих методичек, лекций всяких там. Не в состоянии приобрести, но без этого никак не сможет сдать экзамен"; "Мало, ни мало, но университет - это не книжный магазин. В большинстве университетов есть библиотеки, где эти книги должны быть в свободном доступе и их можно брать... И преподаватели должны, не как бы в обязательной форме, вот если вы хотите, чтобы легче было, специально для вас сделано, или для первокурсников, чтобы легче въехать в предмет, вот данные этой книжки, хотите, пойдите в библиотеке возьмите или купите и учитесь. Не для наживы, а чтобы помочь студентам".*

Часть опрошенных считают, что продажа учебных пособий выгодно преподавателям так, как они зарабатывают на этом деньги: *"Мы используем такие учебники только во время семестра и чаще всего происходит так, что преподаватель сам продает то пособие, которое выдано под его руководством. ... и таким образом, я понимаю, что ему это на руку".*

Часть респондентов относятся не очень хорошо к такой практике, считая, что пособия и учебники, изданные преподавателями их вуза, являются некачественной литературой: *"Не самая квалифицированная литература".* Один респондент заявил, что продажа учебных пособий преподавателями – это взятка: *"Я считаю, что это своего рода взятка."*

Опрошенные студенты отмечают, что ситуацию с продажей преподавателями своих пособий – безысходность, некий замкнутый круг, когда преподаватели вынуждены писать и выпускать эти пособия, а студенты – покупать и учиться по ним: *"... от этого, наверно, никуда не*

денешься... преподаватели тоже вынуждены все это делать... это их работа, они вынуждены выпускать... методические материалы, ... книжки, учебники, ну а наша задача, студентов – учиться по этим материалам, ... поэтому это круговорот, от этого никуда не денешься”.

Отвечая на вопрос **что является взяточничеством**, студенты отвечали, что это явление, имеющее негативную окраску, но при этом относятся к взяточничеству как к определенной услуге: *“это плата за предоставления какой-либо услуги”*, за которую есть определенная плата *“денежный вклад за оказания услуги”*. Таким образом, студенты университетов рассматривают взяточничество, как услугу, которой можно воспользоваться для удовлетворения своих потребностей: *“чтобы быстрее поехать домой, “общажные” поймут”, “ну для меня, это просто избавление от ненужной работы для меня, мне это не интересно, не надо, я просто даю деньги. Так мне удобно вот и все”*. Некоторые из опрошенных так же отмечают, что взяточничество является определенной ценой за предоставления “товара” – оценки: *“...вот вы можете поддержать его [товар], в руках ощутить. А мы, студенты, платим просто за оценку. И все”*.

И лишь некоторые студенты отметили, что взяточничество: *“это когда преподаватель предлагает студентам хорошую оценку за какое-либо финансовое вознаграждение в свой карман; “Взяточничество – это такой процесс, когда человек меняет свое решение под предлогом каких-то благ”*.

Отвечая на вопрос, **описать ситуацию, в которой вы или ваши знакомые дали бы взятку**, респонденты отметили, что дали бы взятку, если бы было давление со стороны преподавателей: *“ну я бы заплатила средства, если бы преподаватель сам бы потребовал, сказал бы так и так мягко так намекнул, что мне нужны деньги. Вот, тогда бы у меня просто не было выбора, потому что от этого бы зависела моя оценка. Вот... а так как я стремлюсь, чтоб троек у меня не было, то мне бы пришлось бы заплатить”*; *“Бывали ситуации, когда приходишь сдавать, тебе преподаватель говорит: ты не сдашь, а ты говоришь, я сдам, а он тебе не сдашь!”*.

Также причиной взяточничества, по мнению респондентов, является лень студентов и нежелание учить какую-то конкретную дисциплину или же сложность той или иной дисциплины: *“Я бы дала взятку, если в том случае, если этот предмет ну неинтересен мне. Вот я хочу свои как бы мысли посвятить другому какому-то предмету и поэтому я не хочу этот учить, потому что он мне не дается, поэтому я бы дала взятку”*; *“Я бы дала взятку тогда, когда мне реально этот предмет не дается, мне не интересно его изучать. Я, например, хочу другой, мне его интересно и с удовольствием делать и чтоб связано было с моей профессией этот предмет. Мне же лучше по своей профессии учиться, чем то, что мне не нужно”*.

Часть студентов дополняют вышесказанное и говорят о том, что взяточничество является вспомогательным механизмом для удовлетворения своих потребностей: *“Это вопрос целесообразности и рациональности. Каждый из нас оценивает и свое время, и свои силы, поэтому, если вопрос можно ускорить, и это оправдано, то, конечно, да”*.

Отвечая на вопрос: **«Почему, на ваш взгляд, преподаватели берут взятки и как вы относитесь к таким преподавателям»?** Мнения студентов по этому вопросу разделились. Основными причинами взяточничества, по мнению студентов, является недостаточная заработная плата преподавателей: *“у них маленькая заработная плата, насколько я знаю, и для того, чтобы увеличить свои доходы они вынуждены брать у студентов взятки”*; *“Ну, преподаватели тоже люди, у них зарплата не слишком высокая”*. И так же респонденты отметили, что немаловажным фактором являются провокационные действия со стороны самих студентов: *“ну некоторые преподаватели берут взятки потому что, сами студенты на это навязывают, наталкивают их*. Причиной взяточничества может стать и бессилие преподавателя побороть нерадивого студента в сочетании с чувством справедливости, при этом студент свое безразличие должен “возместить”: *“... Если студент не хочет учиться, то преподаватель, чтобы не заморачиваться, берет деньги. И обе стороны довольны. К таким преподавателям у меня отношение нормальное”*.

Мы увидели, что студенты делят преподавателей на два вида: *“Я считаю, что есть два типа преподавателей – одни просят взятки, а другие – берут”*.

Отвечая на вопрос: **«Почему студенты дают взятки преподавателям»**, из вышеизложенного материала можно сделать вывод, что на данное поведение влияют множество факторов, такие как лень, нежелание студентов “напрягаться” занятостью. Отношение к студентам, которые дают взятки, у опрошенных нами респондентов одинаковое. Мнение донецких и крымских студентов совпали: *“в общем, все равно, ну это их жизнь. Хотят – пусть платят”*; *“я не могу плохо к ним относиться, потому что я тоже студент, я все это понимаю”*.

Отвечая на вопрос **«Знаете ли вы, куда обратиться с жалобами на вымогательство со стороны преподавателей и студентов»**, студенты донецких университетов не знают, куда нужно обращаться в таких случаях: *“я не знаю таких органов, куда можно обратиться, ну можно просто узнать для себя, вдруг такая ситуация будет”* и к такой практике не хотели бы прибегать: *“лучше воздержаться”*. Студенты крымских университетов знают, куда можно обратиться с подобными жалобами, но в то же время, как и студенты донецких университетов, не хотели бы прибегать к таким практикам: *“Знаем, но не будем”*, объясняя данную позицию так: *“это разрушит всю систему, понимаете. Какое-то равновесие в этом. Университет работает. Те, кто учится, тот учится. Платят только те, кто не учится. И учится, чтобы получить просто корочку. А если все это начинать гнать, понимаете. Есть много хороших преподавателей, которые иногда берут. И мне самому будет лично жаль, что если такого преподавателя уволят, и он не будет работать здесь. И вдруг его потом в других университетах скажут, и он не будет в других университетах, его не будут брать. Поэтому это все двояко, двусторонне”*.

В блоке, который касался **поселения в общежития**, нами были рассмотрены такие вопросы как:

«Скажите, пожалуйста, какие сложности возникали у вас или ваших знакомых при поселении (или выселении) в общежитие?» мнения респондентов разделились. Звучало два мнения, кто-то утверждал, что: *“..надо вести себя хорошо, если ты соблюдаешь все правила, то и проблем не будет...”*. Но в то же время, была упомянута такая университетская проблема с

общежитиями, как недостаточное количество мест, это подтверждает респондент, который сказал, что *“очень много было претендентов на поселение”*. Также многих не устраивает условия в общежитиях, из-за этого, они могут столкнуться с некоторыми сложностями – *“...можно поселиться в лучшую комнату...но...за какую-то плату...”*.

Респондентами говорилось о плате, которую нужно внести для получения комнаты в общежитии: *“чтобы поселиться или даже выбрать какую - либо определенную комнату нужно дополнительную плату внести”*. Некоторые были категорически не согласны с высказыванием предыдущего оратора и отрицали: *“Вранье. Ну, не во всех общежитиях”*.

Большинство респондентов знакомо с актуальными проблемами в их общежитиях. Многие считают, что можно получить любое место, заплатив определенную сумму денег: *“...можно получить место в общежитии при таком условии – при взятке”, “за маленькую сумму денег нам дали лучшую комнату на нашем этаже”, “просишь нормальную комнату, говорят нету, даешь деньги – появляется отличная комната с пластиковыми окнами, пластиковые двери, металлопластиковые”*. Было заметно, что, не имея иногда личного опыта, студенты оживленно вспоминали примеры своих друзей.

Особенно остро стоит проблема с незаконным поселением в университетах, которые не имеют своих общежитий, а вынуждены их арендовать. Студент, который проживает в таком арендованном общежитии выделил проблему как нехватка мест: *“Студентов больше, чем мест”*. И как результат не все желающие могут получить место: *“...длинные очереди желающих”*.

Следующий вопрос – **«Были ли вы проинформированы о правилах поселения в общежитие, поведения в общежитии?»** О правилах поселения практически все участники фокус-групп были проинформированы, т.к. этому уделялось большое значение: *“Да, в первую очередь была проинформирована...”*, *“...собирали, обсуждали, что можно, что нельзя...”*, *“...конечно, несколько раз...”*.

Респонденты рассказывали о большом количестве источников: это и бумаги, и тетради: *“Проинформировали, давали почитать некоторые бумаги, в которых написаны были правила поведения в общежитии, проживания, ну и вообще правила общежития”, “каждый комендант*

конечно информирует студентов, новых заселившихся как нужно себя вести, что можно делать, что нельзя, это ну во всех общежитиях даже стенды висят по правилам проживания”, “мы расписывались в тетрадке такой по технике безопасности, где описаны были все правила, правила некоторые висят у нас на стенде также я получила листик с правилами общежития, который напечатан на листике А4 текстом”; “Каждый студент заключает договор при поселении. И ты должен соблюдать правила распорядка, санкции прописаны. Некоторые, конечно, формальные, старого образца”.

«Знаете ли вы какой-либо другой способ получения места в общежитии, кроме официального?» Студенты достаточно осведомлены о неофициальных способах получения мест в общежитиях. Ими были указаны такие как денежное вознаграждение и влиятельные люди (связи). Они считают, что это самые распространенные способы: “...за отдельную плату можно договориться чтобы жить вместе в отдельной комнате...”, “...если, допустим, добавить еще денег, можно в очень хорошей комнате жить...”, “...возможно даже через влиятельных людей...”; “...просто должны быть знакомые люди, которые, может быть, работают в этом общежитии или какое-то начальство...”. Все остальные знают, что есть другие варианты получения места, но не уточняют какие именно.

У респондентов некоторых фокус-групповых дискуссий при обсуждении неофициальных методов получения места в общежитии мнения разделились, были указаны либо “деньги”, либо “связи”: “...Конечно...соседи, которые вообще не учатся в вузе нашем, а просто полублок снимают, за денежки, да очень большие денежки. Тысяч 5 они заплатили, чтоб поселиться или около такого...”, но все же в ходе дискуссии большинство склонилось к такому варианту как связи: “...Она не платила ничего, просто через знакомых...”, “...Легче через знакомых, чем через деньги...”, “...Можешь просто лицом не выйти и тебя никуда не поселят ни за какие деньги...”; “...все решают связи и деньги”.

«Назовите, пожалуйста, известные вам случаи, когда кто-либо был наказан за коррупционные действия при поселении в общежитие?» Практически всем респондентам не известны случаи, когда кто-то был наказан за коррупционные действия при поселении: “...я тоже

о таком не слышала...". Комендант в глазах студентов, проживающих в общежитии – “честный человек... мне кажется, он так не поступает”. Возможно это закрытая тема, которая не просачивается в широкие круги. Некоторые предположили, что наказания могут иметь место при определенных условиях: “...их наказывают, когда нужно “чистку” устроить...”.

Часть респондентов в ходе обсуждения отмечали, что любая проблема может решиться с помощью финансовых средств, дабы не быть выгнанным из общежития: “...человек познакомился с правилами общежития, но все равно их не соблюдает и поэтому его вызывают на студсовет, а студсовет решает выселить этого студента из общежития, но удается решить эту проблему с помощью малых финансовых затрат, иногда немалых”, “попадаясь на нарушении каком-либо, приходя на студсовет, ему выносят вердикт, например, выселен он или не выселен он, если он выселен, то моя знакомая попала в такую ситуацию, подошла на следующий день после принятия решения студсоветом, поговорила с коменданткой и решила этот вопрос финансовым путем и осталась проживать в данном общежитии”.

Подводя итог исследованию, следует сказать, что оно является неполным и не претендующим на репрезентативность, поскольку качественные методы не раскрывают полностью проблему коррумпированности вузов Украины, а лишь ее субъективную сторону.

Целесообразно провести следующее исследование с использованием количественных методов, которые позволят более широко и объективно раскрыть данную проблему.

Во время проведения исследования наблюдалась некая пассивность студентов и нежелание студентов говорить на тему проблем в образовании и тем более о коррупции – эта тема была нежелательная для обсуждения. Это приводило к некоторому дискомфорту во время обсуждения вопросов гайда.

Главный вывод относительно восприятия студентами прозрачности образования – негативная оценка коррупции в восприятии и удобство ее использования в студенческих практиках.

ЭТАПЫ ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

АНКЕТНЫЙ ОПРОС

В общей совокупности большинство студентов (68,8%) удовлетворены или скорее удовлетворены своим обучением. В основном удовлетворенность от обучения выражают студенты пятых курсов. Вероятно, это следствие того, что они получили практически полный комплекс образовательных услуг. Студенты, не получающие стипендию по результатам сессии, в большей степени выражают свою неудовлетворенность от обучения.

Рассматривая мотивы обучения студентов, мы определили, что 51% опрошенных высказались за то, что для них в процессе обучения важнее глубоко понять предмет, чем просто получить хорошую оценку. На втором месте был обозначен тезис: обучение необходимо для того, чтобы стать специалистом в своей сфере – 35,4%.

Анализируя отношение респондентов к мошенничеству в ВУЗах, видим, что половина студентов оправдывают мошенничество в связи с тем, что у студентов очень большие нагрузки и другого выхода нет. Основными формами мошенничества для студентов являются подделка выставленных оценок – 58,8% и списывание на экзамене – 45,3%.

77% студентов ознакомлены о возможном наказании в случае совершения акта мошенничества. При этом больше половины студентов – 56,8% не знают о существовании правил, определяющих формы мошенничества.

Факторами, которые могут служить катализаторами для мошенничества студентов, являются: сложный материал по дисциплине – 72%; неинтересный предмет – 36,2%; недостаток времени для подготовки к экзамену – 34,2%. По мнению респондентов именно эти причины в большей степени влияют на распространение мошенничества в студенческой среде. Для большинства опрошенных мошенничество во время обучения предстаёт в формах использования украденных заданий и ключей к тестам – 57,6%, а также применении различных технических устройств – 42,2%. При этом, респонденты к жалобам на мошенничество студентов относятся отрицательно или нейтрально. То есть, студенчество скорее не поддерживает практику жалоб на

мошенничество.

Самыми распространёнными случаями наказаний за мошенничество, известных респондентам, являются отстранение от экзамена с возможностью последующей пересдачи – 43,2% и вынесение выговора – 41,6%. Именно эти карающие механизмы скорее способны предостеречь студентов от возможного мошенничества.

Изучая ситуацию с распространением и формами проявления взяточничества в ВУЗах, получаем следующую картину. Большинству студентов известны случаи взяточничества в ВУЗе или они об этом слышали, что свидетельствует о достаточной осведомлённости респондентов в этой теме. При том, что студенты осведомлены о случаях взяточничества в ВУЗе, только 35% непосредственно сталкивались с ним и 12,3% – иногда. Более 30% студентов на каждом курсе обучения сталкивались с практикой взяточничества.

Стоит отметить, что студенты, которые по результатам сессии не получают стипендию, чаще всего сталкиваются со случаями взяточничества. Следовательно, именно этот фактор побуждает студентов прибегать к взяточничеству, а преподавателям – манипулировать сложившейся ситуацией. Респонденты, которые участвовали во взяточничестве, оправдывают это тем, что из ситуации не было другого выхода, и было оказано существенное давление со стороны преподавателя.

Самыми распространёнными формами взяточничества на всех факультетах, где проводилось исследование, являются: оказание преподавателям материальной помощи – 43,6% и различного рода содействия преподавателю – 32,9%. Можно отметить, что, по мнению респондентов, на некоторых кафедрах взяточничество распространено больше чем на других.

Для половины респондентов (49,8%) основным способом решения проблем в случае лишения стипендии или возможным отчислением из университета является предложение различного рода вознаграждения преподавателю. Абсолютное большинство опрошенных, не получающих стипендию (87,1%), согласно предложить взятку преподавателю. Соответственно, именно эта группа студентов наиболее предрасположена для действий данного рода.

По мнению студентов, справедливым наказанием для преподавателя, берущего взятки

будет увольнение с работы – 32,5%, административный штраф – 24,7% или временное отстранение от работы – 21,%. При этом, как мы определили до этого, половина студентов потенциально готова предложить взятку, для решения своих проблем

Для студентов наказание за взятки представляется в виде временного отстранения от учёбы – 39,1% или вынесения выговора – 28,8%. Стоит отметить, что для первокурсников основным наказанием за дачу студентам взятки служит отстранение от учёбы, а вот для пятого курса эта мера не является в такой степени действенной. 42,9% из них считают, что в данном случае эффективным будет административное наказание.

Большинство опрошенных – 62,6% не пожаловалось бы на студентов, предлагающих взятки преподавателям. Вероятно, это следствие относительно устойчивых практик, студенты с пониманием относятся к своим “коллегам”, решающим проблемы таким образом.

75% респондентов определивших себя как скорее верующие и скорее не верующие отказались бы жаловаться на студентов своего университета. А вот почти половина студентов – 46,2% ответивших, что они верующие, предъявили бы жалобу на студента, замеченного во взяточничестве. Вероятно, фактор веры в некотором роде влияет на сознательность и честность респондентов.

В случае с взяточничеством со стороны преподавателя ситуация с жалобами несколько иная. 39,1% студентов пожаловались бы в соответствующие инстанции анонимно и 5,3% сделали бы это открыто. При этом количество респондентов, отказавшихся от жалоб, по-прежнему достаточно велико и достигает 44,4%. Вероятно для студента скорее морально оправданным является “прикрытие” своего сокурсника, чем преподавателя берущего взятки.

Анализируя возможные причины взяточничества в Украине, получаем следующую картину. Выделяются три наиболее значимые причины, по мнению студентов. Итак, 67,4% опрошенных скорее согласны с утверждением, что чувство безнаказанности порождает взяточничество. 60,5% определяет взяточничество следствием чрезмерной загруженности студентов. То есть, проще предложить взятку, чем тратить время на доскональное изучение предмета. И 59,6% считают, что взяточничество порождается тем, что студенты вынуждены любой ценой сдавать экзамен, в связи

с этим у них нет иного выхода.

Из обозначенных мероприятий наиболее действенными и необходимыми на данный момент в сфере образования были определены: проверка экзаменов и их результатов на “прозрачность” (46,9%), то есть своего рода диагностика адекватности и правомерности выставления оценок; поднятие зарплаты преподавателям – 34,6%. (примечательно, что этот тезис стоит на втором месте по мероприятиям, предупреждающим взяточничество); уменьшение учебной загруженности студентов – 27,6%.

Изучая отношения респондентов к особенностям поселения в общежитие и проблемам, с которыми сталкиваются студенты во время проживания, получаем следующую картину. Основными мотивами поселения студентов в общежития являются: близость к университету – 48,6% и желание быть независимым – 28,4%. Последний мотив скорее присущ студентам начальных курсов обучения. Финансовые трудности как причина для переселения, больше рассматриваются учащимся пятых курсов – 29,6%.

Основными проблемами проживания в общежитии, были обозначены – необходимость капитального ремонта – 56,8%, и низкий уровень санитарно-гигиенических норм. Именно эти факторы влияют на удовлетворённость студентов условиями проживания в университетских общежитиях.

Большинство респондентов – 78,2% скорее, согласны с утверждением, что возможность получить комнату в общежитии коррумпированным путём, существует. При этом прослеживается явная тенденция – чем старше курс обучения, тем больше количество студентов, осведомлённых о том, куда необходимо обращаться по факту коррупции. Следовательно, за время обучения, студент накапливает необходимые знания о средствах предотвращения коррупции. Основными причинами её существования были обозначены: спрос на комнаты в общежитиях больше, чем предложение – 42,4% и недостаточный контроль над общежитиями со стороны администрации – 41,7%. При этом основной массив респондентов скорее отказался бы подавать жалобы на коррупцию в общежитиях. Вероятно, что в отличие от коррупции непосредственно в ВУЗе, которая рассматривается скорее как негативное явление, о котором стоит сообщать, в

общежитиях об этом будут скорее умалчивать.

Особое возмущение у студентов вызывает вероятность выселения студента на основании несправедливых обвинений, и принуждение со стороны представителей студенческого самоуправления. В обоих случаях более 28% респондентов хотели бы сообщить об этом. Отказ от подачи жалоб о случаях мошенничества в общежитии, в основном мотивируется тем, что это существенно ничего не изменит и таким образом студент, подавший жалобу, может ухудшить своё личное положение.

Рассматривая отношение студентов к необходимости получения пособий и учебников в ВУЗе, а также практике продажи изданий преподавателями, видим, что больше половины студентов сталкивались с предложением приобрести учебник или пособие. 53,5% опрошенных высказались, что когда-то с этим сталкивались и 21,6% подтвердили, что это достаточно частая практика.

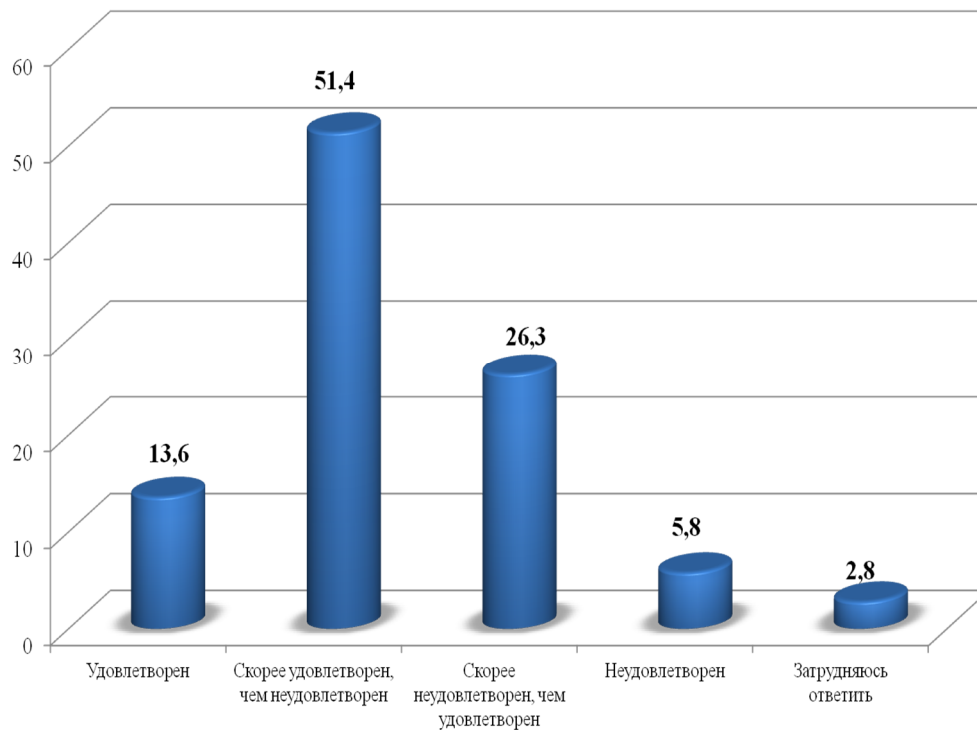
По мнению респондентов, основными мотивами предложения покупки пособий и учебников является то, что приобретение учебника поможет лучше изучить дисциплину – 41,9%; это существенно облегчает поиск учебных материалов – 35,3%. То есть, студенчество скорее позитивно оценивает эту практику, так как извлекает из неё пользу.

Стоит отметить, что студенты практически не соотносят покупку учебников с принуждением, оказываемым преподавателем. Только 14,9% определили, что давление действительно присутствовало. Отношение студентов к продаже пособий фактически разделилось на две позиции. 47,3% опрошенных считает это ненормальным, так как такие издания должны либо быть доступны в библиотеке, либо бесплатно распространяться. При этом остальные скорее позитивно оценивают эту практику.

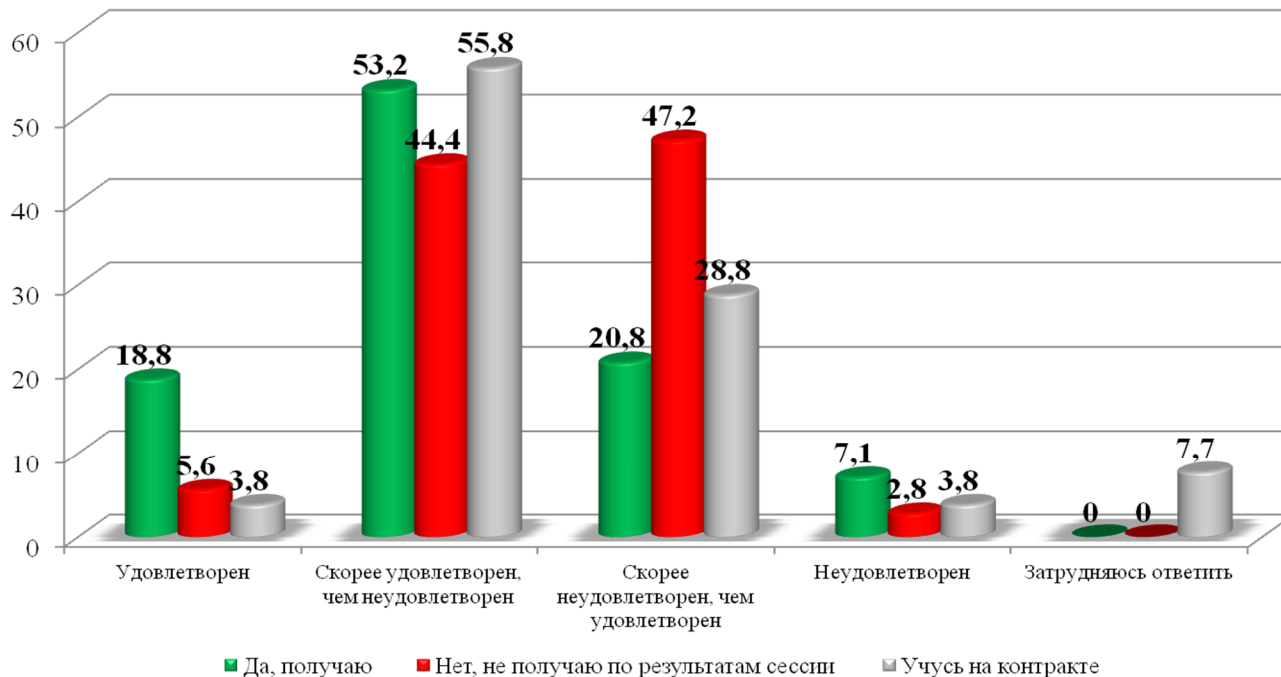
Ниже приведены графические визуализации ответов респондентов на вопросы анкеты.

Студенческое мошенничество

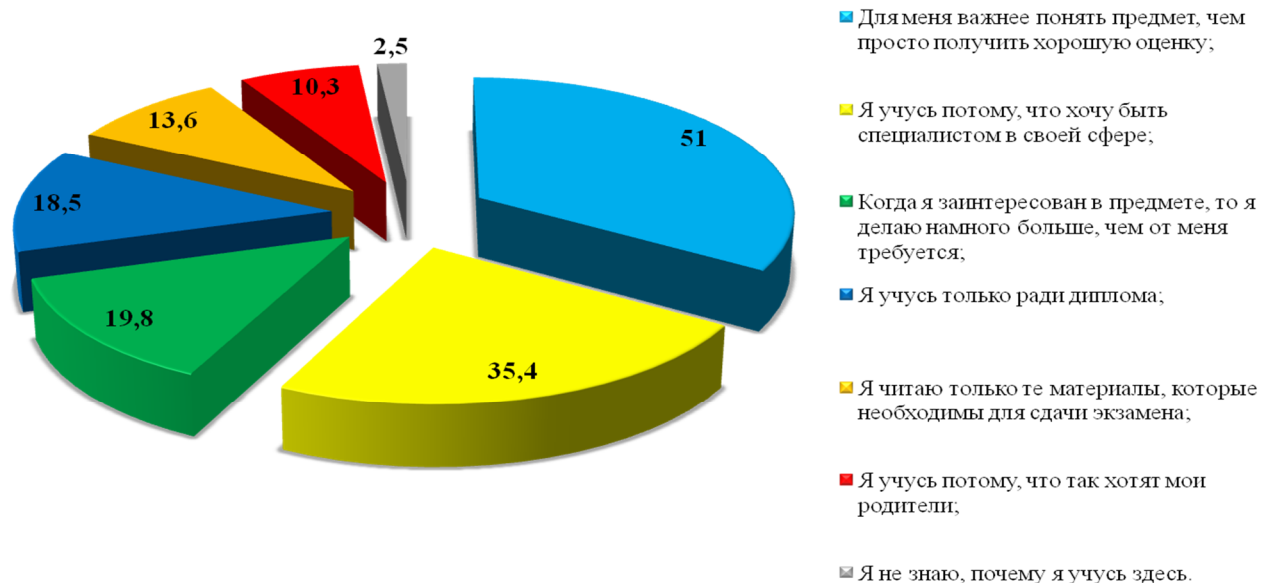
«В какой мере Вы удовлетворены своим обучением?» (в %)

«В какой мере Вы удовлетворены своим обучением?» в зависимости получения студентом стипендии (в %)

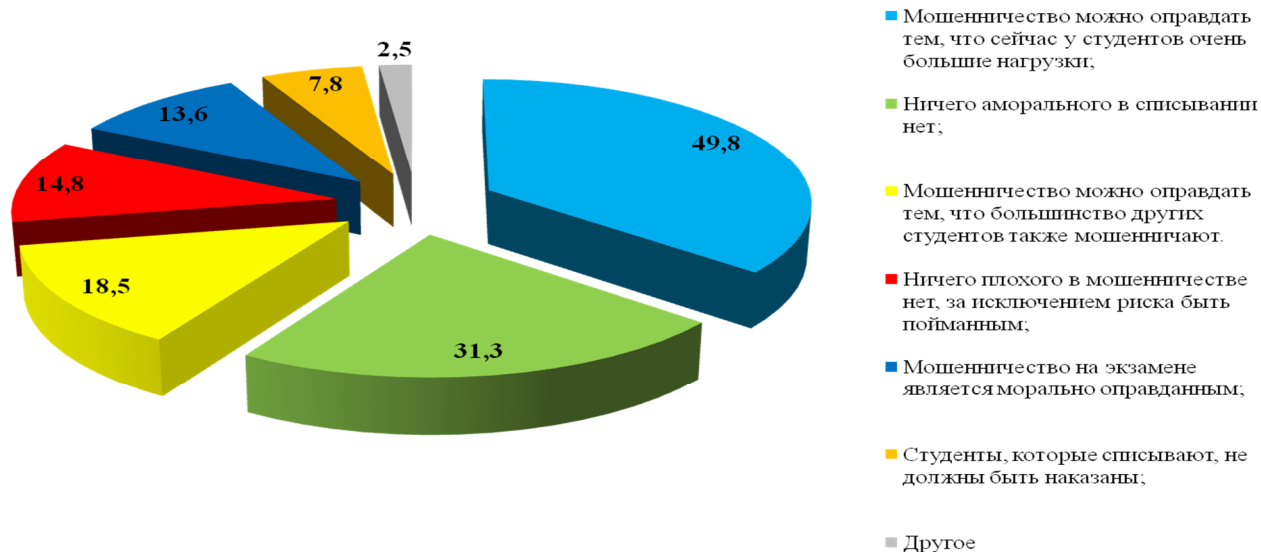

«Какое из ниже перечисленных высказываний соответствует Вашему мнению?» (в %)

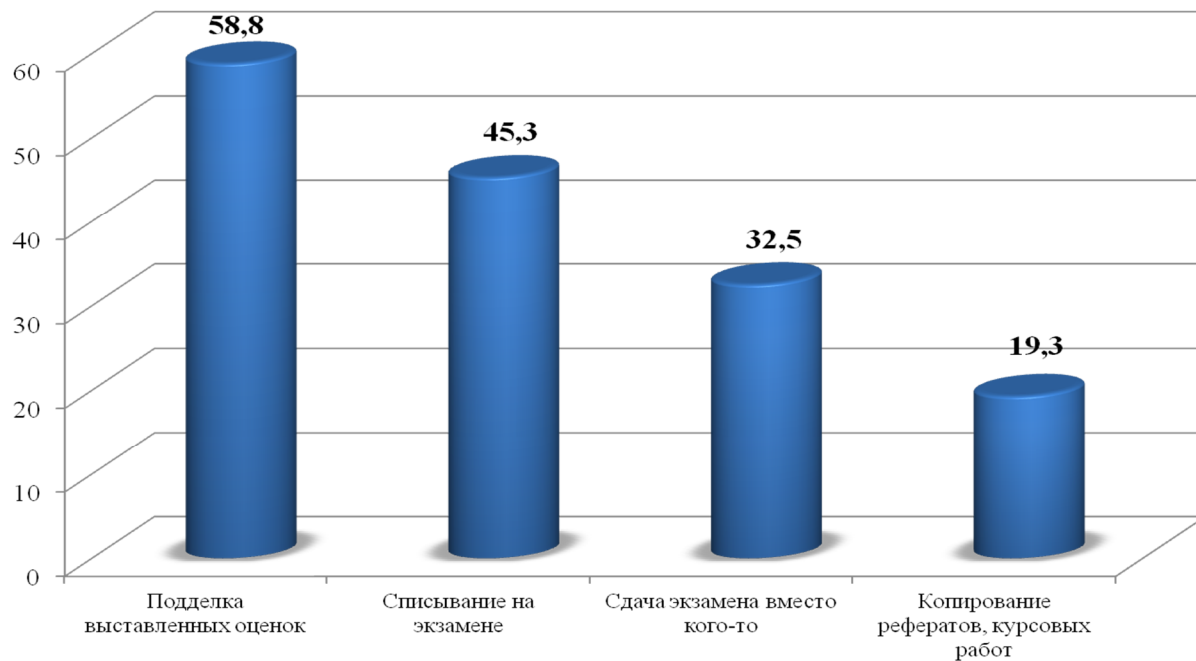
Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

«Согласны ли Вы со следующими утверждениями:?» (в %)

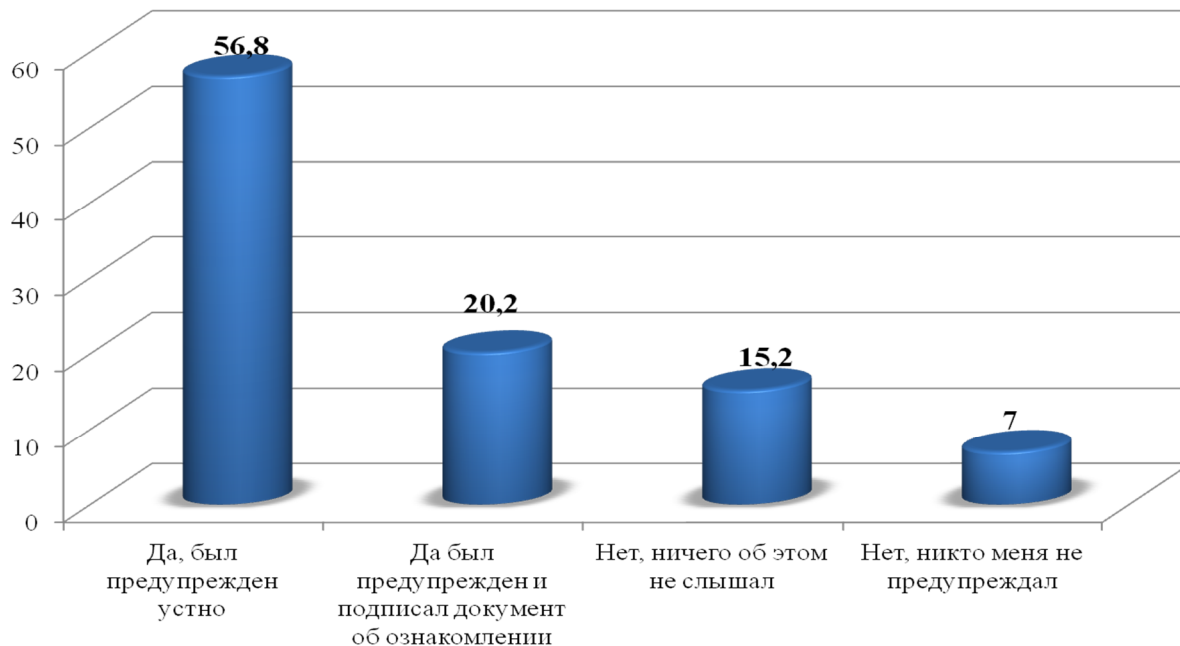
Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

«Согласны ли Вы с тем, что мошенничество – это?» (в %)

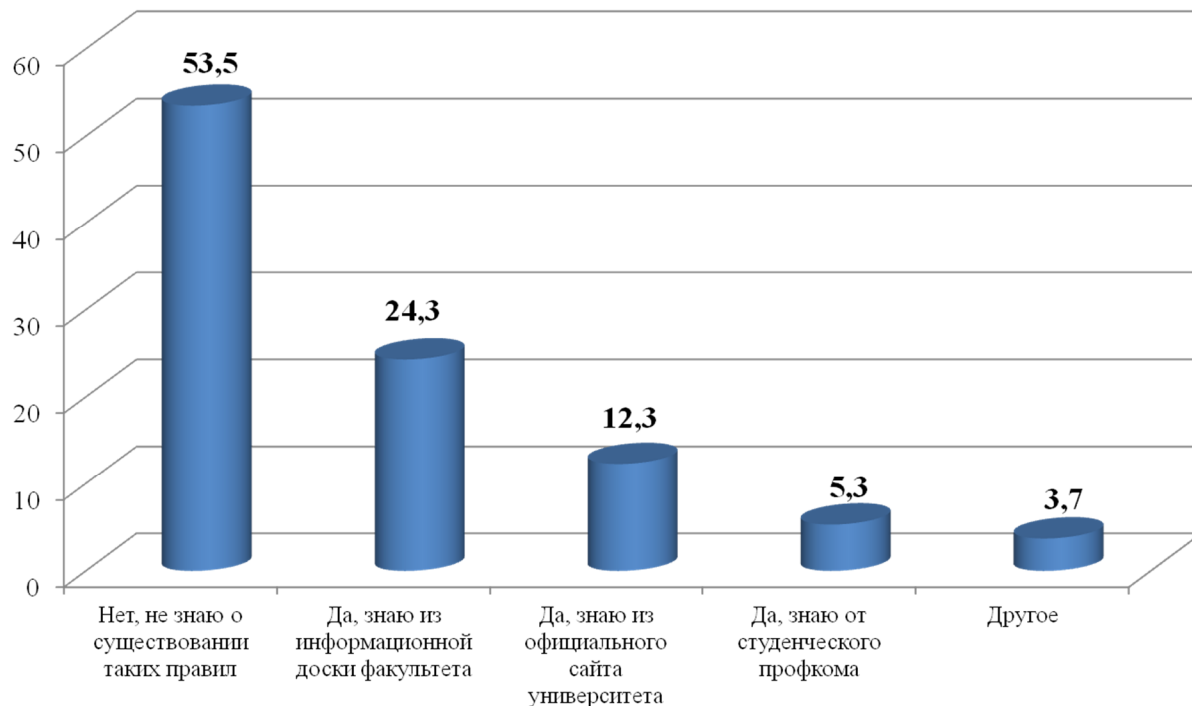

Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

«Были ли Вы предупреждены в начале обучения должностными лицами о том, что студенты будут наказаны, если будут замечены в мошенничестве во время обучения?»
(В%)

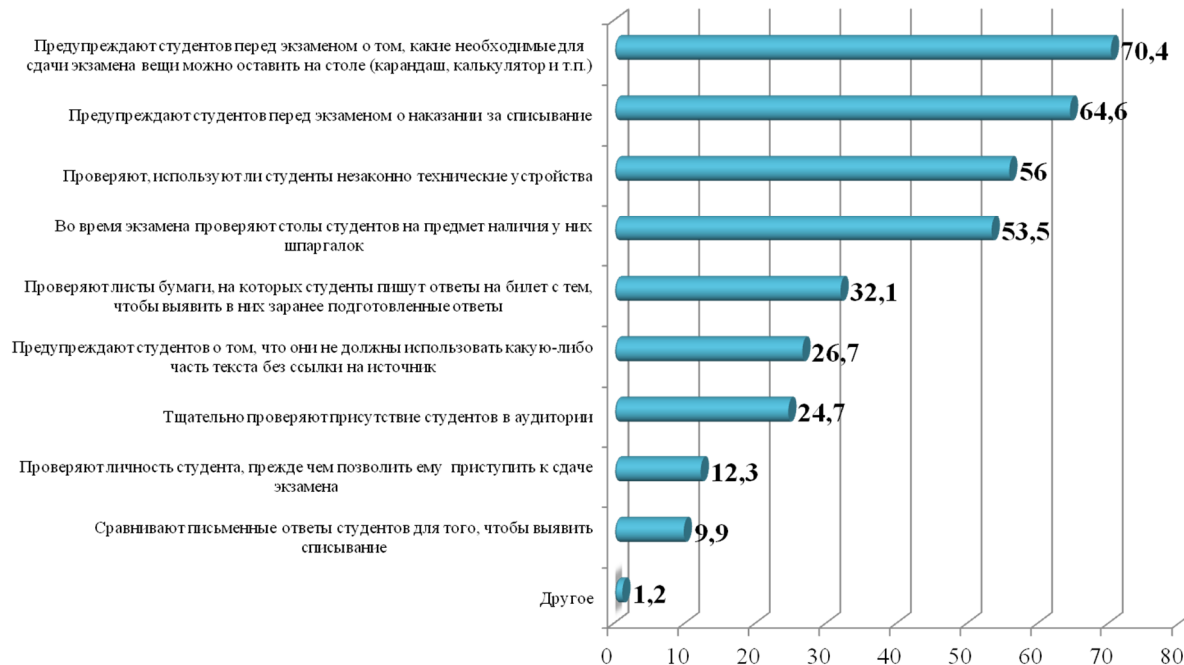

«Знаете ли Вы о существовании правил, которые определяют наказание за мошенничество во время обучения? Если да, то из каких источников?» (в %)

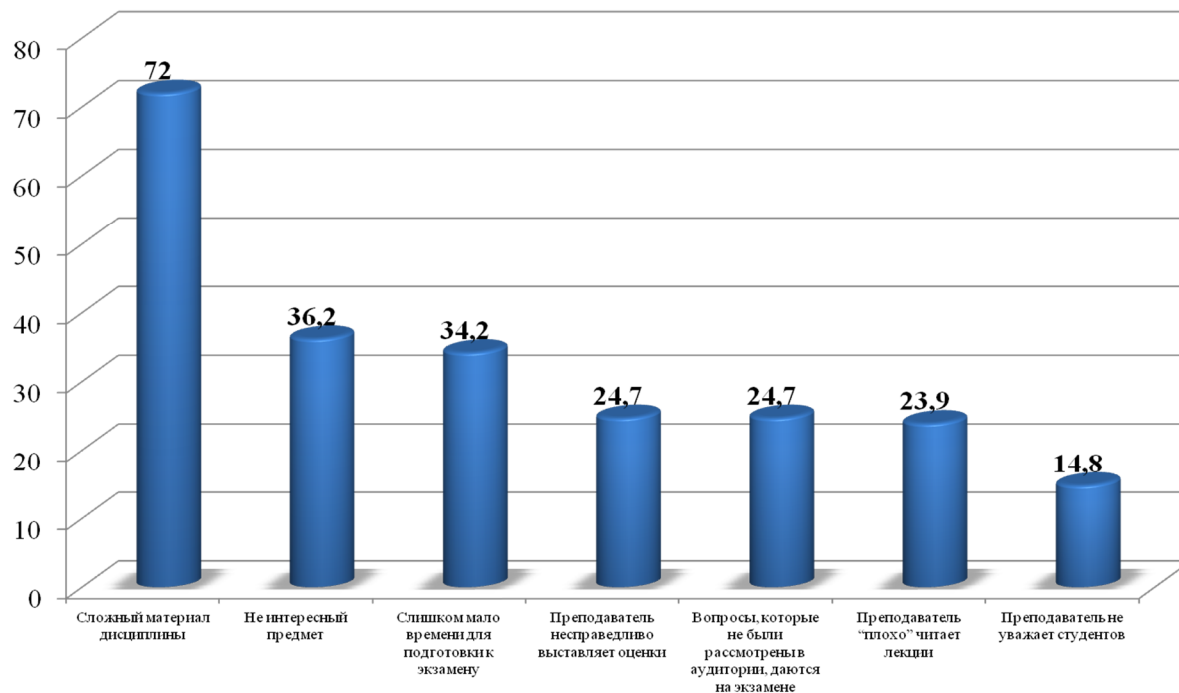
Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

«Укажите все виды преподавательского контроля, которые существуют в Вашем университете. Преподаватели: (в %)

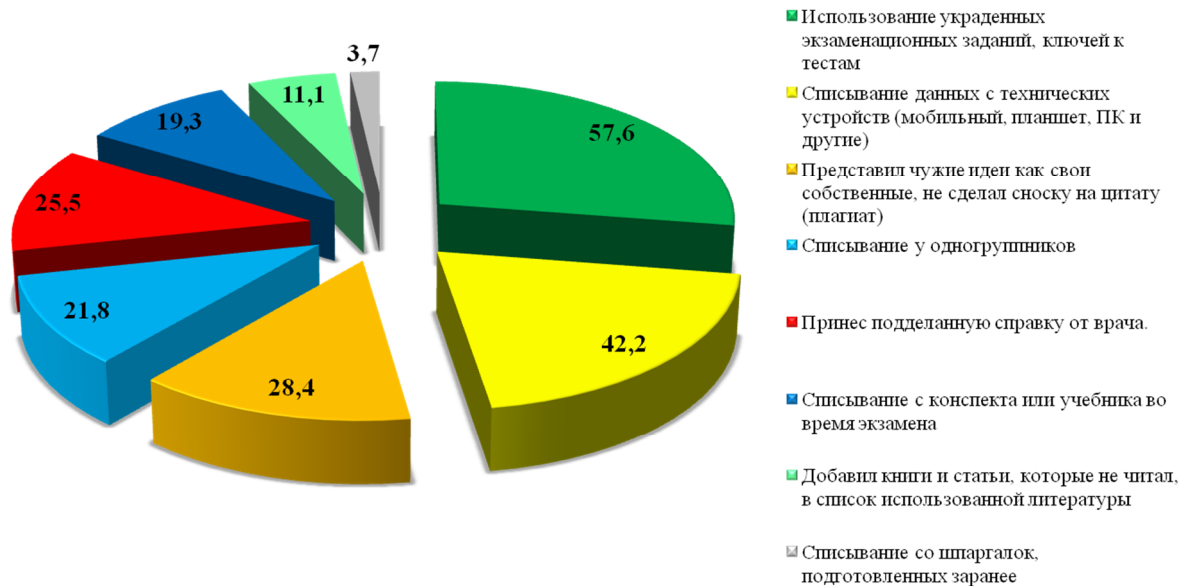
Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

«Как Вы считаете, влияют ли следующие факторы на мошенничество студентов?» (в %)

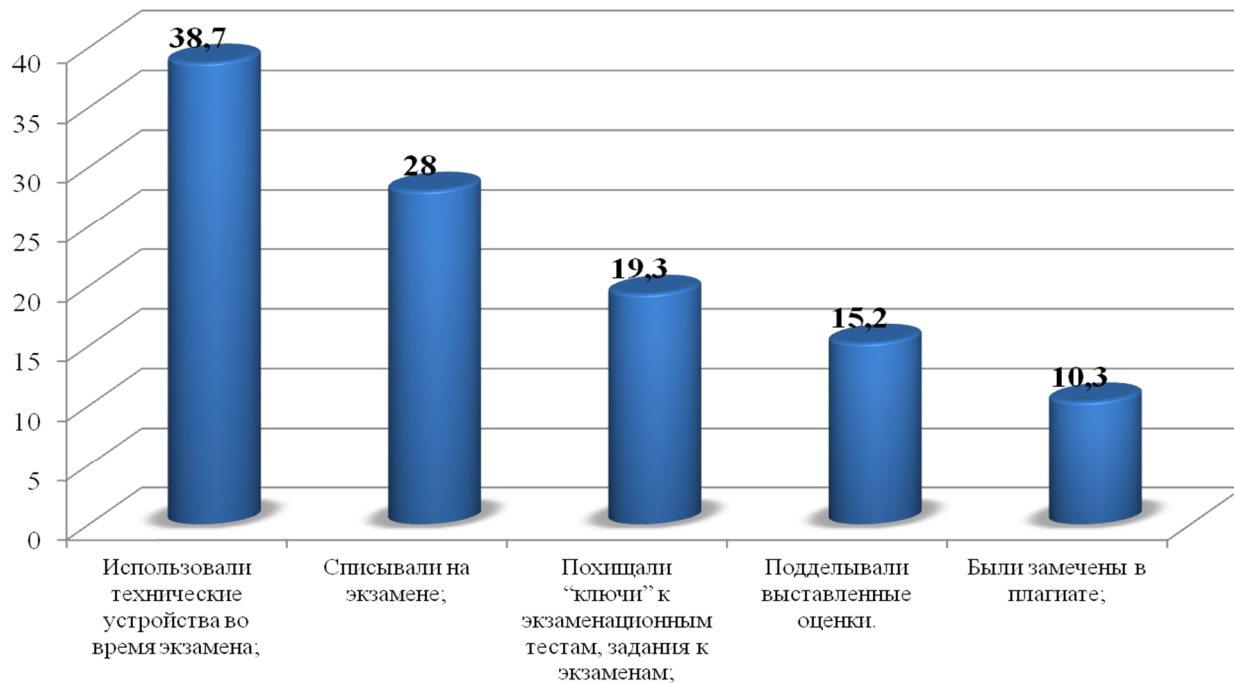
Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

«Как Вы думаете, можно ли классифицировать следующие ситуации как мошенничество?» (в %)

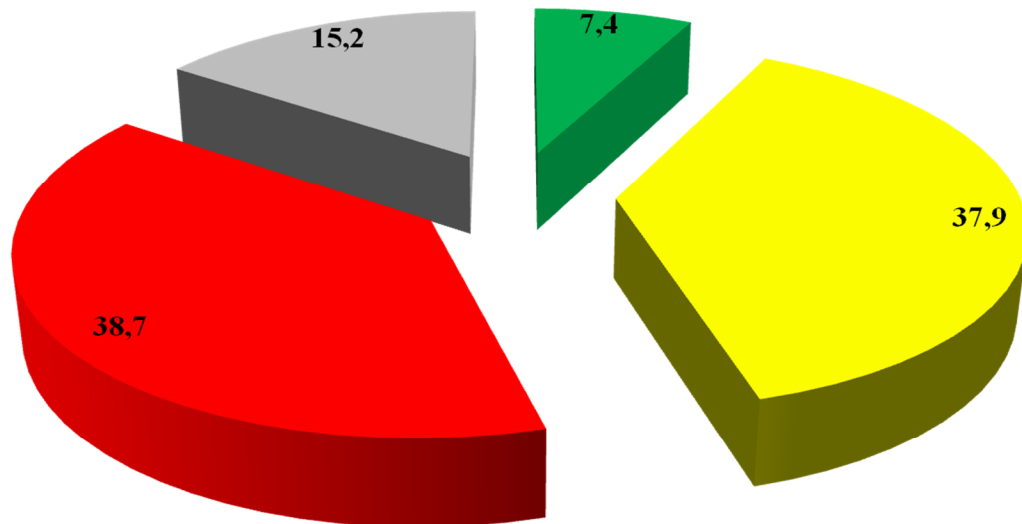
Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

«Известны ли Вам случаи жалоб на студентов с чьей-либо стороны, которые:» (в %)

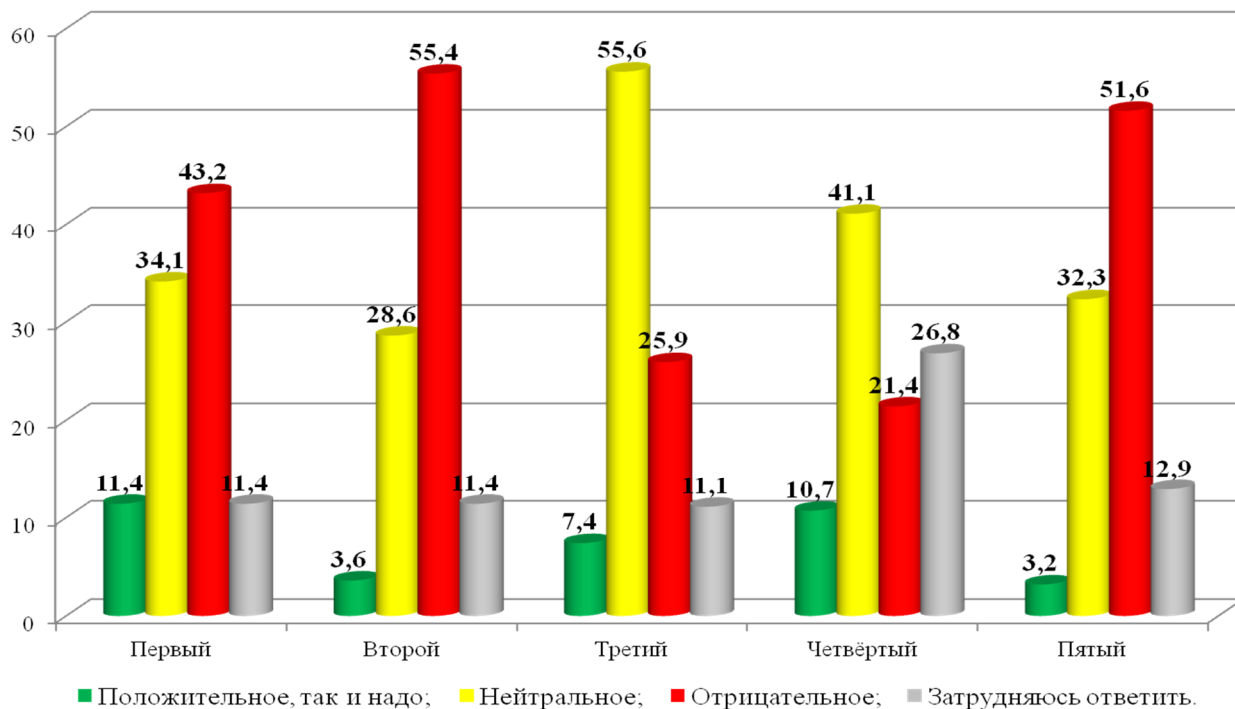
Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

«Каково Ваше отношение к подобным жалобам?» (в %)

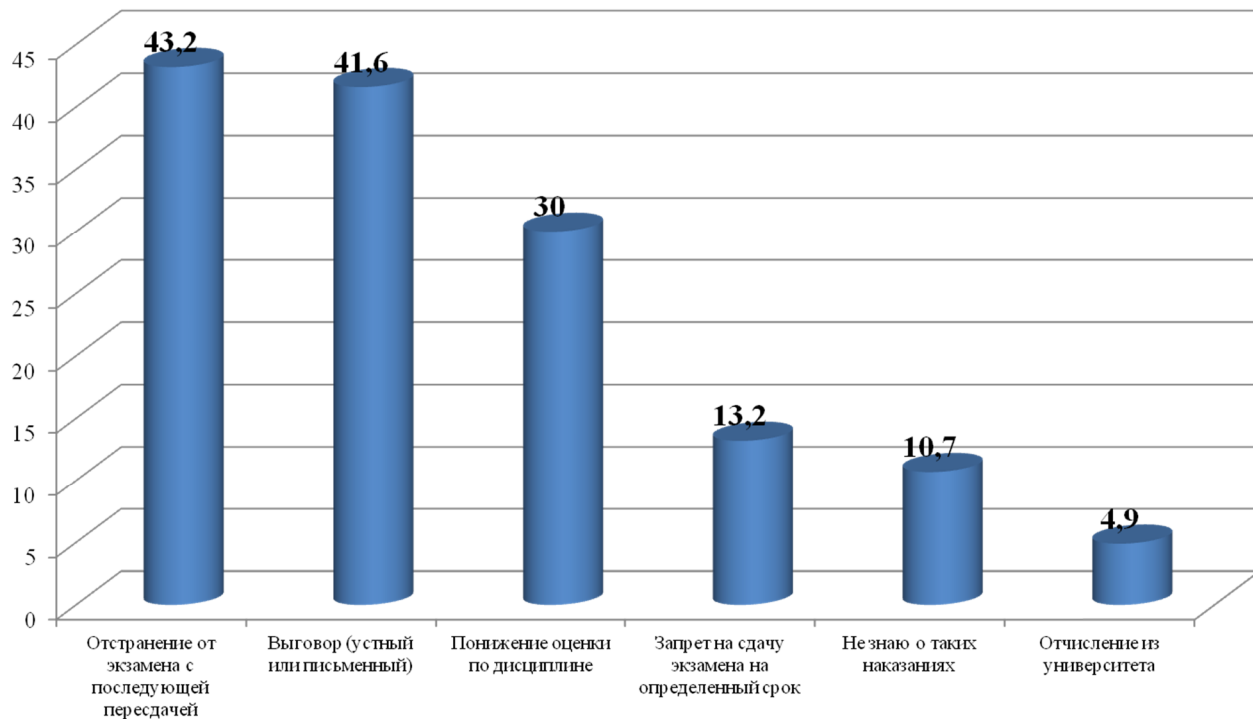

■ Положительное, так и надо; ■ Нейтральное; ■ Отрицательное; ■ Затрудняюсь ответить.

«Каково Ваше отношение к подобным жалобам?» в зависимости от курса обучения (в %)

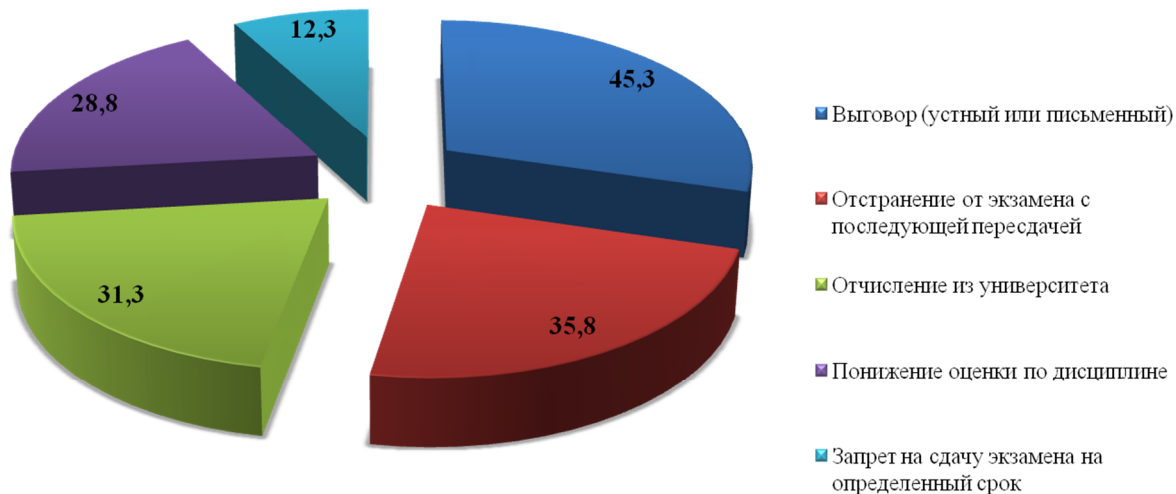

«Знакомы ли Вам следующие случаи наказаний за мошенничество студентов?» (в %)

Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

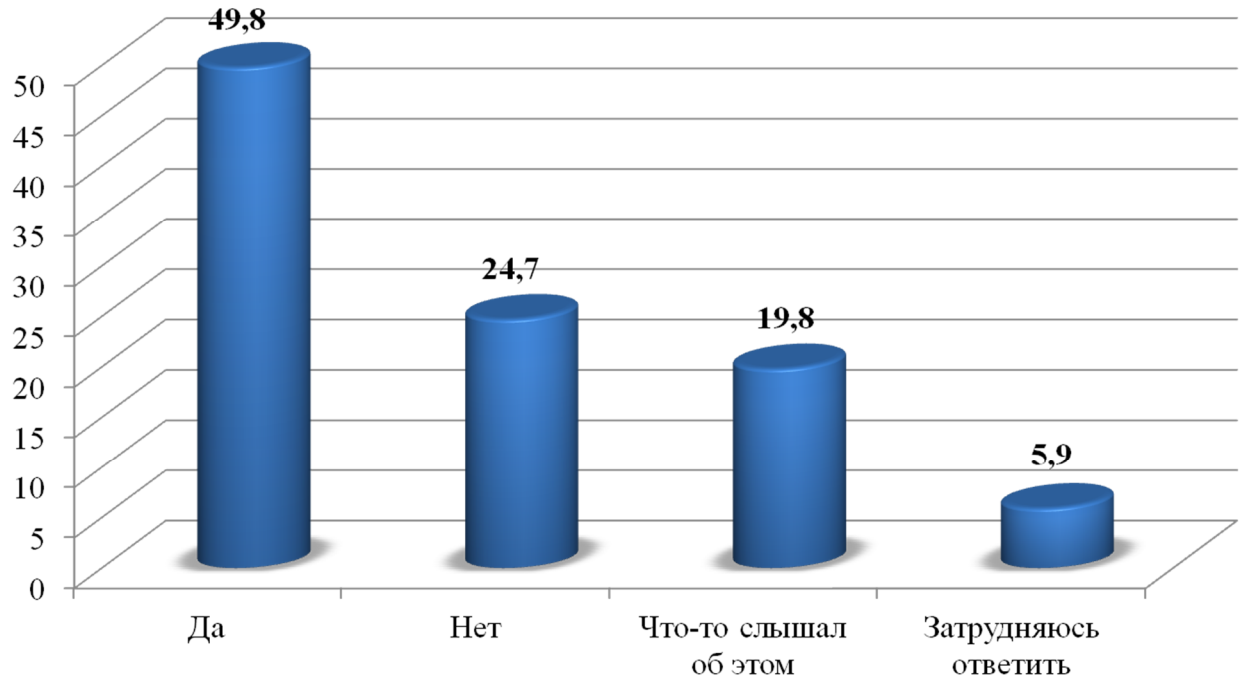
«Как Вы считаете, какое наказание могло бы предостеречь лично Вас от возможного мошенничества?» (в %)

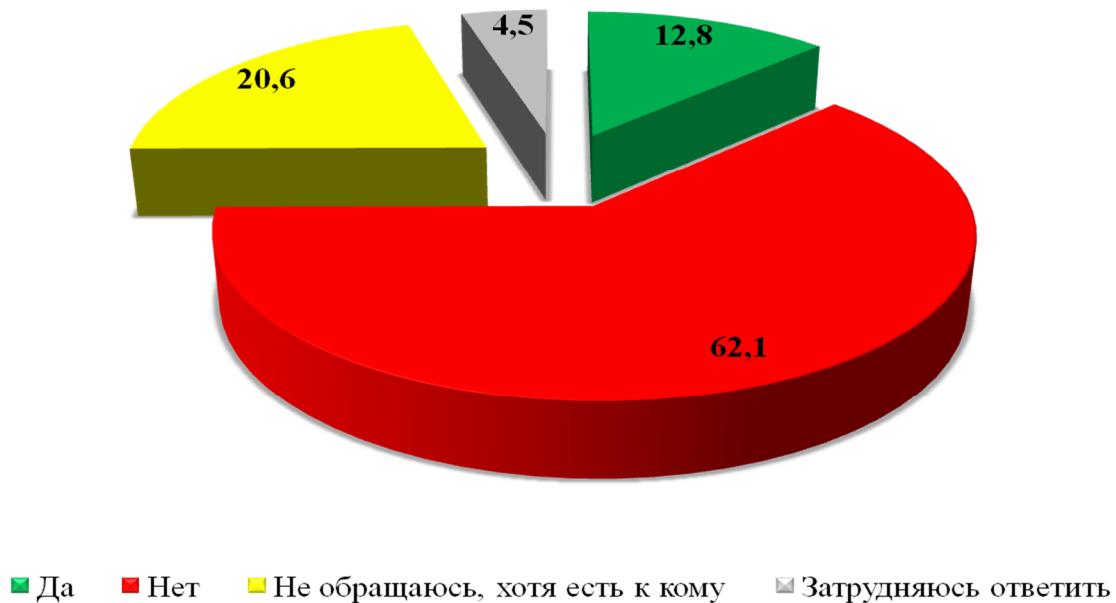
Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

Взятничество

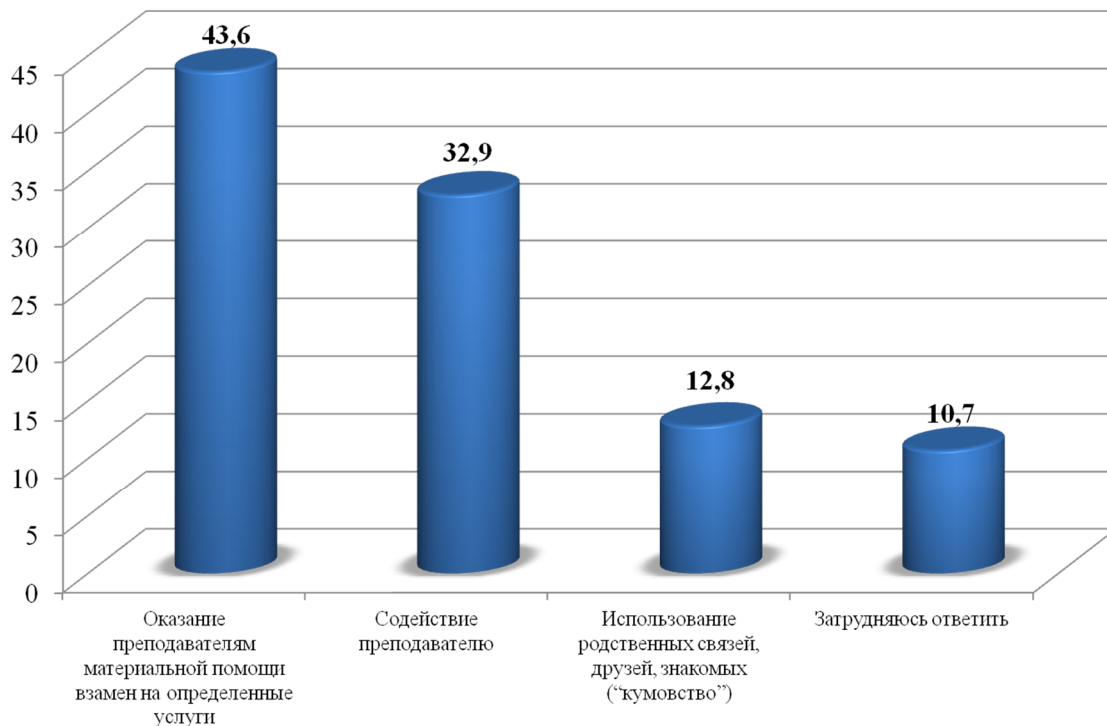
«Известны ли Вам случаи взятничества в Вашем ВУЗе?» (в %)

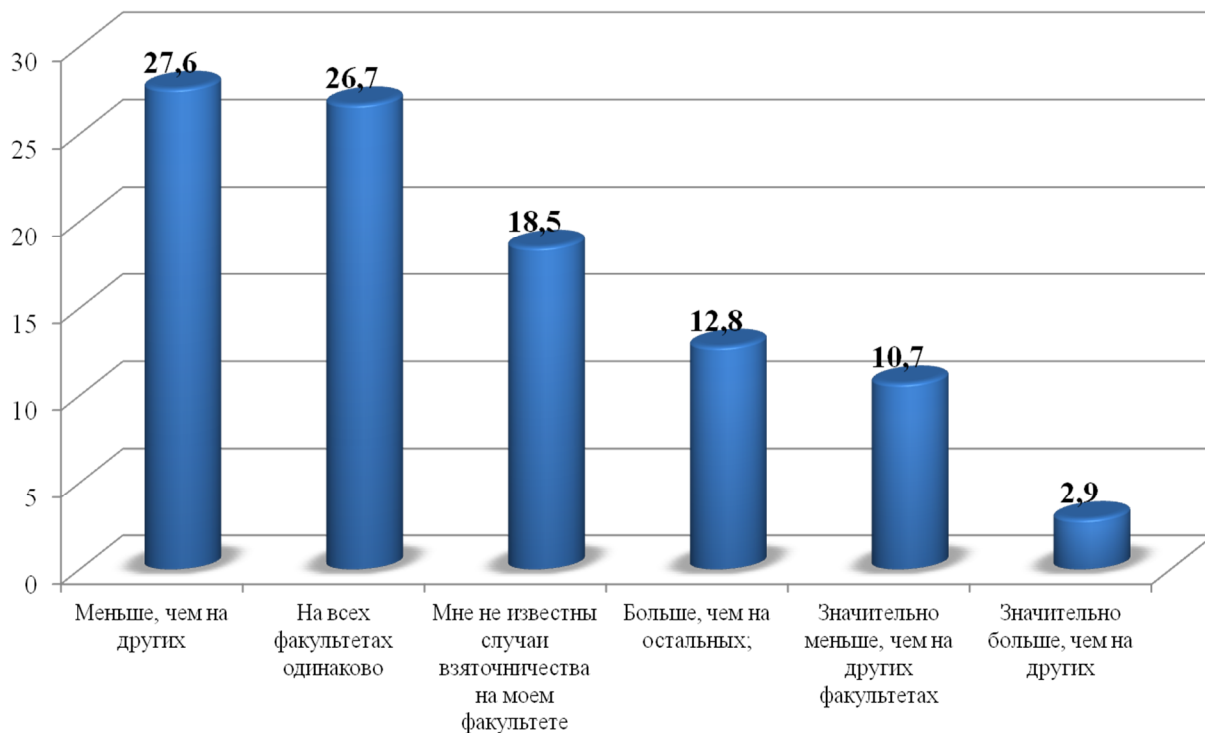
«Обращаетесь ли Вы к знакомым и родственникам для решения проблемных вопросов во время обучения в университете?» (в %)

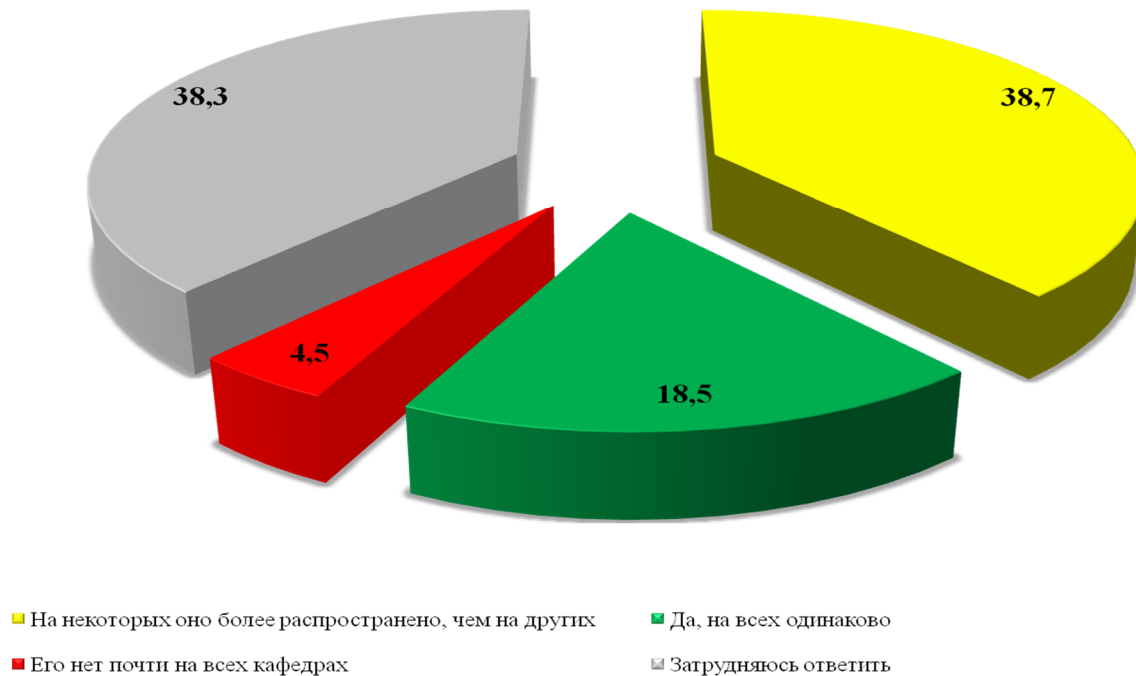
«Как Вы считаете, какая самая распространенная форма взяточничества на Вашем факультете?» (в %)

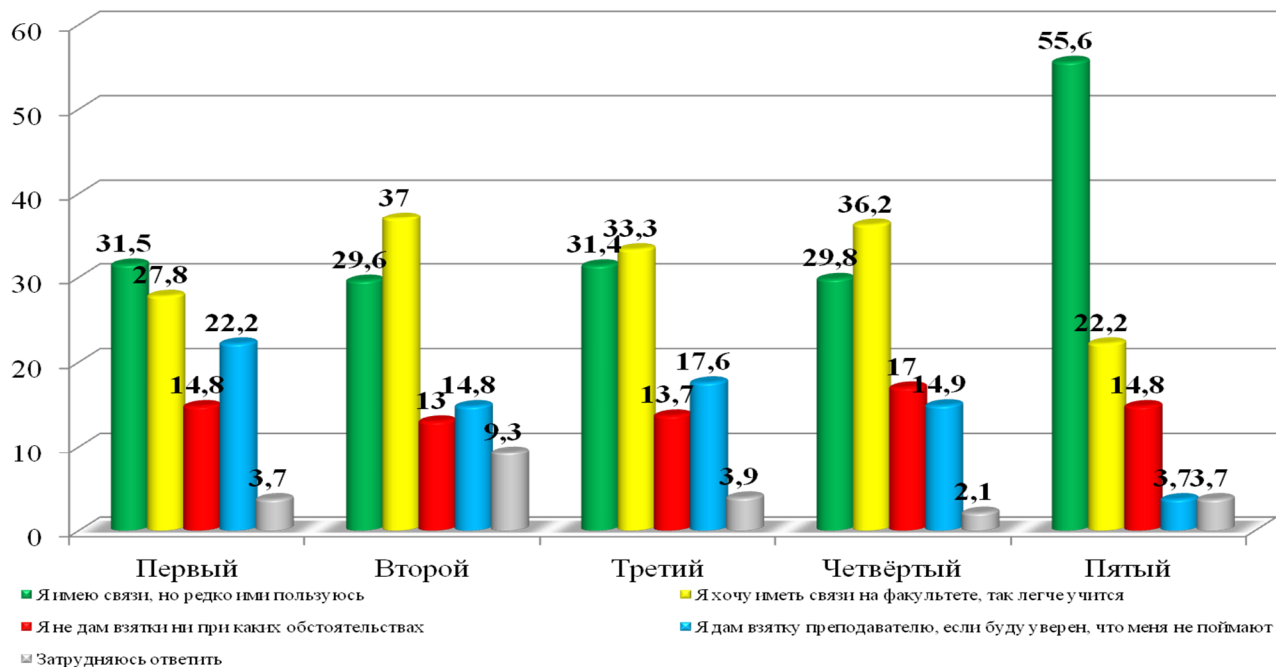
«Определите степень распространения взяточничества на Вашем факультете по сравнению с другими факультетами университета (в %)

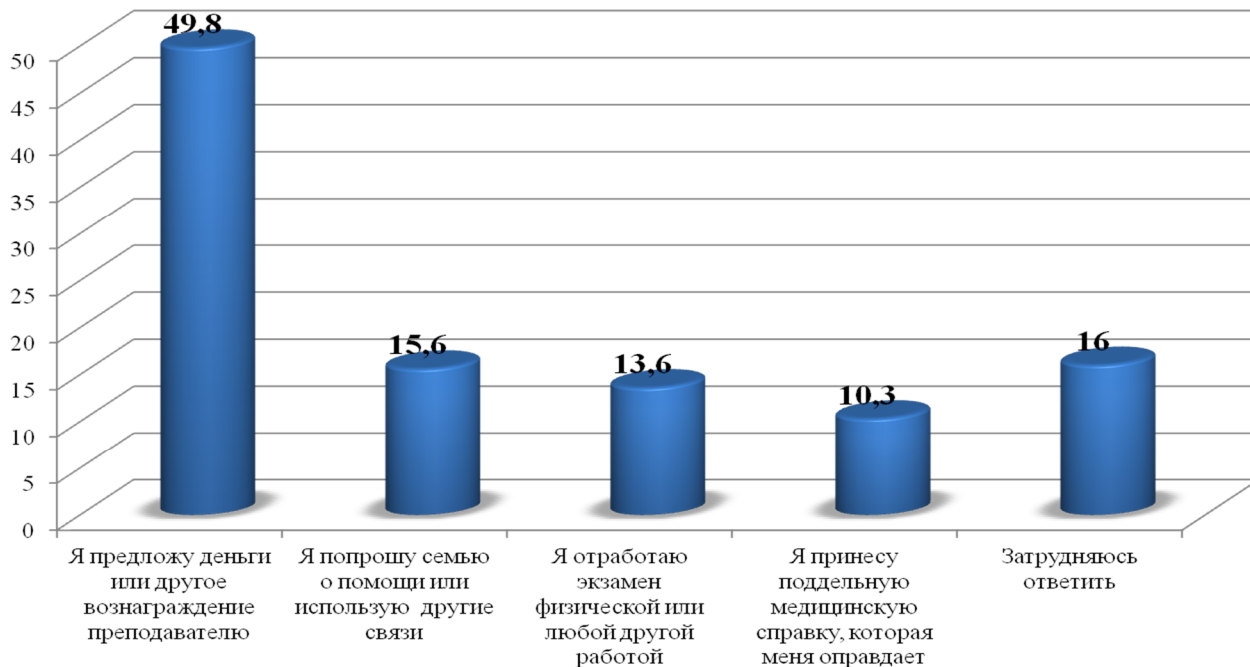
**«Как Вы думаете, одинаково ли распространено взяточничество на всех кафедрах
Вашего факультета?» (в %)**

**«Выберите тезис, который в наибольшей степени соответствует Вашей позиции:»
зависимости от курса обучения (в %)**

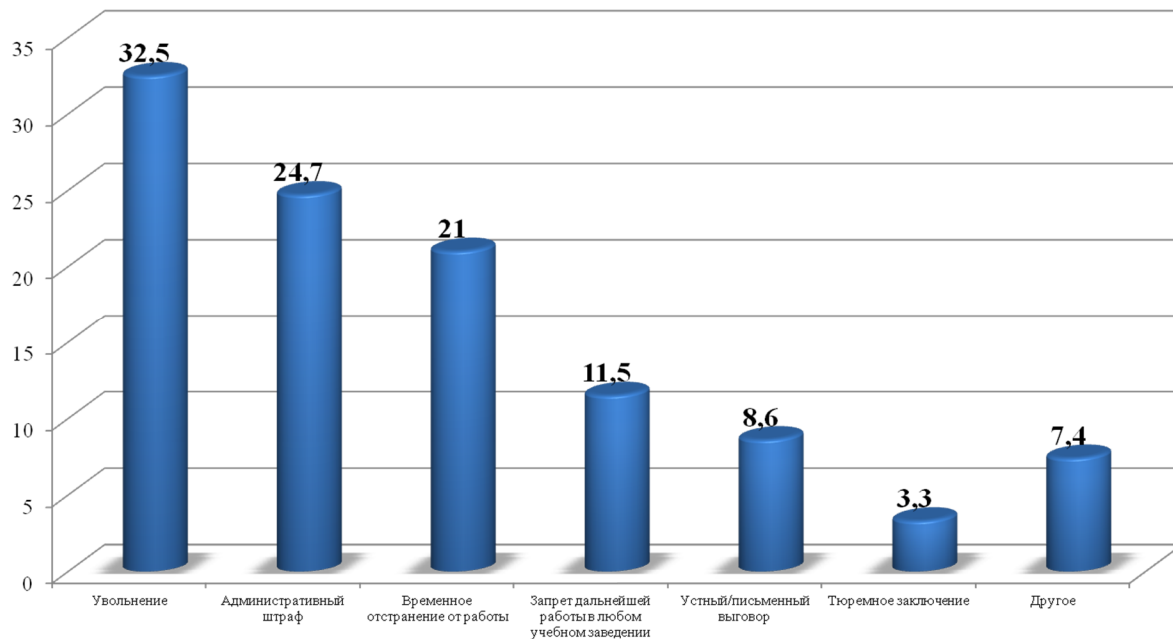

«Если бы Вы оказались под угрозой лишения стипендии, повторного обучения либо отчисления из университета, что бы Вы сделали из ниже перечисленного:» (в %)

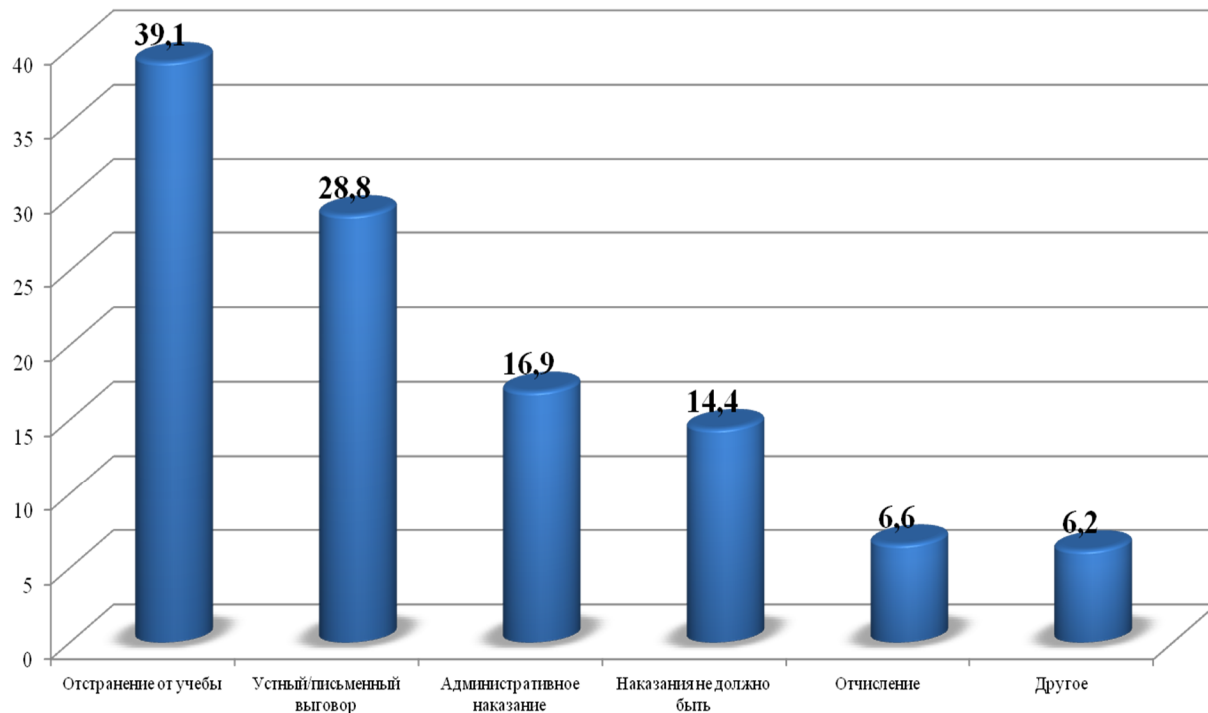
Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

«Как Вы думаете, каким будет самое справедливое наказание для преподавателей, которые берут взятки? (в %)

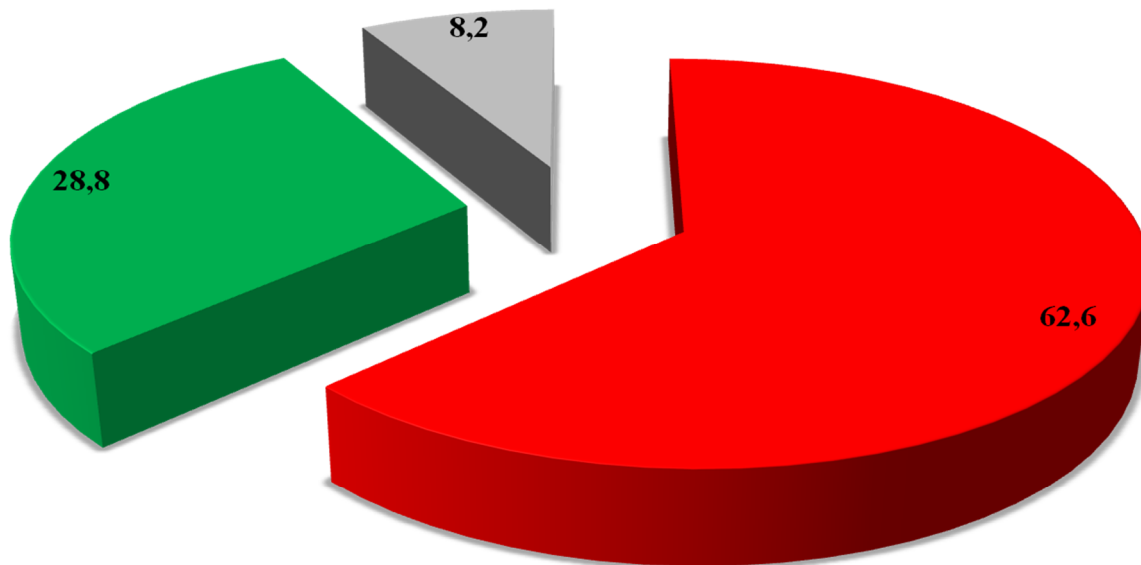
Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

«По Вашему мнению, каким должно быть наказание для студентов, которые дают взятки? (в %)

Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

«Вы бы пожаловались на студентов Вашего университета, если бы имели доказательства дачи взятки или оказания услуг преподавателю или должностному лицу в университете в обмен на хорошие оценки либо другие академические выгоды? (в %)

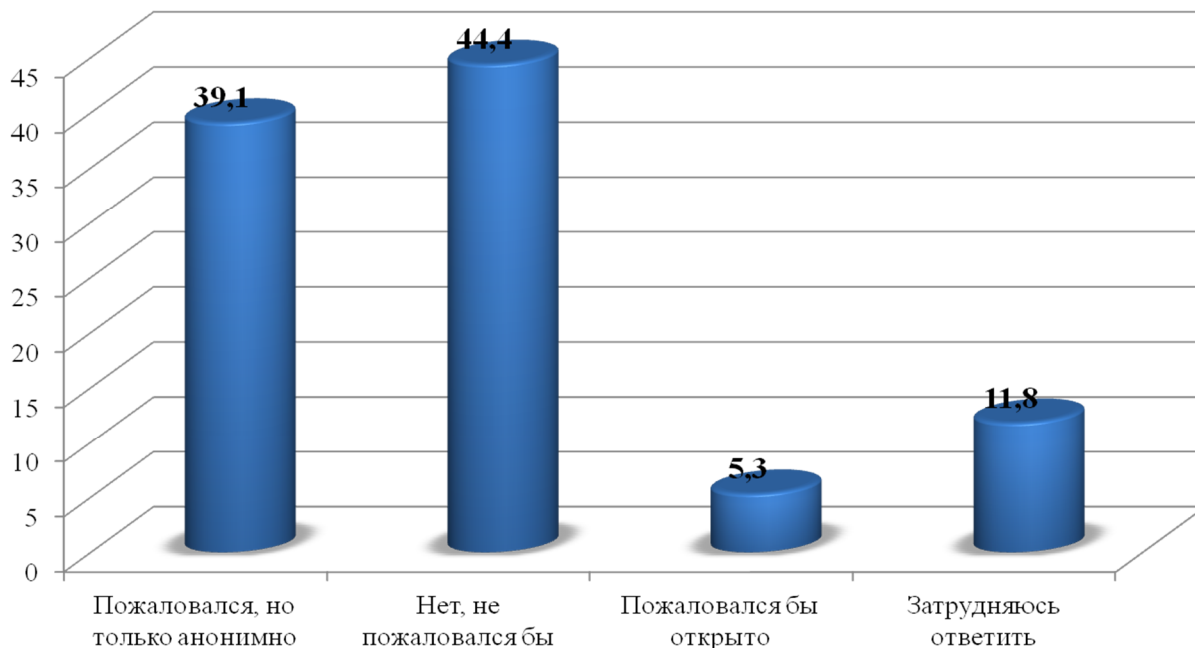

■ Нет, не пожаловался бы

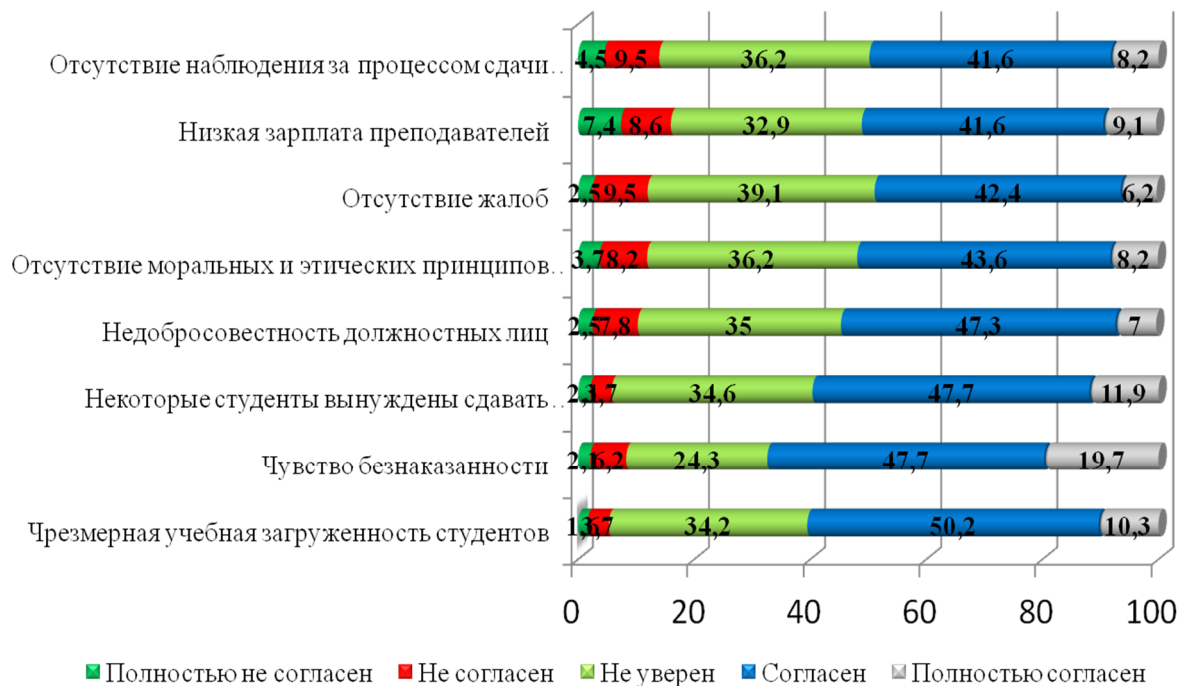
■ Пожаловался, но только анонимно

■ Затрудняюсь ответить

«Вы бы пожаловались в соответствующие инстанции на преподавателя Вашего университета, если бы имелись доказательства взяточничества или незаслуженного содействия своим друзьям / родственникам? (в %)

«Как Вы считаете, что является причиной существования взяточничества в университетах Украины?» (в %)

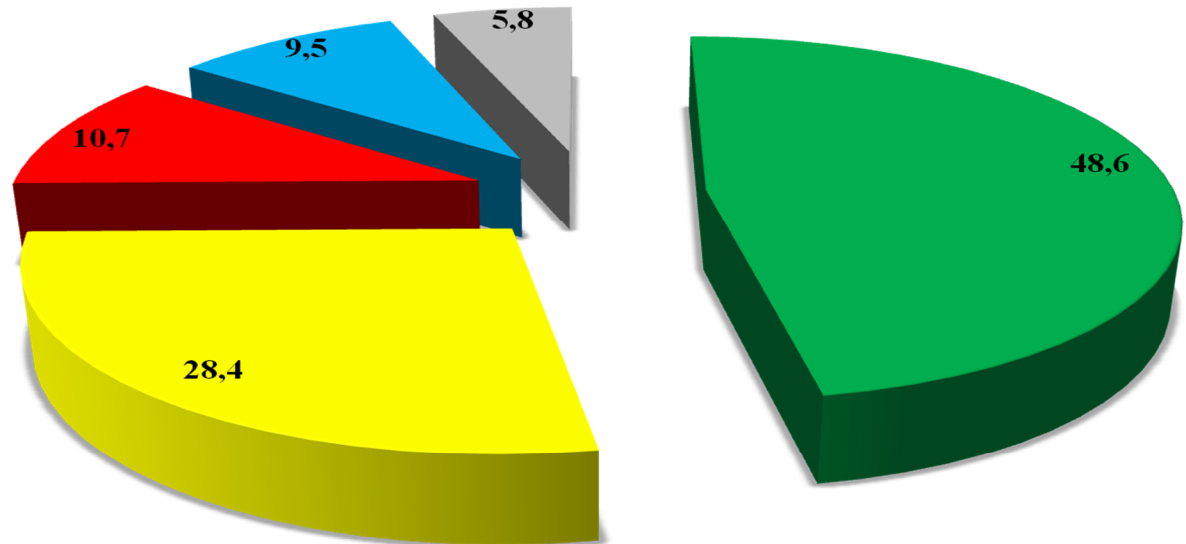
«Пожалуйста, выберите из списка три мероприятия, которые, по Вашему мнению, должны быть немедленно реализованы? (в %)

Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

Коррупция в общежитиях

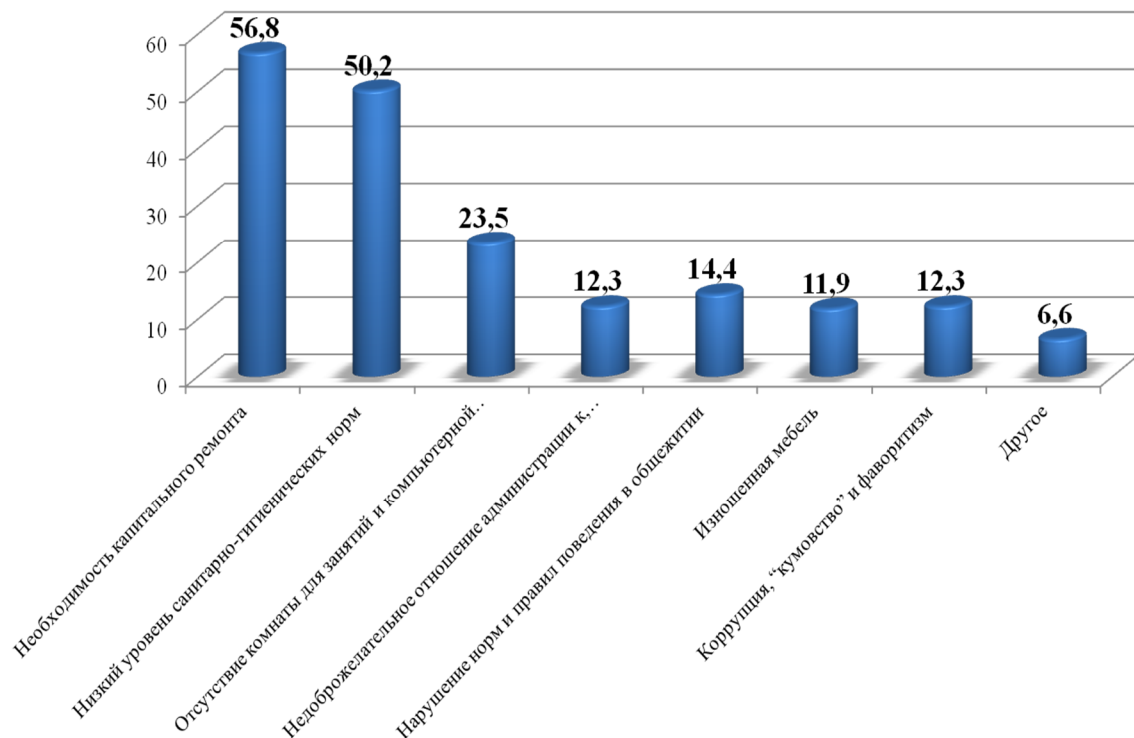
«Как Вы считаете, что является основной причиной поселения студентов в общежитие?» (в %)

■ Близость к университету ■ Желание быть независимым ■ Финансовые трудности
■ Не было другого выхода ■ Другое

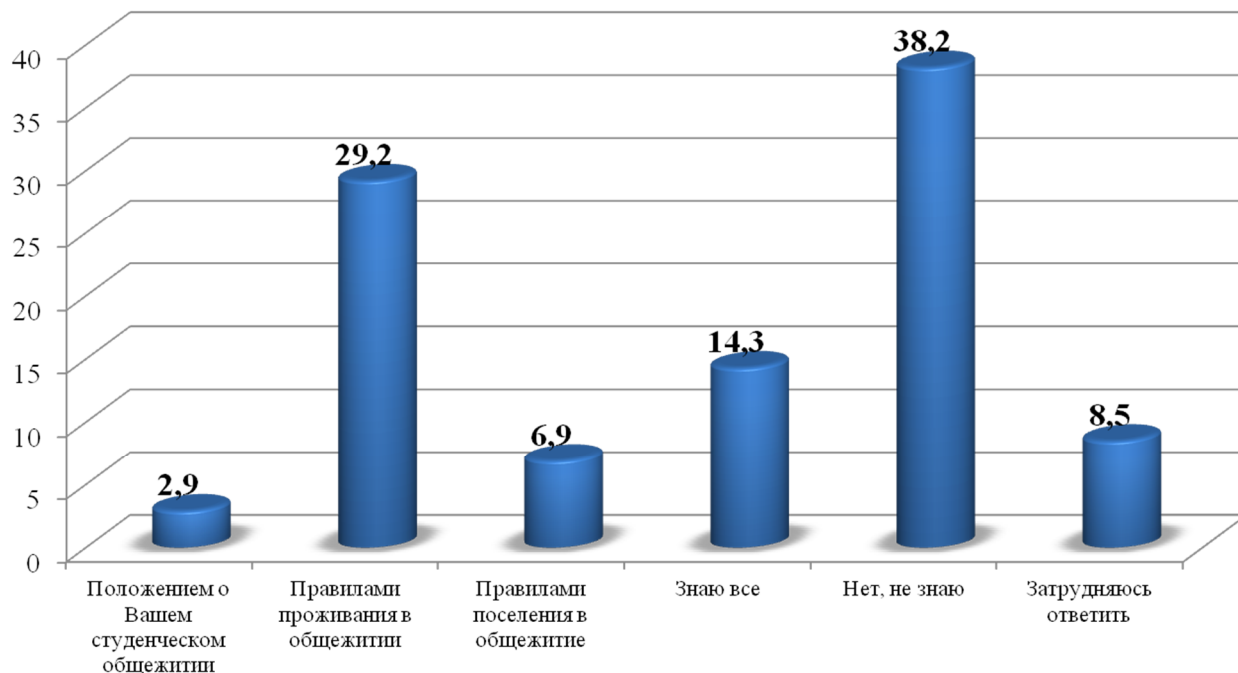
Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

«Как Вы думаете, какие основные проблемы в студенческих общежитиях?» (в %)

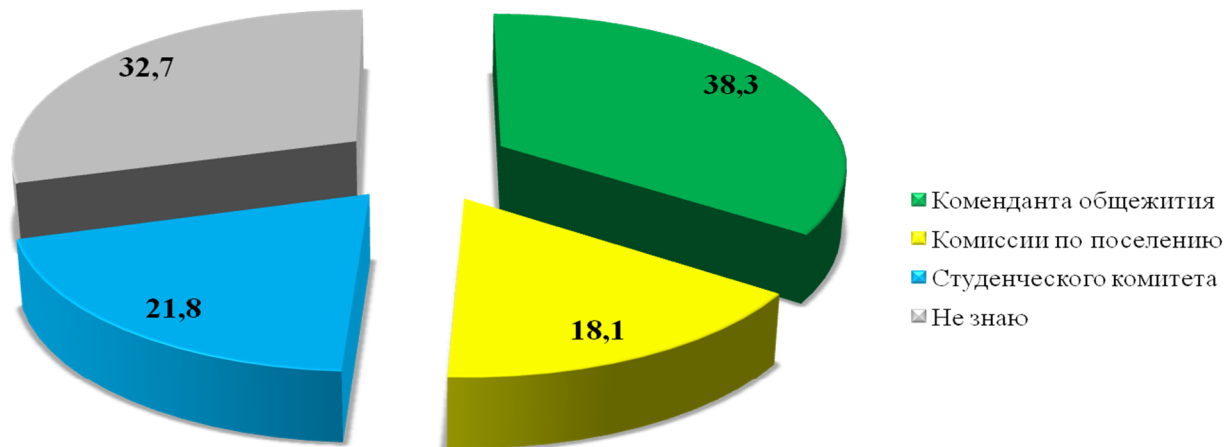

Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

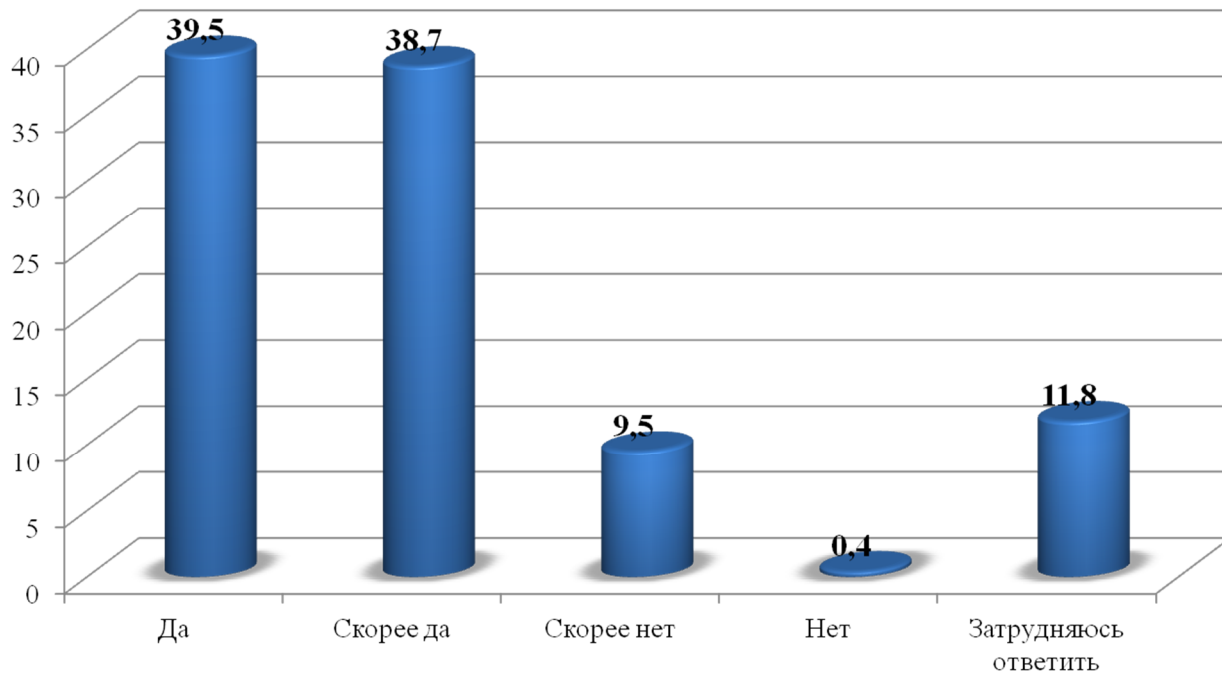
«Знакомы ли Вы со следующими документами: Положением о Вашем студенческом общежитии, правилами проживания в общежитии, правилами поселения в общежитие?» (в %)

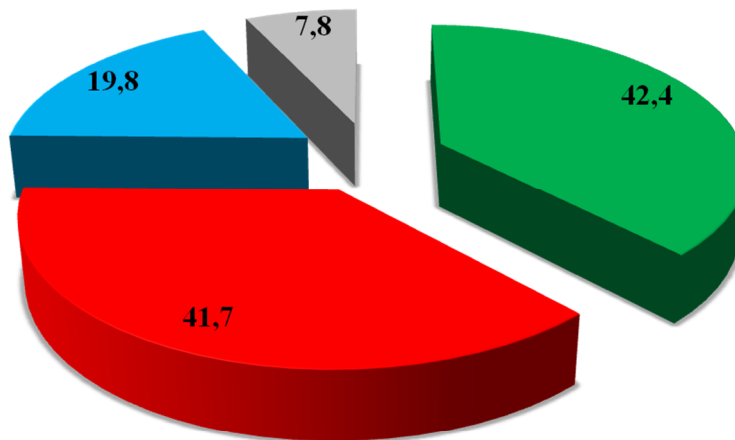
«Знаете ли Вы о функциональных обязанностях:» (в %)

**«Как Вы считаете, существует ли возможность получить комнату в общежитии
коррупцированным путем?» (в %)**

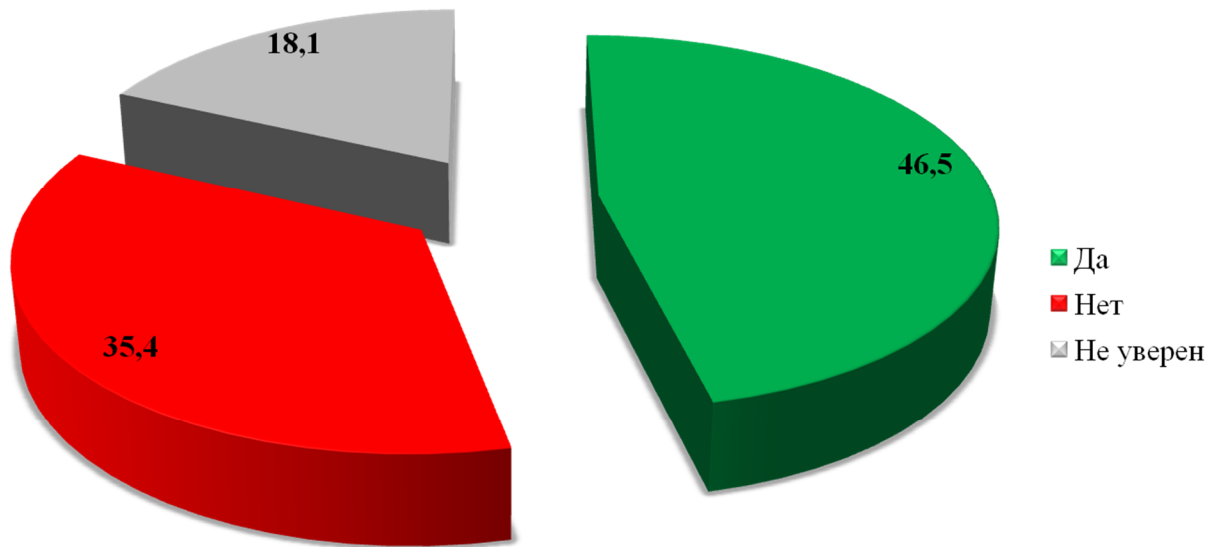
«Как Вы думаете, что является основной причиной существования коррупции в студенческих общежитиях (в %)

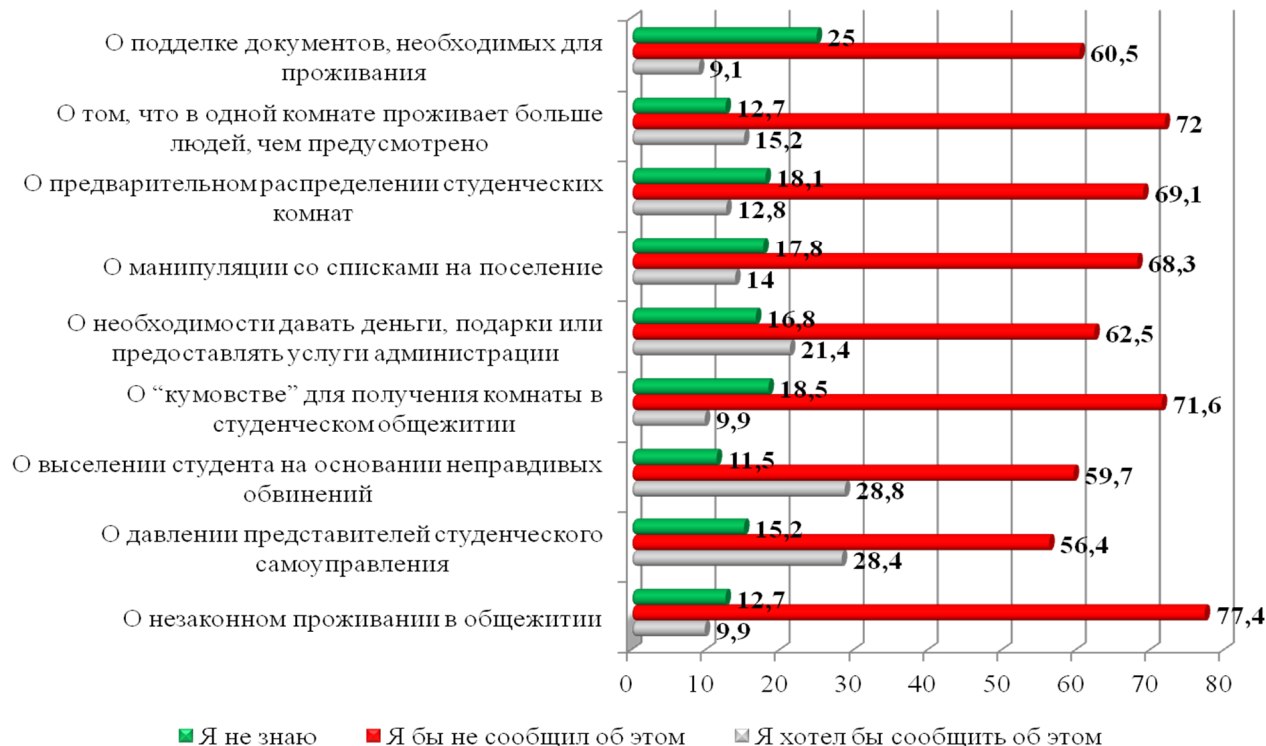
- Спрос на комнаты в общежитиях больше, чем предложение;
- Недостаточный контроль над общежитиями со стороны администрации;
- Студенты сами предлагают деньги, подарки или услуги для получения необходимой комнаты;
- Другое

Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

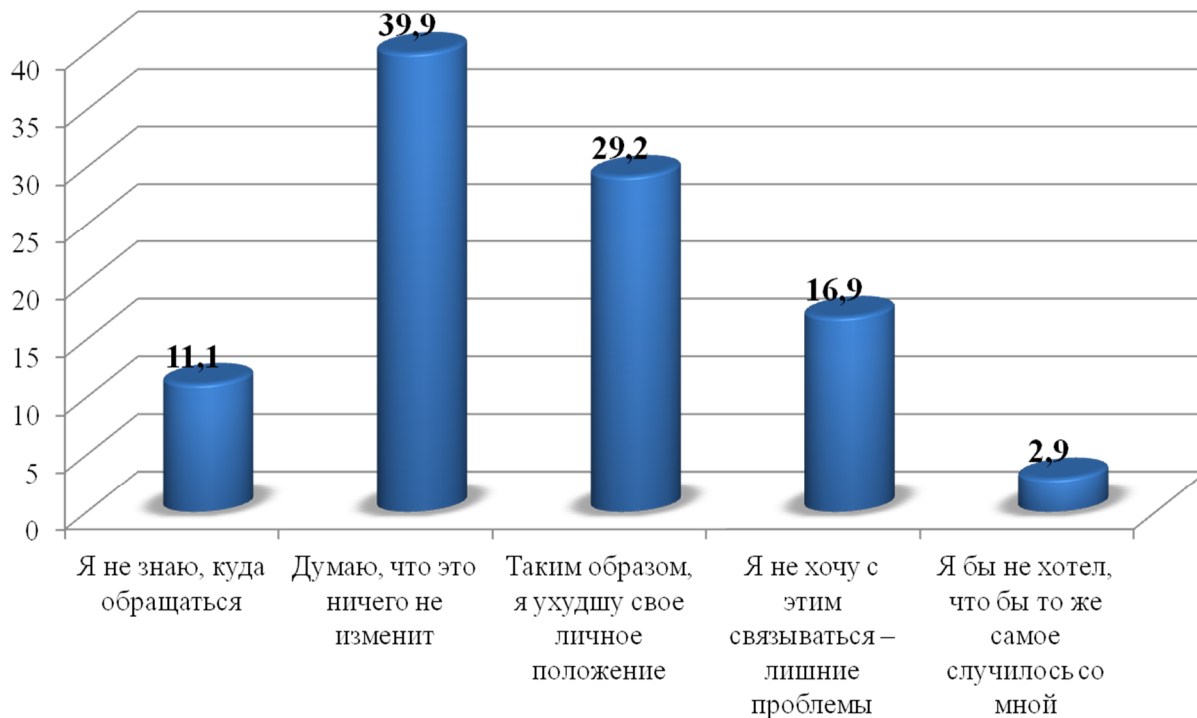
«Известно ли Вам, куда можно обратиться в случае выявления фактов коррупции?»
(В %)

«Как Вы думаете, о каких видах деятельности Вы бы сообщили?» (в %)

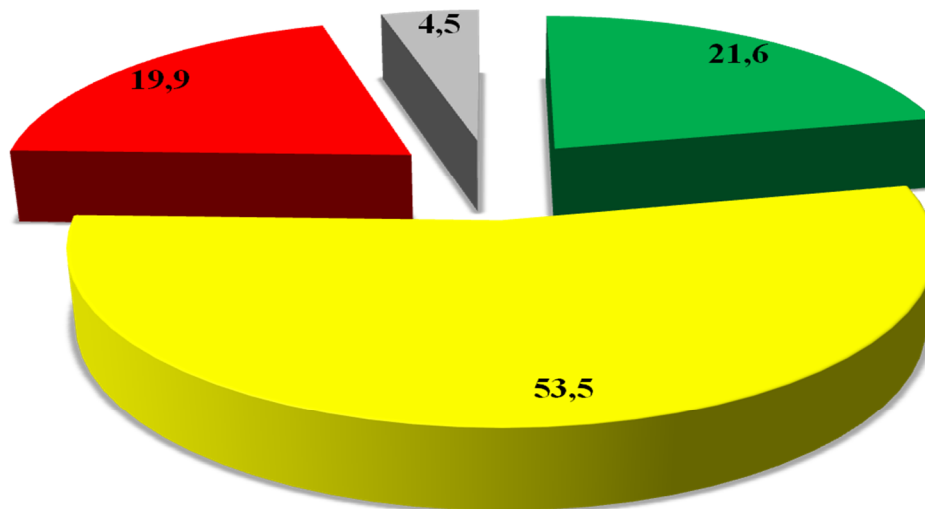

**«По какой причине Вы бы не стали жаловаться на проявление коррупции в
обществе?» (в %)**

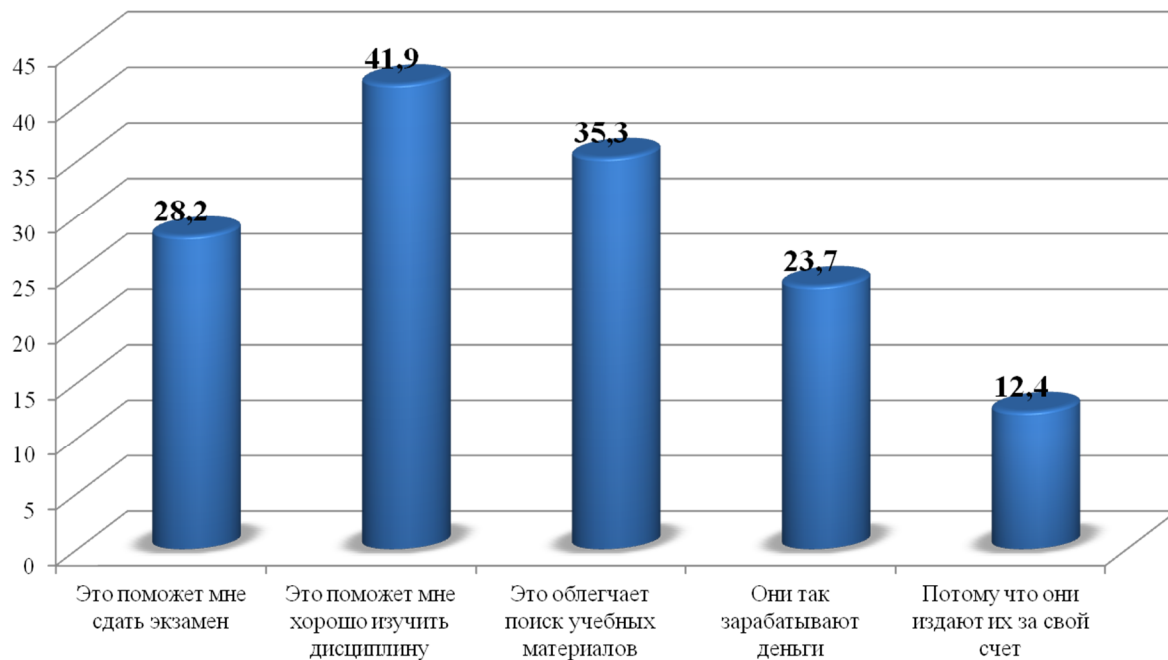
Продажа учебных пособий

«Предлагали Вам когда-либо преподаватели приобрести свои пособия и учебники?»
(в %)

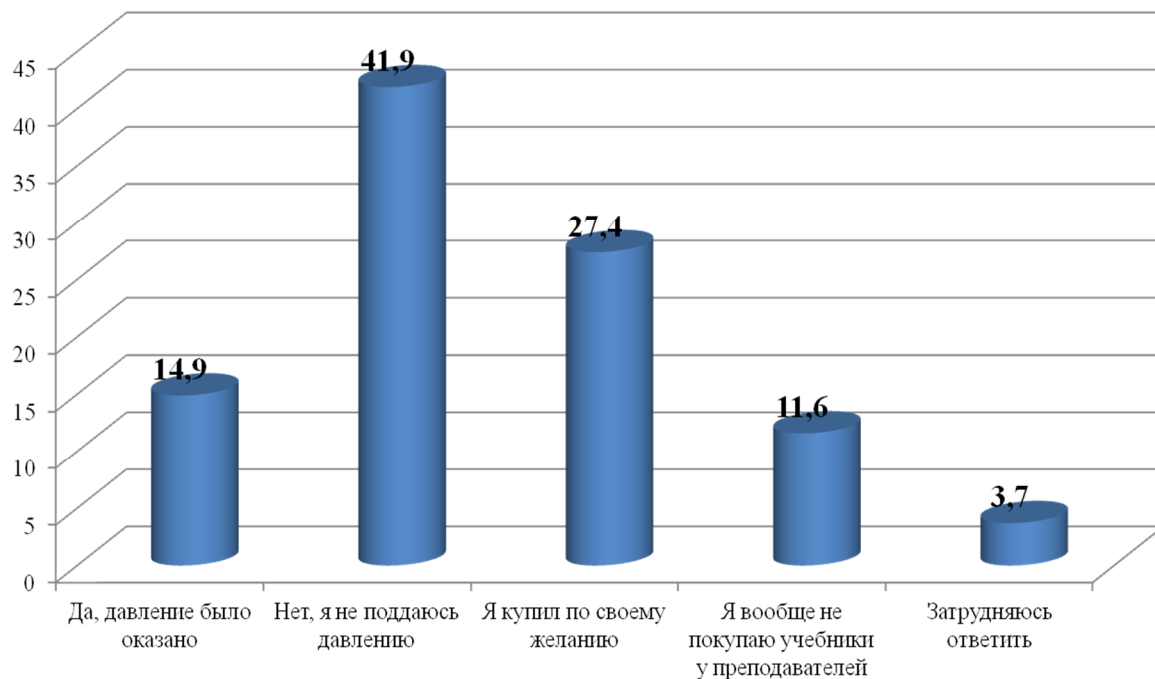

■ Да, часто ■ Да, когда-то было ■ Нет, никогда не предлагали ■ Первый раз об этом слышу

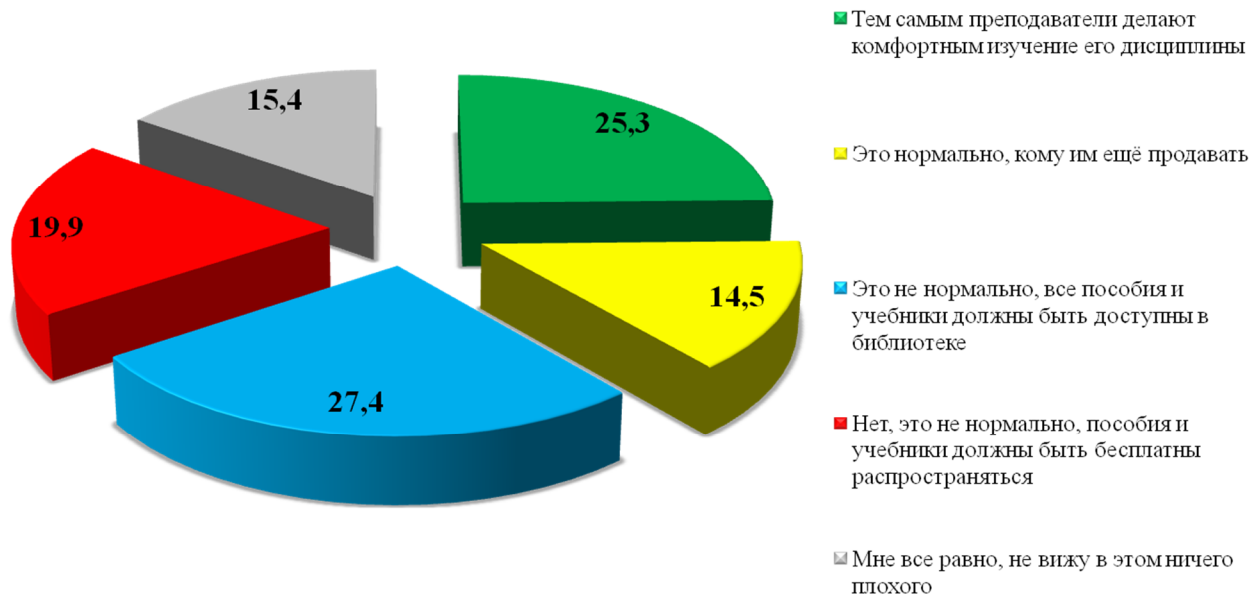
«Как Вы считаете, почему преподаватели предлагают студентам покупать свои пособия и учебники?» (в %)

«Предлагая свои пособия и учебники, оказывал ли преподаватель на Вас давление или это было Ваше желание?» (в %)

«Как Вы расцениваете продажу преподавателями своих пособий и учебников студентам напрямую?» (в %)

Подводя итоги, стоит отметить, что по отношению к взяточничеству, мошенничеству и коррупции в университетской среде во многих позициях мнения студентов сошлись.

Мошенничество в крымской образовательной среде студенты определяют как списывание на экзамене – за это высказалось 64,2% опрошенных. Донецкие респонденты вкладывают в этот термин подделку выставленных оценок – 71,9%. Стоит отметить, что все опрошенные в Крыму респонденты были предупреждены о системе наказаний за мошеннические действия во время обучения, что свидетельствует об эффективной системе информирования студенчества. В Донецке картина несколько иная. 33,6% опрошенных обозначили, что не знают о возможных наказаниях и не были предупреждены.

Больше половины респондентов отрицательно относятся к практике жалоб на студента за мошенничество. При этом доля респондентов из обоих регионов считающих, что жалобы на студентов - это положительное явление, крайне мала.

Основным механизмом предотвращения мошенничества для крымских студентов являются различные формы выговоров – 69,1%. Для донецких респондентов эта мера также является эффективной, но на первое место ставится опасение отчисления из университета – 46,9%.

Изучая ситуацию с взяточничеством, видим, что студенты донецких ВУЗов в большей степени ознакомлены о случаях взяточничества в своих учебных учреждениях, в отличие от своих крымских коллег. В университетах Донецка взяточничество, в основном, проявляется в форме оказания преподавателям материальной помощи взамен на определенные услуги – 59,4%, а в крымских – в форме содействия преподавателю в различных аспектах – 55,6%.

Для студентов из обоих регионов способом предотвращения угрозы лишения стипендии является предложение денег или другого вознаграждения преподавателю – за это высказалось свыше 63% опрошенных. Вероятно, эта мера рассматривается всеми студентами как наиболее действенная. Рассматривая готовность респондентов пожаловаться как на преподавателя, так и на студента в случае взяточничества, видим, что в обоих случаях студенты крымских ВУЗов заметно активнее настроены для борьбы с взяточничеством. Если на студента, совершающего

противозаконные действия, пожаловались бы 45,7%, то на преподавателя – 61,7%. С донецкими студентами ситуация обратная – в обоих случаях большинство респондентов отказались подавать жалобы.

По мнению донецких и крымских студентов, основными причинами взяточничества в Украине являются: чувство безнаказанности, чрезмерная учебная загруженность студентов и необходимость сдавать экзамен любой ценой. Таким образом, вне зависимости от региона студенты определили схожие причины взяточничества в стране. Наиболее явной становится отсутствие действенных механизмов наказания за взятки, что и порождает чувство безнаказанности.

Анализируя ситуацию с общежитиями, стоит отметить, что для крымских студентов основным мотивом поселения в общежитие служит его близость к корпусам университета. Данная причина также называется и респондентами из Донецка, однако, для них вторым по значению мотивом является желание быть независимым. Основными проблемами в студенческих общежитиях, обозначенными студентами обоих регионов являются: необходимость капитального ремонта и низкий уровень санитарно-гигиенических норм. Практически все опрошенные респонденты крымских и донецких ВУЗов уверены, что существует реальная возможность получить комнату в общежитии коррумпированным путём. В равной степени студенты определяют существование коррупции в общежитиях тем, что спрос на комнаты больше, чем предложение. Крымские респонденты на первый план ставят отсутствие эффективного контроля над общежитиями со стороны администрации. Основными причинами отказа студентов из обоих регионов подавать жалобы на коррупционные действия являются: мнение, что это ничего не изменит, и опасение ухудшить своё положение.

Практика продажи преподавателями своих пособий и учебников существует и в донецких, и в крымских ВУЗах. В последних студенты сталкивались с этим явлением чаще. Студенты донецких ВУЗов расценивают продажу преподавателями пособий и учебников как нормальное и в целом позитивное явление. Крымские же респонденты в данном вопросе настроены более категорично. Также большинство из них утверждает, что не поддаются никакому давлению.

ЭТАПЫ ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

ГЛУБИННЫЕ ИНТЕРВЬЮ

В современном мире слишком много внимания уделяется престижности. Престижной должна быть профессия, высшее учебное заведение и т.д. Однако за этим стоит мнимое ощущение студентов их родителей, что поступив в престижный ВУЗ, человек получит хорошую работу и добьется большего успеха в жизни.

Изначально образовательный процесс искажается желанием получить диплом, а не приобрести необходимые квалификационные характеристики, навыки, умение, профессионализм. Отсюда форм и способов получения диплома становится больше, а отображает ли его содержание реальную картину специалиста, этот вопрос не принимается во внимание. Руководствуясь тезисом, что на работе все равно научат, студент часто откровенно игнорирует учебный процесс и это в следствии приводит к проявлению коррупционных схем сдачи экзаменов и получении необходимого бала.

Хотя с другой стороны, некоторые способные студенты, которые нацелены на совершенствование себя по средствам высшей школы, достойно себя реализуют в учебном процессе. Более слабый контингент держится за счет политики вуза, который старается этот контингент сохранять.

Отметим, что даже в условиях интенсивной конкуренции обман является тоже неизбежным ее результатом. Студенты хотят получать стипендию и быть более независимыми от родителей, поэтому добиваются получения соответствующего бала для этого.

Нами также были исследованы внутренние процессы образовательного процесса. Общее спокойное восприятие подкупа, дачи или предложение взятки свидетельствует об устоявшейся практике этих явлений в жизни высших учебных заведений. При этом большинство респондентов, относится негативно к проявлению коррупции в высшей школе. Но и этот момент имеет несколько состояний. Так, респонденты могут однозначно оправдывать преподавателей, которые берут взятки, в силу их “недооцененности” в денежном эквиваленте со стороны государства. Однако при

этом, если преподаватель вымогает взятку, тогда вступает в силу моральная сторона дела, которая так незаметно опускалась при ответе на вопрос о причинах, которые толкают преподавателя брать взятки.

В ответах респондентов наблюдалось “мягкое” отношение и к студентам, которые дают взятки по принуждению или в силу своей “некомпетентности” как студента. Осуждаются они, при условии их повышенной “талантливости” или ленивости. Таким образом, несовместимые аспекты уживаются в понимании опрошенных нами преподавателей.

Отметим, что достаточно противоречивое отношение к проблемам коррупционного характера наблюдается у респондентов. С одной стороны, они поддерживают инициативу борьбы с этим злом, но с другой – лишь косвенно описывают себя в этом процессе.

Проблемы, которых касались в процессе интервью, располагаются на трех уровнях: социально-экономическом, профессионально-этическом и морально-нравственном. И респонденты предлагали работать по преобразованию именно этих трех уровней. Повышение качества образования зависит от престижа качественного образования и его приоритетности для страны. В современных условиях, где все большие обороты набирает “симулятивные” технологии, значение и сохранение сущности явлений и процессов выступает важной задачей. В свою очередь, коррупция является симуляцией успешности обучения. Диплом, который состоит из купленных оценок, внешне имеет презентабельный вид и составляет конкурентоспособность его обладателя на рынке труда, однако, по сути, не отражает его истинных знаний, умений и навыков.

В целом университет является площадкой для моделирования дальнейшего поведения студентов во взрослой жизни и это определенно оставляет отпечаток на функционировании их практик взаимодействия в других сферах. Так, если студент усвоит в большей степени схемы договоренностей, подкупа, шантажа, обмана, взяточничества, то такими технологиями и будет продолжать пользоваться дальше, а это и будет укреплять коррупционную систему других сфер жизнедеятельности государства.

Следует увеличивать конкуренцию, как среди вузов, так и среди студентов для

поступления в высшую школу. Спрос на рынке труда на выпускника, который закончил вуз с незапятнанной репутацией и серьезной теоретической и практической базой будет намного выше. Создание таких условий, должно быть обеспечено со стороны государства и третьего сектора, а именно независимых общественных организаций.

Снижения уровня коррупции приведет к более открытому инвестированию сферы образования, что непосредственно отобразится на техническо-информационной базе вуза в целом, его репутации частности. Прозрачность образования обеспечит выпускникам более упрощенную форму принятия на работу, доверие к диплому и его содержанию.

Основные идеи, которые были сформулированы респондентами, определяют их отношение к проблеме студенческого мошенничества и сущность этого явления. Также на основе полученных данных, можно формулировать направления развития основных тенденций.

Так, было установлено следующие закономерности:

- наблюдается неоднозначное отношение к молодым преподавателям: от мнения, что им все безразлично до особенной строгости к студентам;

- студенческое мошенничество становится менее оригинальным, – это влияет на “атмосферу”, на университетскую культуру (поскольку существует устойчивое мнение, что студенческое мошенничество – это норма университетской жизни и студенческого поведения, конечно, если речь идет о безобидном списывании, в первую очередь);

- преподаватели поощряют процесс, используя попустительствующий стиль в отношении надзора на контрольных точках. Причина – “борьба за каждого студента” в условиях коммерциализации вузов.

- респондентам легче говорить о студенческом мошенничестве, чем о взяточничестве в университете, даже если они не практикуют коррупционные практики (все понимают и воспринимают коррупцию как преступное деяние);

- преподавательский контроль ослабел, популярным становится попустительствующий стиль (можно еще назвать его как адекватный ситуации), поскольку этого требует система образования и необходимость сохранения контингента студентов;

– увлечение письменными работами, устные – на второй план, а ведь зачастую устный экзамен – это контроль, который может помочь выявить истинные знания студента, с одной стороны, а с другой – устные экзамены – более субъективны;

– защищаясь от субъективности письменными работами, преподаватели наступают на другие грабли – усиление (учащение) студенческого противодействия – через применение мошенничества;

– студенты не задумываются о таких противоправных деяниях как списывание, плагиат и т.п., и им редко говорят о том, что они совершают противоправные действия;

– преподаватели особенно не приемлют наглость студентов и проявление неуважения к ним.

Мошенничество со стороны студентов в учебном процессе имеет несколько степеней. При первом приближении – это традиционно неотъемлемая часть “прозорливого” студента как собирательного образа. Такой студент обязательно будет пытаться получить желаемые оценки нечестными способами, а случаи его неудачи становятся лейтмотивом для студенческого народного фольклора. То есть культура мошенничества передается из поколения в поколение и не вызывает категоричного осуждения в среде преподавателей (ведь те сами были студентами в свое время, они все еще часть этой субкультуры).

При погружении в проблему появляются черты взяточничества как социального явления с негативными оттенками. Так списывание, приписывание себе результатов работы другого, обман, подкуп несут в себе разрушительный характер для будущего специалиста, который получив диплом на основе обмана или мошенничества, не будет отвечать критериям высокопрофессионального специалиста. И что, немало важно, снижается уровень стремления к достижению этого состояния у студентов. Понимание того, что студент нужен вузу больше, чем вуз студенту, приводит к его несерьезному отношению к учебе в целом. Разрыв между получением диплома и высокооплачиваемой работой также не способствует мотивации студента для добросовестной учебы.

И при рассмотрении перспектив сохранения данной тенденции появляется озабоченность

будущим всего общества. Нельзя оставлять ситуацию на самотек. Вмешательство государства на уровне реформ высшего образования, не имеет желаемого эффекта. Участие в процессе переориентации высшей школы на честность и прозрачность учебного процесса можно в большей степени приписать третьей стороне. Таковой может выступать негосударственные общественные организации, которые на основе комплекса мероприятий смогут создать “правильный” образ вуза, его функционального содержания и сориентировать студента на честное получение знаний как основного капитала для реализации себя в будущем.

Мошенничество студентов во время их обучения – одна из распространенных проблем в вузах, причем проблема, к которой наблюдается, как мы увидели из исследования, практически однозначное отношение и со стороны преподавателей, и стороны студентов, и со стороны администрации, да и общества в целом. Возможно, это надуманная проблема? И влияет ли студенческое мошенничество на прозрачность образования? Мы попытались в этом разобраться, проведя ряд интервью с преподавателями вузов.

Исследователи рассматривали мошенничество в вузе как общераспространенную практику – неформальный, порой внеправовой способ получения желаемого результата в процессе обучения. Все респонденты, будучи уже членом профессорско-преподавательского состава, сталкивались со студенческим мошенничеством. Кто чаще, кто реже, в зависимости от отношения к самой проблеме, поскольку не все преподаватели, которых мы отпросили, считают некоторые формы мошенничества, такие, как списывание, например, мошенничеством: *“Списать... это, наверное, норма. Все студенты, как студенты”*; *“... списывание, я даже мошенничеством не считаю, каждый студент при удобном случае списывает, это обычное дело”*.

Преподаватели отслеживают данную ситуацию, наблюдая за поведением, одеждой, прической, дислокацией студентов во время контроля: *“...дал задание, видишь, студент начал шевелиться, значит, пытается что-то списать”*. В словах одного из респондентов мы проследили его видение того, что студенты избирательно подходят к использованию мошенничества, отмечалась их боязнь преподавателей, которые имеют административные

должности: *“естественно, было бы смешно сказать, что не сталкиваюсь. Но в умеренных дозах, может быть потому, что я много лет была деканом и завкафедрой...”*.

Половина опрошенных нами преподавателей, причем с различным стажем работы, затруднялись сразу ответить на вопрос о том, сталкивались ли они, работая в вузе, со студенческим мошенничеством: *“Не просто ответить”*, – говорили одни, другие – *“...это слишком широкий вопрос”*. Сложность, на наш взгляд, заключалась в том, что исследователь не сразу давал пояснение, что такое мошенничество (звучит непривычно для стен университета), да еще и со стороны студентов, тем самым заставляя респондента *“напрячься”*. В процессе интервью становилось понятно, что не все то, что исследователи относили к видам мошенничества (в основном – списывание, плагиат, подделка подписей и документов, обман, манипулирование преподавателем), воспринималось респондентами как мошенничество.

Списывание – самый распространенный вид мошенничества с точки зрения исследователей – оказался, по мнению большинства преподавателей, нормой: *“... для меня этой проблемы нет*, для некоторых респондентов списывание стало обычным делом, а работы студентов – узнаваемыми: *“...у меня настолько глаз намылился смотреть на одни и те же работы”*, для других – не замечать списывание – вопросом *“человеческого”* отношения к студентам: *“...я к студентам отношусь терпеливо, лояльно, толерантно”*. И лишь один респондент слукавил (видимо, потому что занимал административную должность и не захотел порочить *“своих”* студентов): *“На моей практике такого не было, но слышал... Я подозреваю, что такое имеется”*, хотя в дальнейшем этот респондент уже охотно рассказывал о формах и видах мошенничества... Для некоторых респондентов сам факт существования такого вида мошенничества вызывает сожаление (причем этот респондент не констатирует, что такие случаи являются частыми): *“... встречаются такие случаи, к сожалению”*. Следует отметить, что когда респондентам задавался вопрос о частоте встречаемости такого вида мошенничества, как списывание, – не все преподаватели констатировали, что это явление частое, но сталкивались – все.

И если, по словам респондентов, списывание встречается не так уж и часто, то какую

другую стратегию используют студенты? Плагиат, подкуп...? Или студентам лень вообще что-либо делать? Естественно, мы не исключаем такой вариант, как “выучить предмет”!!!

Плагиат. Говоря о плагиате, зачастую преподаватели оправдывают студентов: *“возможно, дублирование чужой работы и плагиат совершается студентом не всегда специально. Сейчас, очень много информации, свободный доступ к информации. Отсутствие жесткой цензуры создает благоприятную почву для плагиата, и порой плагиат встречается не только в работах студентов, можно и самому повторить какую-то мысль, и эта мысль повторяется у авторов в научных журналах”.*

“Покупка” медицинских справок: *“медицинские справки – мы не обращаем внимание на это, есть справка – хорошо, если нет, то наличие конспекта.*

Подделка подписи в зачетке (довольно редко встречали наши респонденты этот вид обмана, лишь некоторые вспоминали единичные случаи): *“это очень часто делают школьники, исправляют в дневниках, они же не понимают, что зачетка – это совсем другое”.*

Манипулирование человеческими качествами преподавателя (давление на жалость, на справедливость...). В связи с этим – история, рассказанная респондентом (причем, подобные истории можно слышать от преподавателей разных вузов): *“Была одна девочка, которая пришла и сказала, что мама умерла. Мы все люди, у нас тоже есть чувства... А потом я в деканате была, и говорю, что вот у вас студентка, мама у нее умерла. А они мне, да вы что, никто не умерла. А она меня убеждала, что материальную помощь получила в деканате”. “Часто студенты хотят расслабиться, погулять, а потом приходят с невыполненными заданиями, ... пытаются соврать, говорят, что болел, не успел [выполнить задание]”.*

Поскольку этот вопрос был одним из первых и от респондентов чувствовалось некое напряжение, при ответах исследователи чувствовали, что преподавателям было порой неловко обманные действия студентов квалифицировать как “мошенничество”, называя те или иные действия, они, зачастую, тут же находили оправдание таким действиям студентов, хотя спустя небольшое время им становилось “проще” говорить о студенческом мошенничестве: *“если работу правильно построить, то можно с этим много не сталкиваться”.*

О подкупе как мошенничестве упомянул лишь один респондент: *“естественно – это плагиат, второе – списывание, ну, а третье – это подкуп. ...От психологического воздействия до реальной взятки”*.

Какие способы мошенничества являются наиболее распространенными среди студентов? – Этот вопрос был уже ближе к середине интервью и респонденты свободно оперировали таким понятием, как “студенческое мошенничество”. Преподаватели отмечали, что у студентов на этот счет *“...арсенал действительно большой, пользуются многим..., “причем виртуозно”*. Первое место заняли плагиат и списывание (причем с электронных носителей и телефонов, в первую очередь): *“хотя, я не могу сказать, что это мошенничество”*, далее респондентами назывались уменьшенные ксерокопии конспектов, лекций, первоисточников.

Реакция респондентов на использование студентами мошенничества: негативное (встречалось в ответах респондентов редко, причем больше с сожалением) – беспомощность: *“...но, ничего не поделаешь”* – относительно позитивное: *“...если и списал, то он [студент] уже повторил, – то это уже хорошо”*, *“это лишний раз заглянуть в конспект, это тоже дает какой-то эффект все повторить”*.

Респондентами неоднократно отмечалось, что списывание все реже используется, поэтому “лишнее заглядывание в конспект, первоисточник или учебник” – одобряется преподавателем (студент не поленился и что-то сделал!).

Мы видим из интервью респондентов, что *“...они [способы студенческого мошенничества] практически являются похожими и практически не изменились со временем...”*, и, хотя *“новаторство присутствует, но суть не меняется”*, *“технологии совершенствуются, а само мошенничество становится примитивным... В этом отношении, увы, мельчает студент”*, *“за последнее время студенты не очень оригинальны”*. Некоторые преподаватели с большим опытом работы, по их признанию, плохо владеют новыми технологиями, и, расписываясь в собственной слабости, признаются, что не поспевают за студентами и новыми технологиями.

Мошенничество можно рассматривать как реакцию на методы обучения, на систему преподавания, на систему контроля в университете, на систему ценностей в обществе, наконец,

на прозрачность образования... Но, тем не менее, реакция современного преподавателя на “вызов” современного студента звучит примерно так: *“зря они стараются”*, – что говорит все же, в большинстве случаев, о том, что вся система образования меняется, меняется организационная культура университетов, а не только студенты с их “хитростями” и новыми технологиями...

Интересным оказался вопрос с точки зрения решения респондентами дилеммы: взаимопомощь или мошенничество? Преподавателям был задан вопрос: “Считается ли обманом ситуация, когда студенты передают вопросы / тесты с предыдущего экзамена другой студенческой группе (у которой только будет экзамен) или обмениваются между собой другой информацией относительно экзамена?” Этот “трудный”, “сложный” и “неоднозначный” вопрос, который вызвал заметный интерес наших респондентов, был задан с целью выявить особенности коммуникации в студенческой группе и цели обмана в контексте студенческих ценностей (“святой обман”). Лишь несколько человек назвали описанную ситуацию студенческим мошенничеством, большинство же респондентов предпочли подобную ситуацию рассматривать то ли как хитрость (ради помощи друзьям и однокурсникам, – (благая цель обмана) *“Я бы это квалифицировала не как обман, а хитрость. В какой-то степени обман, но не мошенничество”*, то ли как проявление дружбы: *“...я бы отметила это как что-то трогательное. Было бы странно, если бы не помогли”*.

Но как часто встречаются такие случаи в сегодняшней студенческой среде? Некоторые респонденты также задавались подобным вопросом (сравнивая свое студенческое время и ценности с сегодняшними студенческими ценностями и временем): *“Это было раньше, сегодня этого нет. Я для себя пыталась это проследить, но за последние годы, ни разу с таким не столкнулась. Они даже на сегодняшний день не утруждают себя этим”*, *“...это было раньше, сегодня этого практически нет, я даже ради интереса для самой себя пыталась это проследить и за последние несколько лет я не проследила этого ни разу. То есть они [студенты] даже на сегодняшний день не очень утруждают себя этими делами... и даже, если и есть дружеские связи, то им ближе интернет, например, или просто копирование какой-то информации в телефон для того, чтобы потом ее использовать при необходимости, чем вот*

эти какие-то более сложные проблемы передачи... У меня даже несколько раз пропадали билеты, ...это было несколько лет назад, ...сегодня даже этого нет, потому что они [студенты] не напрягаются”.

Интересно как один респондент разделил степень ответственности за подобное поведение: *“Со стороны студента, который использует эти ключи – это мошенничество, а со стороны студента, который написал и отдал – это, скорее, подвиг, друг”.* Часть респондентов склонна считать подобную ситуацию не обманом, а проявлениями студенческой солидарности. При этом интересным является факт, что респонденты говорят о снижении случаев такой солидарности, объясняя это конформистскими настроениями между группами: *“...сейчас студенты такие ленивые, что им даже это лень делать. И не то, что жадные. Может быть, еще группы конфликтуют между собой”.*

Таким образом, в данном случае студенческий обман имеет позитивную окраску в восприятии преподавателей и не рассматривается респондентами как серьезная форма студенческого мошенничества.

Причины макроуровня, которые выделяют респонденты: с одной стороны, студенческое мошенничество можно рассматривать, так и делают более половины респондентов, – как традицию в системе обучения, говоря о том, что это – *“...старая привычка студентов.* С другой стороны – подобная ситуация – результат трансформации ценностей общества: *“...общество вошло в зону аморальности...”.* Подобные ценности, по мнению некоторых респондентов, прививаются через воспитание как в семье, так и в школе: *“...они [студенты] берут пример с родителей своих”,* в воспитании которых прослеживается *“...какая-то неискренность.* И что может сделать университет в такой ситуации, когда *“...они [студенты] приходят сюда в 17 лет, это уже сформированные люди. Поэтому, мы [преподаватели] их получаем готовенькими”?*

И, безусловно, респондентами не мог быть не отмечен факт возросшего предложения научно-технического прогресса, от которого “молодые пытливые умы” не могут отказаться, т.е. возможности Интернета “сворачивают” студентов: *“...Это [студенческое мошенничество] – проблема информационного пространства, куда они забредают и не могут выбраться”, “... И*

еще раз интернет, друг “Гугл”, “...учебник уже не используют”. Наиболее распространенные технические устройства, которые используются в мошеннических целях, – это телефоны, гарнитура (наушники), иногда планшеты, но “планшеты неудобно использовать”. Как прячут гарнитуру– девушки – под длинными волосами и “кто-то на проводе, кто помогает списывать”.

К причинам мезоуровня отнесем проблемы современной системы образования: *“... это очень многофакторный феномен, который в связи с общим кризисом в образовании и науки. И он присущ не только студентам, скажем, подвержены и сами члены профессорско-преподавательского состава, и ученые, которые получают степень...”*.

С одной стороны респонденты отмечают как причину распространенности студенческого мошенничества коммерциализацию вузов, и не только в плане существования коррупционных практик, но, в первую очередь, в плане отношения к студенту как клиенту, потребителю образовательных услуг (хотя декларируются субъектно-субъектные отношения между преподавателями и студентами). А клиент при рыночных отношениях – всегда прав. Поэтому можно предположить, что “останавливает” высшее учебное заведение, которое переводится на рельсы самофинансирования и самообеспечения “избавиться” от “нерадивого клиента”: *“... понимаете, вузу не выгодно терять студента... [в таком случае ты – преподаватель] подрываешь финансовую основу вуза и т.д. А это и есть поощрение. Коммерциализация вуза – это способствует развитию студенческого мошенничества...”*.

В связи с коммерциализацией университетов и переводом их на рыночную платформу возникает другая проблема – изменение принципов распределение учебной нагрузки, которая является объектом сокращения расходов на оплату труда преподавателям. Возможно, поэтому некоторые респонденты отмечают, что *“... преподаватели смотрят на это [студенческое мошенничество] сквозь пальцы, и дополнительная нагрузка для преподавателя, определяет, сколько он должен определять индивидуального внимания каждой работе. Она минимальна. И это всего несколько часов, которые оплачиваются. Для того, чтобы был полноценный уровень внимания студенческой науке, скажем, студент показал работу, или с самого начала*

шла совместная работа. И все сводится к тому, что студент показывает, практически готовую работу. У преподавателя нет ни желания, ни времени работать, он смотрит, и если это нормально и можно зачесть, то он закрывает на это глаза. Проверять на плагиат, у нас не достаточно распространены программы эти, и этим занимаются отдельные люди, которые бы проверяли это. Если преподаватель не требует, чтобы студент заранее присылал части работ в электронном виде, то очень сложно проверить. Это надо сидеть и проверять очень долго. А у преподавателя нет такого времени. А второе, то, что сотрудники сами могли писать эти работы, или выдали эту работу”.

И третья причина соотносится непосредственно с тем, что студенческий обман – это часть студенческой, а лучше сказать университетской культуры, “... *какая-то студенческая удасть*”. Возможно, поэтому преподаватели с своим большинстве считают студенческое мошенничество (за исключением таких особо нелегальных форм как подделка документов и подписи) нормой в студенческой среде, традицией и показателем здорового молодого ума и смекалки.

Причины **микроуровневого характера** мы распределили на две зоны ответственности – те, которые “исходят от преподавателей” и те, которые “исходят от студентов”.

Со стороны преподавателей, как отмечают сами респонденты, часто встречается устаревшая методика, причем устаревшая не потому, что преподаватель плох как специалист. Меняются технологии, доступ к информации становится иным, а задания – те же – рефераты, контрольные, курсовые и т.д., – по старым требованиям. Порой, как отмечают респонденты, само задание ставится преподавателем невнятно, непонятно, т.е. алгоритм выполнения не всегда ясен (хотя на каждый вид работы имеется методическое обеспечение, где этот алгоритм расписан). Скорее всего, респонденты имели ввиду саму форму самостоятельной и индивидуальной работы студента, в которой должна быть заложена большая доля самостоятельности выполнения задания, а это, возможно, через творческий подход к их выполнению. Например, “*студент не всегда понимает, что такое плагиат, и это отчасти вина нас, преподавателей*”; “*факторов очень много. Один из которых – это промах преподавателя*”. Респонденты отмечали, что среди прочих причин студенческого мошенничества, которые можно, скорее всего, отнести к

оправданию таких деяний студентов, существенными являются: большой объем изучаемого материала и большое количество изучаемых предметов. Известно, что сейчас распространена трудовая занятость студентов, многим приходится оплачивать свое обучение (и здесь университету становится жаль своего клиента, сотрудникам предлагается использовать так называемый попустительствующий стиль по отношению к занятым студентам).

К причинам студенческого мошенничества, которые “исходят от студентов”, можно отнести:

- результат **опыта** как привычной практики, начиная со школы: *“...научить учиться это задача средней школы, и они приходят к нам в университет или там в вузы они уже должны это уметь, если они этого не умеют значит их этому не научили раньше. вот отсюда надо начинать, а потом уже тогда они не будут это использовать”, “Часто... это общежитие. Передовой опыт передается быстро”;*

- результат **поведения**, доминирование стиля уклонения, например, от выполнения заданий (возможно, исходя из принципа избирательности – относительно важности предмета и авторитета преподавателя);

- результат **стратегии** / либо ее отсутствия – от неосознанности выбора профессии: *“Неправильный выбор специализации обучения, возможно, когда студент выбирает специализацию, основываясь на требованиях своих родителей или кого-то еще. Или, когда студент поступает относительно своих знаний туда, куда может поступить, когда есть шанс не провалиться на экзамене, пройти по баллам. То есть специальность может быть не популярной, сколько ему необходимо, просто обучение, просто обучение ради корочки”, “и поэтому многие студенты не заинтересованы в получении знаний, а заинтересованы в получении просто оценки”* до планирование оценки (для получения стипендии); Понимание студентами современных карьерных стратегий и опыт родителей и знакомых, СМИ, в т.ч. гляцевые журналы как подтверждение. Жизнь удается у “троечников”, которые мобильны, быстро ориентируются в жизни, имеют много контактов и т.д. Если раньше “знания могли понадобиться, а сейчас, в большей степени, все решают связи, кто и куда устроится”;

- усиление **контроля** со стороны вуза и студенческое мошенничество как ответ на вызов –: *“Чем жестче мы будем подходить к критериям оценивания, тем изощреннее в обмане будут студенты”*, непрозрачные критерии оценивания студенческих работ как отсутствие стимула к образованию; это – элемент страховки: *“подстраховываются таким способом”*; *“как спасение”*;

- отсутствие **интереса, мотивации**: *“основное мошенничество – это ожидание корочки. Особенно у платников... у нас такое, потому что они [студенты] не знают, куда потом себя применить. В этом вся проблема. Поэтому к знаниям относятся скептически. А те студенты, которые хотят учиться, они не будут мошенничать”*; *“...хочет получить только диплом, а не стать человеком образованным, с широким кругозором пока все это мошенничество проходит, оно не встречает никаких преград”*; *“...кто хорошо учится, тем нет особой необходимости обманывать, а кто не хочет учиться...те... на всякие уловки идут...”*;

- **отсутствие самостоятельности**;

- **леность**, поиск легкого пути решения проблемы: *“Поиск легких путей”*; *“нежелание работать”*;

- **безразличие**, неподготовленность к контрольным точкам;

- **безнаказанность** как стимул: *“...Безнаказанность со стороны администрации, и прежде всего преподавателей”*;

- **страх** высказывать свои мысли, поскольку в моде – наукообразность;

- **неумение работать с информацией**, поверхность (беглость) при обработке информации (быстрое образование как и быстрое питание).

Существуют ли различия между теми студентами, которые обманывают и теми, которые этого не делают? Отвечая на это вопрос мнения респондентов разделились: от *“..этой разницы нет... по лицу не видно...”* до *“... иногда эта разница очевидна даже на первый взгляд”*. Добросовестные студенты – не мошенничают, также, по мнению респондентов, не обманывают способные и усидчивые студенты, а вот у способных, подготовленных и талантливых, но неусидчивых, есть соблазн обмануть. Потенциальные “обманщики”, по наблюдениям

респондентов, могут находиться на задних партах аудитории: *“...как правило – это галерка или первые парты”*. Один из респондентов заметил, что *“только единицы способны не обмануть из принципа”*. Такую разницу преподаватели если не видят, то чувствуют благодаря педагогическому опыту: *“Несомненно, есть различия... по одному виду видно, кто занимается делом, а кто на “соседней орбите”*. Поэтому определяется очень просто. И многое зависит от преподавателя, насколько он возлекает студентов в обучающий процесс. Несомненно, [преподаватель] отличает, интересно [студенту] или нет”.

Респонденты отмечают, что списывание может быть “наглым” и “сдержанным”. *“... Надо различать эти формы: от почти невинных проступков до чего-то серьезного...”*. От степени наглости для некоторых респондентов зависит и степень наказания, хотя замечания делаются всем, – отмечают респонденты.

На индивидуальном уровне подчеркивается общая эрудиция студента, старательность и прилежание в учебе как залог его честности и смекалка для подготовки того или иного варианта обмана. На коллективном уровне, важным моментом выступает общее снижение уровня подготовки студента, а также наличие технических средств для осуществления обмана.

Среди опрошенных практически не оказалось таких, кто был бы не ознакомлен с типами и механизмами студенческого мошенничества: *“Я думаю преподавателя уже не чем не удивишь. Преподаватели знают о способах нечестной сдачи модульных контрольных или зачетов”*; *“Все одинаково хорошо знакомы”*. Лишь один из восемнадцати респондентов старался скрыть факт студенческого мошенничества, либо прикрывая студентов, либо свой вуз, либо преподнося этот как свой профессионализм. Во что он говорит: *“На моих занятиях все проходит гладко, я этот фактор исключаю”*.

В рамках данного вопроса определилась зависимость степени осведомленности о студенческом мошенничестве, как на уровне его выявления, так и на уровне сложности его способов. Так, респонденты выразили мнение о том, что преподаватели старшего поколения в меньшей степени владеют ситуацией, а молодые преподаватели по определению могут быстрее и лучше разобраться и выявить студенческое мошенничество с использованием современных

технических средств: *“Кто как. Молодые преподаватели владеют, я допустим, нет, технически не подкован”*.

Особенно эта проблема остро стоит на уровне написания курсовых и дипломных работ: *“...одна из наибольших проблем... с чем я действительно сталкивался...это ...когда ...дипломные, курсовые, какие-нибудь задания, рефераты, просто берутся и копируются из интернета...”*. Важно, что старшее поколение тратит больше времени и энергии на проверку и анализ работ студентов, а молодое поколение чаще работает в он-лайн режиме со студентами и это придает определенный динамизм и прозрачность процессу.

Преимущественно, преподаватели не держат в секрете инциденты студенческого мошенничества и делятся ими с коллегами: *“Конечно. Мы очень часто об этом говорим, делимся опытом...”*. Однако эти обсуждения носят больше иронический, а также информационный характер: *“Иногда обсуждаем. Удивляемся вероломству и нахальству их [студентов]”, “Просто обговорили ситуацию”*. Из интервью видно, что дальше разговоров, иногда возмущений эти дискуссии не заходят: *“Все недовольны, все возмущаются, но это ничего не меняет...”*; *“Иногда бывает. Чаще юморим”*; *“В основном, отношение – это легкое порицание. Мои коллеги, как я понимаю, воспринимают это как должное, это неотъемлемая часть обучения”*. Подобные ситуации в учебном процессе принимаются как нормальные и само собой разумеющиеся. Однако, были и те, кто к обсуждению студентов на кафедре не присоединяются: *“на кафедре не обсуждаем”*.

При анализе ответов на вопрос *“Информируете ли вы студентов о таких правилах? Каким способом информируете? (например, повторяете их достаточно часто, чтобы быть уверенным, что каждый из ваших студентов осведомлен о правилах и санкциях за мошенничество?”*, выяснилось единогласное отношение к обязательному информированию студентов для предупреждения случаев мошенничества с их стороны: *“Предупреждаю заранее. Я довольно жестко к этому отношусь. Я говорю заранее, что буду всячески пресекать”*. Респонденты сошлись во мнении, что это нужно делать заранее, до начала контроля, т.е., как говорится, проговорить правила игры на берегу. Студенты должны быть предупреждены и это,

отчасти, отводит от преподавателя некоторую степень ответственности за случаи мошенничества студента: *“Я всегда перед экзаменом предупреждаю студентов, что если два раза что-то замечу, то сообщаю об этом публично. Но если в третий раз замечая, то выгоняю с экзамена”*; *“Предупреждаю их на консультациях, бывает, и на семинаре об этом говорю”*; *“Да, конечно. На консультациях информирую. Пытаемся воздействовать так, чтобы была ограниченная возможность списывания. Мы их предупреждаем, что будет контроль... Заходят с телефонами, потому, что мы не позволяем себе их обыскивать. Но не боятся. Скажу честно, они знают, что их нельзя выгнать с экзамена, нельзя поставить двойку. Преподаватель, таким образом, обезоруживается”*.

Таким образом, нельзя сказать, что студент совершенно, не знает правил поведения во время учебного процесса, однако возникает встречный вопрос, почему тогда студент пытается обмануть, списать, присвоить чужие результаты себе и т.д.? Вероятно, здесь в силу вступают иные факторы, которые не зависят от степени информированности. К таковым можно отнести понимание безнаказанности за проделанный проступок, лишь порицание и неловкие ощущение – это тот перечень “невинных”, “легко переживаемых” побочных эффектов, который может испытать студент.

Учитывая, что современного студента этими факторами не остановить, то студент прибегает к такой стратегии – лучше попытаться списать и не учить предмет, чем придерживаться правил. Кроме того, играет не последнюю роль фактор “от обратного”, когда студент пытается нарушить все предложенные ему законы, т.к. при успехе его деяния он получит авторитет со стороны одногруппников.

Варианты наказаний быть выгнанным из аудитории, получить “неудовлетворительно” по предмету, пересдавать и даже остаться на следующий год (хотя это – в редких случаях) не останавливают студента перед риском легкого получения желаемой оценки. Страх студента вызвать достаточно сложно, хотя респонденты утверждали, что склонны к информированию студента о негативных последствиях фактов обмана: *“Безусловно, это необходимая мера, чтобы они знали, что им грозит”*.

Некоторые респонденты прибегают к методам личного авторитета, либо давления на самолюбие студента: *“Мы готовим специалистов, которые несут ответственность перед жизнями людей, а не на экзамене перед преподавателем. Сказать, что студенты осведомлены или не осведомлены о степени ответственности – это зависит от преподавателя. Если он говорит, что самое страшное – это экзамен, то он будет бояться его. А если скажет, что страшное будет там, потом, и глядя на тебя, будут на меня кивать, что такого барана учил, извините, ребята. Выбирайте – либо вы ходите, либо не ходите [на занятия]”; “У меня, знаете, есть такой пример для них. Вот ты, списал, не выучил, не знаешь. Другой – то же самое. Третий – тоже. И медик списал, не знает, где у тебя, что находится. Ты попадаешь к нему на операцию, и он отрезает тебе не то, что надо. Как ты на это будешь реагировать? Вот, нельзя, что бы ты не знал того, что ты будешь делать. Конечно, вы все устроитесь где-то, и знакомые помогут. Но, тот, кто профессионал, всегда найдет свое место... Я всегда им привожу этот пример. Я считаю, что для кого это имеет значение, они все-таки пытаются стать профессионалами. И мы их на это настраиваем, а как там получится...”*

Респонденты неоднократно подчеркивали, что к одной лишь информированности не может быть сведена система предупреждения мошенничества: *“Одной информированности мало, тут нужны действенные эффективные механизмы, которые препятствовали обману. То есть одной информированности тут мало, потому что нужны сдерживающие методы и средства, способы влияния на студентов. А их очень сложно, наверное, выработать”*.

Часть респондентов уверена в полной информированности студента о последствиях мошенничества: *“Естественно с ними проводят беседы, все как положено...”*. Хотя другая часть опрошенных утверждает, что все равно имеется некоторый процент тех студентов, кто не знает и не слышал о подобных механизмах: *“Если дело идет о списывании, то это информирует непосредственно преподаватель. Если речь идет о взятках, о мошенничестве в виде подкупа, психологического воздействия, то это больше администрация говорит. А вот о других видах мошенничества, мне, кажется, не говорят”; “всегда будет существовать какой-то процент, которые не знают, но незнание не освобождает от ответственности”*.

Но есть такие респонденты, которые считают, что вуз начинает работу по объяснению последствий мошенничества лишь после поступления студента к ним на специальность, а до этого, как бы опуская эту тему, создают эффект вседозволенности и вседоступности: *“Вообще не проинформированы. Об этом не говорится никогда, не говорится абитуриентам, когда мы их “заманиваем” сюда [в вуз]”*. И как следствие этого – студент чувствует свою безнаказанность: *“...я думаю, что они информированы о том, что с ними ничего не случится. Они знают, какой преподаватель более лояльно относится к мошенничеству. Если руководитель курсовых работ, то ищут другого руководителя, который менее требователен”*.

О формальных и неформальных правилах. *“Имеется ли в вашем университете что-то вроде “Кодекса чести” или другой такой документ, который бы заставлял студентов не мошенничать? Если нет, изменилось бы что-то с его появлением?”* Изучая механизмы профилактики студенческого мошенничества, респондентам был задан вопрос о наличии формального Кодекса чести на их факультетах или в вузе в целом, однако именно формальных “правил чести” именно в таком трактовании не оказалось: *“Не слышал о таком. Они что-то, на посвящении в студенты, какую-то клятву дают, типа студент должен быть такой-то и такой-то. Они отлично понимают, что если вещи официальные и есть житейские. То есть ни понимают о последствиях?”*; *“Нет, я такого не знаю, но, честно говоря, вот имея какой-то свой опыт, я, собственно, не знаю и такого кодекса и раньше. То есть тогда, когда и я училась, в общем-то такого не было и, наоборот, как бы считалось хорошо, если ты мог помочь там своему однокурснику, там каким-то способом, – не важно, конечно, не сегодняшним... я имею ввиду так где-то передать шпаргалку или что-то сделать такого плана, наоборот, – вот это считалось “кодексом чести”, то есть, как бы помочь другому, помочь ближнему, не подставить кого-то”*; *“Официального ничего нет. Негласно, – конечно. Преподаватели – это единая корпорация. Какие-то правила. Ну и опять-таки, везде есть исключения”*.

Таким образом, есть внутренние факторы, которые определяют степень дозволенности для студента, и основываются они на его воспитании, морали, этикете и т.п., а также внешние

факторы: *“...мошенничество, наверное, в студенческой среде воспринимается как норма и как часть культуры студенческой ...и даже, наверное, как часть дружбы или как взаимопомощь”*.

Отвечая на этот вопрос респонденты в основном ссылались на Устав, Правила поведения в общежитии. Некоторые отмечали необходимость активизировать этические нормы поведения студентов в университете.

В одном респонденты сошлись однозначно, что существуют формальные и неформальные правила. К первым относятся прописанные в уставах и инструкциях догмы, а ко вторым, – преимущественно, уважение к преподавателям, требования каждого преподавателя: *“У нас есть устав вуза, и там все это прописано. Начиная от отношения к учебе, и, заканчивая, к отношению к имуществу”*; *“...Во-первых, студенты постоянно общаются между собой, они знают про требования преподавателей. Требовательных, принципиальных преподавателей они уважают. Ну, я считаю, что это должен быть внутренний барьер человека, вот есть барьер, который человек не может переступить, что бы не случилось. Ситуации разные бывают”*.

Респонденты делились соображениями о том, что важно отдавать принятие решение о мошенничестве студента их совести: *“...это, в первую очередь, их совесть. Они же понимают, что преподаватель знает, на что каждый способен. Даже если они спишут на экзамене, узнают ответы, они прекрасно знают, что преподаватель знает, кто на что способен. Тут уже сложно обмануть. Кодекс чести? Почему бы и нет. Естественно есть. ...Нет, наверное, не прописан”*.

Разработанные преподавателями неформальные правила поведения на экзамене. Экзамен – это самый распространенный способ контроля знаний студентов. Он включает в себя определенный набор процедур, который студент должен выполнить. Однако к ним еще прилагаются правила поведения на экзамене. Респонденты отметили, что существуют общие правила поведения на экзамене: *“Моих правил нет, я руководствуюсь правилами, которые приняты в университете, поскольку студенты заходят по 5 человек, и за ними достаточно легко следить”* и лишь некоторые придерживаются дополнительно своих правил: *“я просто*

находился на ногах и контролировал, что происходит”; “Все расписано. 5 человек заходит. Выбираю столы, которые не будут скрывать студента. Если заметил, что списывает, то на второй раз выгоняю”. Однозначно следует отметить, что преподаватель также готовится к экзамену, как и студент: “Сказать, что ...слишком особенные правила – не могу. Но, у меня всегда есть дополнительный ряд вопросов, с помощью которых я оцениваю, если студент действительно знает, но подзабыл. Я их рассказываю по пять человек. Никогда больше 5-ти не запускаю. Есть определенные правила. И на занятиях они сидят за столами так (буквой П), чтобы их всех видно было”.

Некоторые респонденты выделяли фактор личного контакта со студентом, насколько он удался и студент воспринимает информацию преподавателя и его самого адекватно и серьезно: *“Правила поведения на экзамене оговорены в документации, касающиеся высшей школы. Там описано, как должен быть построен экзамен, что необходимо предпринимать в каких-либо ситуациях. Поведение студента, опять-таки складывается в течении прохождения семестра. Какой контакт складывается у них со студентами. Чувствуют ли студенты свободно себя с ним, или у них появляется какой-либо комплекс, что им надо куда-то лезть, искать что-то, что-то переписывать. Отсюда и поведение”. Некоторые респонденты с большим опытом работы в вузе считают, что студенты – взрослые люди, именно поэтому не стоит тратить время на то, чтобы им внушать правила поведения: “Я думаю, адекватным людям доходит сразу, а неадекватным... Я не вижу смысла на этом заикливаться. Профессор идет передавать свои знания, свой опыт. Рассказывать о предмете, о дисциплине. А не рассказывать о том, что хорошо, что плохо. Об этом им должны были рассказывать в три года в садике. В первом классе. Если я буду это рассказывать в семнадцать лет – это горохом об стенку. Я раз сказал, этого достаточно. Адекватный человек, с первого раза понимают, тот, кто настроился на списывание, тот и будет списывать. Это поздно. Мои слова, увы...”*

Самыми распространенными неформальными требованиями преподавателей, во всяком случае во время проведения контроля, являются корректное уважительное восприятие

преподавателя, запрет на пользование мобильными телефонами и прочими устройствами, способствующими списыванию, запрет на наличие сумок и пакетов в аудитории, где идет экзамен.

Оценка преподавателями противодействия мошенничеству. “Считаете ли вы существующие регуляторные санкции удовлетворительными? Вы придерживаетесь их или наказываете студентов по своему усмотрению?” – респондентам был задан этот вопрос с целью определения спектра регуляторных актов, которые преподаватель использует в своей работе или на какие ссылается, а также выявить основные направления применения санкций по отношению к студентам.

Следует отметить, что конкретно правовая плоскость даже не рассматривается преподавателями. Многих этот вопрос поставил в тупик, вероятно из-за самого понятия “регуляторные санкции”, смутившего респондентов. И поэтому многие отвечали, что подобных санкций в рамках их вуза нет: *“У нас нет санкций. И время экзамена ограничено, так что некогда особо следить за всем”, “Нет, я такого не знаю. И не слышала о его наличии и раньше”.*

Часть респондентов контролирует студентов на предмет мошенничества, используя различные способы воздействия – от лояльности до радикальности. От: *“ я им говорю, что они все взрослые люди, практически мои коллеги. И как-то неудобно вас за это выставить. Если, кто пользуется, пожалуйста, уберите. Я не говорю это поименно. Делаю какие-то корректные замечания”* до: *“Не могу сказать, что это наказание... Могу выгнать. Или прошу взять другой билет и по нему отвечать. А если взять вуз, то должно быть более жесткое наказание”.* Среди респондентов были и такие, кто воздержался от ответа. Сложность понимания или нежелание погружаться в тему влияло на качество ответов респондентов.

“Считаете ли вы необходимым поощрять членов преподавательского состава, если они активно противодействуют студенческому мошенничеству? Знаете ли вы о случаях, когда преподаватель был наказан за халатный надзор за мошенничеством студентов?” – при ответе на этот вопрос респонденты разделили понятия поощрения и не наказания: *“...каждый преподаватель должен вести такое противодействие. Наказание – я слышал о таком, когда*

преподавателям был вынесен выговор с занесением в личное дело”, “О наказании не слышала. А какие же, интересно, формы поощрения можно придумать? На уровне “спасибо”, “молодец”? Не знаю...”

Один из респондентов высказал сомнение в том, что подобное наказание – целесообразно, если и есть наказание, то не за халатный надзор, а за “несоответствующие показатели” в учебной работе группы: *“За халатный надзор, чтобы преподаватель был наказан – я пока не слышала. Потому что никто пока еще на это такое серьезного внимания не обращал. Надеюсь, что такого и не будет. Хотя, когда проверка проходит, и студенты пишут плохо работу, то преподавателя за это наказывают”*. Данный вопрос заставил задуматься респондентов и в их рассуждениях встречались разные оттенки, в зависимости от степени погруженности в проблему, одни говорили, что поощрение будет перебором: *“ Это может быть перегиб. Потому что это может быть давление на студентов... С одной стороны – студент, с другой – преподаватель. Если это такой вид мошенничества, который сделал непосредственно студент, тогда это можно... Допустим, ректорская контрольная была написана на слишком высокий балл, либо на слишком низкий балл, тогда, это, конечно, поощряется либо наказывается”*, другие соглашались с тем, что если хороший пример, то почему бы и не взять пример: *“Есть люди принципиальные, например, как наша заведующая кафедрой. И я у нее многому научилась. Она после каждого семинара, экзамена оценки объясняет”*. Но одно объединяет эти ответы, что большинство респондентов, которые согласились с необходимостью поощрения, не могли для себя определить, каким должно быть это самое поощрение, в какой форме.

Интересным фактом является то, что борьбу со студенческим мошенничеством как прерогативу некоторые респонденты отдавали молодым преподавателям: *“У нас есть молодые преподаватели и вот они такие более энергичные, более активные и они этому стараются более серьезно на самом деле противодействовать, они дают им немножко другие задания, то есть те задания, которые предполагают [отсутствие возможности применения] каких-то*

вариантов мошенничества, ...и мне это очень нравится, то есть очень я их поддерживаю и поддерживаю их энергию в борьбе...”.

Противодействие мошенничеству студентов со стороны их однокурсников.

Большинство респондентов указали на то, что не способствуют доносам, поскольку плохо относятся к ябедничеству: *“Я плохо отношусь к таким”* и сами в состоянии разобраться в ситуации обмана: *“... я не спрашиваю только по одной причине, потому что я всегда вижу ...эти элементы мошенничества и мне совершенно не нужно, чтобы мне кто-то об этом рассказал”*.

Почему не сообщают студенты о случаях мошенничества? – из-за чувства солидарности: *“Внутренний кодекс чести есть в каждой группе, и это нарушение кодекса будет. И раз это нарушение внутреннего кодекса, я не могу способствовать этому”*, а также потому, что: *“у нас ябедничество не в почете”*. *“Скорее всего они покрывают друг друга”*. Кроме того, преподавательская культура – это, в какой-то степени – продолжение студенческой культуры, поскольку при ответе на данный вопрос некоторые преподаватели вспоминали свои студенческие годы и ставили себя на место студентов.

Изредка, но встречаются случаи, когда студенты сообщают о том, что их однокурсники использует тот или иной вид обмана (в целях справедливости). Есть респонденты, которые их поддерживают в целях защиты обиженной стороны, восстановления справедливости, или, в крайнем случае, не отворачиваются от случаев донесения, поскольку *“как практика показывает, что жалуетса пострадавшая сторона, вскрываю эту проблему”*.

Респонденты отмечают, что студенты наблюдает несправедливость, которая, так или иначе, “пробивается” в университетах. Студенты интересуются критериями оценивания: *“... спрашивали, например, почему ей 5 или 4, а мне 3. Такие вопросы, конечно, были”*. Если преподаватель “открыт для студентов”: *“...то это способствует, чтобы студент пришел и открыто говорил про это. И я всегда говорю, что если что-то не нравится, то приходите, говорите”*, то они могут подойти с вопросом о несправедливом с их точки зрения выставлении оценки. *“...И они правы по-своему. Приходят и говорят, вот мы ходим все время [на занятия], а*

кто-то не ходит и оценка хорошая. И они, в принципе, не на мошенничество жалуются [читай, на взяточничество преподавателя намекают и по-своему выпрашивают оценку, используя при этом стиль манипулирование справедливостью]. Кому-то все просто достается, а кому-то больших трудов это стоит. И если это действительно так, то говорю, чтобы не расстраивались. Тот все равно где-то спотыкнется". Однако далеко не все респонденты говорят о необходимости "дружеских" отношений со студентами, некоторые преподаватели отмечают, что не панибратствуют со студентами: "...общение только в варианте *"преподаватель – студент"*. Если студент хочет сообщить, то он сообщает..."

Нами были выделены следующие **стратегии борьбы с разными видами мошенничества студентов**, при перечислении они расположены от лояльных до радикальных.

Стратегии борьбы со списыванием: толерантное и лояльное отношение к студентам как основа доверительных отношений, обеспечение равных возможностей в условиях контроля, отслеживание степени самостоятельности работы студента, построение формы контроля с учетом невозможности списать (например, акцент на устном ответе), отслеживание наличия технических устройств, которые могли бы быть использованы для списывания.

Треть респондентов использует ассистентов в процессе приема экзамена. Следует отметить, что это облегчает работу преподавателя: *"Если это экзамен, то он проводится с ассистентом. И ассистент ходит по аудитории и следит"*; *"Функция ассистента – объективность оценивания, контроль двойной"*. Таким образом, во-первых, усиливается контроль, а во-вторых, прозрачность оценивания. Наличие ассистента в определенной мере снимает вопрос о субъективности оценивания студентов. Ассистент выступает как сдерживающий фактор и для студентов, и для преподавателя: *"Наша заведующая строго следит за сем этим. Потому что студенты находчивые, могут принести свои. Прием происходит таким способом, всегда есть ассистент, который прохаживается по аудитории, смотрит, пользуются ли бомбами. А ассистент назначается на экзамен или это на добровольных началах? Как правило, на общественных началах, им часы не выделяются. Хочу сказать, что по моей учебе в Москве, там тоже всегда на экзамен приходил с ассистентом"*.

Среди тех, кто не пользуется помощью ассистентов или таковые не предусмотрены, проявляются две тенденции. Одни преподаватели в силу обстоятельств или личной доверчивости не ведут усиленный контроль и наблюдение за экзаменом: *“Я даю свободу. Ассистентов у меня нет. Тем более у нас все люди творческого профиля, это малогабаритные группы, по 5-7 человек, мы все знаем друг друга”*. Другая тенденция проявляется в тотальном надзоре во время экзамена.

Стратегии борьбы с плагиатом: *“...Самое интересное, что студенты это сами знают, и не предъявляют претензии”*.

Когда респонденты рассуждали на тему о методах раскрытия плагиата студентов, первым их образом была работа с рефератом как наиболее распространенным видом работы: *“Если это просто реферат – нет. Если это научная работа, которая публикуется – не всегда это удастся обнаружить”*; *“когда открываешь реферат студента, естественно, ты не знаешь всю информацию в интернете. С помощью поисковика вбиваешь фразу, которая понравилась, и сразу все находится”*.

Следовательно, именно при подготовке и написании рефератов студент пользуется не своими знаниями и не ставит ссылки на данные. Поэтому вероятно есть необходимость пересмотреть суть такого вида работ как реферат на ту или иную тему и заменить его чем-то более прозрачным или привязанным к практике реализации заданием.

Прежде всего, при раскрытии плагиата преподаватели опираются на личный опыт, навыки работы с текстами и педагогический стаж, а также знание предлагаемой литературы студенту и зрительную память: *“...я работаю не один год, и всю литературу я знаю, и даже Интернет ресурсы”*.

Часть преподавателей используют специализированные программы: *“Просто я вижу, что идет дословная цитата из моей лекции или учебника, тут даже и думать не надо. В рефератах, к сожалению, я не умею пользоваться этими программами. Но, у нас есть молодые преподаватели, и я хочу научиться у них, пользоваться программой “антиплагиат”*.

Даже прибегая к хитрости, студенты переводят текст работ, с целью скрыть плагиат,

например, с русского на украинский. Однако суть и качество работы всегда может выдать недобросовестного студента (например, оставленные фразы “в Российской Федерации”).

Стоит отметить, что большинство респондентов относятся к подобным уловкам студентов спокойно и из этого извлекают методическую пользу: *“Я смотрю спокойно, если они переписывают учебник. Вернее цитируют его. То я говорю, слава Богу, хотя бы учебник прочитали. Когда скачивают с интернета, прошу, чтобы поправили хотя бы техническую сторону. Для чего говорю, потому что работает 2 вида памяти – зрительная и механическая. Это не просто кнопочку нажали. Я когда открываю, я же вижу, что интернетовский”*.

Главным образом, после раскрытия плагиата все респонденты предлагают студенту переделать работу, переписать ее: *“я возвращаю работы, при проверке складываю такие работы отдельно, как правило, в группе их около 7-8. И возвращаю до тех пор, пока все не переделают. Легко, я, к сожалению знаю, на что способен современный студент. Это видно невооруженным глазом”*.

Не составляет и труда обнаружить похожие работы. В подобных случаях, набор инструментов противостоянию этому или наказания дублируется также как и в случае с плагиатом. Во-первых, это снижение баллов при оценивании работы, причем, как правило, второму студенту: *“...пострадает только последний, копировщик”*. Также, задаются дополнительные вопросы (причем об этом предупреждают на консультации). Во-вторых, работы сразу аннулируются и обе стороны переписывают ее. Однако, бывают случаи, когда преподаватель закрывает глаза на такой проступок (чтобы учесть *“человеческий фактор”*).

Таким образом, студент практически обречен быть рассекреченным, однако, не покидает попыток замаскировать чужую работу под свой труд. Проверка студенческих работ занимает большой объем времени у преподавателя и, учитывая, что эти работы очень часто дублируются, копируются, списываются, важно не пропускать такие работы и не закрывать на это глаза. Возможно, преподавателю необходимо конкретнее ставить задачи перед студентом в отношении работы с текстами, результатами чужого интеллектуального труда и литературными источниками. В данном случае вновь встает вопрос о причинах, что толкают студента на плагиат. Это лень

студента создавать свой продукт или его не способность, низкий уровень творческого потенциала и неконкретность, неясность задания и критериев его оценивания.

Основные стратегии борьбы с плагиатом – информирование студентов о том, что преподавателю “известны все возможные источники”, предупреждение о недопустимости плагиата в работе студента, проверка на плагиат специальными программами, возврат работы: *“... проблема в том, что не ведется разъяснительная работа, и в конце концов не наступает каких-то последствий. Нет наказания, как в западном академическом мире, плагиат это самое жесткое обвинение, за которое следует наказание, или оставят на повторное изучение, или заставят переделать, или вероятно исключат из учебного заведения. В этом как раз есть причина, почему большинство наших студентов не могут учиться за границей, а те, кто едет учиться у них большие проблемы, они привыкли к тотальному плагиату, а там это недопустимо”.*

Стратегии борьбы с подделкой подписи и “покупкой” медицинских справок выявлены в интервью не были, поскольку такие практики были малоизвестны респондентам: *“У меня такого не было”; “Нет, на практике не было”; “У меня таких случаев нет, я их всех хорошо знаю. Я еще заместитель декана, так что со всеми знакома. У нас в вузе я с таким не сталкивалась”.*

Стратегии борьбы с обманом студентов и манипулирование. Анализ реальной ситуации с целью предпринять в дальнейшем то или иное действие (разобраться в ситуации), воспитание, разъяснение и внушение мысли о непорядочности поступка, т.е. разъяснительная работа, использование ситуации обмана как своего рода кейса для отработки учебного материала.

Отмечалось, что у некоторых студентов просматривается свой стиль мошенничества, например, некоторые специализируются на обмане и упреке преподавателей (т.е. манипулируют толерантностью и лояльностью преподавателей): *“Я сдал” эту работу, – на самом деле он не сдавал эту работу. “Поставьте мне оценку. Как, Вы не нашли, потеряли?!”.*

Таким образом, наказание студентов за использование мошенничества – не самая

распространенная и популярная форма борьбы в отличие от воспитания.

Проверка посещаемости на занятии. Методически все респонденты исполняют обязанность преподавателя отмечать студентов на занятиях: *“Обязательно [отмечаю]”; “Обязательно. Я к этому отношусь очень жестко. Обычно в середине обучения знаешь всех по именам. Складывается коллектив. И те, кто слабый в обучении, начинают рьяно дружить с сильными. Появляются группки по интересам. Несомненно, если я прихожу на занятие, а студент по каким-то причинам игнорирует мои занятия, я очень ревностно отношусь к материалу. И заставляю его отработать. Даже, если пропуск был по уважительной причине, это не повод, чтобы лекционный материал был пропущен”; “Если поток большой, перекличка, прошу каждого встать. А на практике, стараюсь запомнить их”.*

Среди сложностей, которые выделили респонденты в связи этой темой, это присутствие студентов де-юре и де-факто: *“Вообще количество студентов, фактически, – черно-белый нал...Личные просьбы студентов не отмечать их, – но это уже другая категория – таких немного”.*

При больших потоках, для некоторых преподавателей вызывает затруднение отметить всех своевременно: *“Сложный вопрос. Это, наверное, самая большая проблема, которая у меня есть. Большие потоки, а у меня на одной лекции две большие темы, и я не успеваю”.*

Что касается техники проверок, то часть респондентов проверяет присутствие в начале лекции, часть – в конце. Некоторые преподаватели делают это самостоятельно, некоторые доверяют эту функцию старостам (менеджерам) групп, при этом *“...не всегда староста дает правдивые данные”.* Таким образом, не всегда отображается реальная картина присутствующих на занятиях студентов. Определенно, это усложняет процесс контроля за набором ими баллов, т.к. иногда балл “за присутствие” преподаватель ставит. А если студента фактически нет (очень просил не отмечать), то в таком случае преподаватель подвергает себя опасности: во-первых, отпустив студента, и при этом, отметив его, что он на паре, с последним может произойти разного рода происшествя и тогда преподаватель будет виновен в этом. И, во-вторых, отпустив студента, он ставит ему балл, что можно квалифицировать как искажение успеваемости и

соответственно, здесь тоже может находиться источник коррупционных практик.

Среди **санкций, которые применяют преподаватели к студентам** при обнаружении факта мошенничества, используются два вида: номинальные и фактические.

К первым относятся методы воздействия и манипуляции с моральными сторонами личности и поэтому в этих случаях используют “давление на совесть”: *“...пытаюсь надавить рычагами морального, психологического воздействия. В принципе, я имею право выгнать этого студента с модульного контроля, а потом он переписывает”*, однако *“студентам не стыдно, скорее обидно, что застукал”*. Вторые в своем распоряжении имеют такие меры, как снятие баллов (т.н. дисциплинарные баллы), переписывание работы, замена билета, рассаживание по разным местам.

Главное, как отмечают респонденты, в данных случаях, это обнаружить момент мошенничества и без промедлений на него отреагировать.

Избегание санкций студентами. Респонденты говорили о различных реакциях студентов: В основном, это защитные стратегии: *“Зависит от психотипа человека. Холерик будет доказывать, что нет. Флегматик – молчать, может встать и выйти, ...а меланхолик может и расплакаться”*.

При обнаружении факта мошенничества студенты в основном, как говорят в своих интервью преподаватели, не пытаются ничего предпринимать, зная, что виноваты. Они: отшучиваются, оправдываются, скрывают следы мошенничества, изредка опираются и проявляют агрессию. Студенты в таких случаях могут пожаловаться представителю администрации на преподавателя, который в основном “просит”, иногда “вынуждает” поставить нужную оценку. Иногда происходит обращение студента к менеджеру, куратору (которые выступают в роли “адвоката” студента) или просто пытаются давить на жалость, манипулируют преподавателем: *“...строит глазки, говорит, ну, понимаете, я же не знал...вообще, психологическое воздействие, актерское мастерство”*. Некоторые студенты все же просят прощение: *“... [студенты] пытаются просить ... прощение, сказать, что такое больше не повторится... В редкий случаях повторяется, конечно. Но они у меня все равно просят прощение...”*

Становится стыдно. Это тоже как наказание можно засчитывать...". Иногда студенты смиренно принимают наказание

Что может делать преподаватель в таких случаях, ведь из контекста интервью становится ясно, что *"...преподаватель заинтересован в том, чтоб поставить в конечном итоге [оценку]"*. Преподаватель *"выгнать не может"*, *"может отобрать"* (если отдают) шпаргалки, может *"задавать больше вопросов"* (однако, может сложиться впечатление, что преподаватель намеренно "валит" студента). Делает, как правило, *"устное замечание"* (многие респонденты отмечали, что студенты при этом все же *"не наглект"*).

При ответе на вопрос о **профилактике мошенничества** респонденты задумывались; наблюдалось, что они хотят ответить на этот вопрос ответственно. Видно, что многих респондентов этот вопрос беспокоил и ранее. Нами были выделены следующие рекомендации со слов респондентов. В данном разделе мы перечислим все предложенные респондентами меры по профилактике студенческого мошенничества:

- повышение уровня школьного образования;
- повышение соответствующего воспитания в семье;
- повышение уровня самодисциплины студентов;
- установление доверительных отношений между преподавателем и студентом;
- повышение строгости преподавателей;
- проведение профилактических разъяснительных бесед в вузах с использованием социальной рекламы;
- ужесточение контроля и санкций с их оформлением в определенный документ;
- улучшение качества образования;
- повышение квалификации профессорско-преподавательского состава;
- стимулирование преподавательского труда;
- развитие материально-технической базы вуза;
- пересмотр учебных рабочих программ с целью усиления профессиональной составляющей дисциплин и разработки заданий, которые бы способствовали

- самостоятельному выполнению их студентами и не могли быть сфальсифицированы;
- усиление прозрачности критериев оценивания;
 - внедрение устных экзаменов по гуманитарным дисциплинам;
 - коллегиальное проведение экзамена;
 - административное вмешательство в решение проблемы;
 - введение штрафных санкций при условии доказательства проступка;
 - размещение онлайн дипломных работ;
 - ничего.

Половина респондентов ответили, что не хотели бы принять участие в Комитете по вопросам уменьшения мошенничества, причем половина из них не увидела смысла в таких комитетах: *“Я думаю, что это обязанности преподавателей, а не каких-то комитетов”,* а другая половина сослалась на отсутствие времени и свою занятость. сомневаются в эффективности работы такого комитета, но некоторые говорят о важности такой структуры: *“... мне было бы интересно. Но я защищал бы права студентов”.* Прогнозирование деятельности такого комитета: *“Скорее всего, никакого реального воздействия на деятельность в рамках ВУЗа такие комитеты иметь не будут. Такое решение должно быть на уровне ректората, и решение должно сводиться к тому, что уличенные в плагиате студенты, должны будут отчислены. Вся иерархия сотрудников должна быть, в том числе, приведена к ответственности, что если работа была принята и оценена, а там был плагиат, должно быть административное наказание. То есть такого быть не может. Потому что сейчас вузы держаться за каждого студента”.*

Установка камер наблюдения в каждой аудитории.

В некоторых вузах есть камеры наблюдения в учебных аудиториях (“для министерских контрольных”: *“Аудитория – не личное пространство, это площадка, где идет рабочий процесс, и могут возникнуть разные ситуации. То, в принципе, можно, да. Допускаю. Если в личном кабинете, где я сижу, как бы один, а тут камера, то это уже лично мое пространство”.*

И, противоположное мнение, которое отражает мнение половины респондентов:

“Ненавижу. Это настолько глупая вещь, мало ли какая ситуация может возникнуть...и это нарушение прав”, как вмешательство в личное пространство: “Если в личном кабинете, где я сижу, как бы один, а тут камера, то это уже лично мое пространство”; “просто нарушение прав человека”; “я категорически против этого. Есть права человека. И еще раз о личном пространстве: “...отрицательно, потому что отношения по роду студент и преподаватель – это как отношения пары. Я считаю, что они должны сами разобраться без вмешательства представителей деканата, администрации”. В целом респонденты воспринимают установку камер как недоверие к ним со сторон администрации и как нарушение прав человека: “...каждый человек должен с удовольствием выполнять свою работу, а не находится под влиянием тотального контроля... это ни к чему хорошему не приведет”. Установка камер будет сковывать работу преподавателя, возникнет “напряженность”, “дискомфорт [будет] ...мешать учебному процессу”, “будет сковывать студентов. и преподавателя в том числе... Каждый будет думать “что” сказать, “как” сказать”.

Прозвучало в интервью и третье мнение, что если уже тратить деньги, то на благое дело: *“сейчас финансирование настолько слабое, что университет будет покупать более необходимое оборудование, чем камеры”,* поэтому *“в целом, камеры, как веб-камеры, могут быть, но с другими целями. Для того, чтобы все лекции транслировались он-лайн, и те студенты, которые не смогли быть на занятиях, чтобы могли участвовать в образовательном процессе”.*

Альтернативу камере – ассистента на экзамене: *“...я не ратую за установку этих камер. И я за ассистента на экзаменах, это снижает уровень мошенничества”.*

Хотя, следует отметить, некоторые респонденты после рассуждения, в принципе, не высказывались категорически против установки камер в аудиториях.

Большинство респондентов ответили, что не знают такие **институции (“учреждения”)**, **которые занимались бы борьбой со студенческим мошенничеством.** Со слов респондентов мы видим, что подобные “учреждения” (комитеты) контролируют лишь преподавательскую этику: *“...Только если относительно преподавателя, то есть куда студент может пожаловаться”;*

“Я знаю, что у нас как бы есть возможность... прямой линии между руководством и студентами. Если преподаватели нарушают какую-то этику... Ну что бы вот именно в плане студенческой этики, – даже... и не слышала

Однако в учебном процессе как основном в университете задействованы и преподаватели, и студенты (даже декларируются субъектно-субъектные отношения), тогда почему же наблюдается такая односторонность? Не это ли еще одно подтверждение “коммерциализации” вузов – студент как “клиент”, оказывается всегда прав? Лишь два респондента в качестве таких учреждений называли “студенческий совет” (“... у нас существует студенческий совет, который полностью взял на себя эти вопросы...”, “студенческий совет должен работать в этом направлении. Вот раньше выпускали стенгазеты, где писали о таких случаях ; “периодические комиссии”, а также было отмечено, что “самый главный контроль – сам человек. И студент, и преподаватель”.

Некоторые респонденты допустили существование подобных институций. Их не удивила такая возможность существования некоего института контроля студенческой этики: “... Может быть, есть...”.

Однако, несмотря на это, все же некоторыми преподавателями была сделана попытка оценить подобные институции, впрочем характер такой оценки был похож скорее на некое опасение: “... Это может превратиться в “комитет троек”, где все пишут доносы. А с другой стороны порядок наводить нужно. Но комитеты – это бесполезная вещь. Надо своими силами”, “я против, чтобы устраивать публичные комитеты, порки – это приведет только к страху”.

Было высказано пожелание, однако, больше иррационального характера: “Сейчас тенденция к самоконтролю. Когда у студента будет возможность и получать весь материал, и оценивать себя, тогда будет ответственность больше”. И, более того, было высказано видение проблемы на уровне системы (из контекста реплики видно, что не только системы образования, но и системы современных человеческих ценностей в обществе): “...я вижу проблему в другом. В самой системе”.

Таким образом, основные идеи, которые были сформулированы респондентами, определяют их отношение к проблеме студенческого мошенничества и сущность этого явления. Также на основе полученных данных, можно формулировать направления развития основных тенденций.

Были установлены следующие закономерности:

- наблюдается неоднозначное отношение к молодым преподавателям: от мнения, что им все безразлично до особенной строгости к студентам;

- студенческое мошенничество становится менее оригинальным, – это влияет на “атмосферу”, на университетскую культуру (поскольку существует устойчивое мнение, что студенческое мошенничество – это норма университетской жизни и студенческого поведения, конечно, если речь идет о безобидном списывании, в первую очередь);

- преподаватели – поощряют процесс, используя попустительствующий стиль в отношении надзора на контрольных точках. Причина – “борьба за каждого студента” – коммерциализация вузов;

- респондентам легче говорить о студенческом мошенничестве, чем о взяточничестве в университете, даже если они не практикуют коррупционные практики (все понимают и воспринимают коррупцию как преступное деяние);

- преподавательский контроль ослабел, популярным становится попустительствующий стиль, поскольку этот требует система образования и необходимость сохранения контингента студентов;

- увлечение письменными работами, устные – на второй план, а ведь зачастую устный экзамен это контроль, который может помочь выявить истинные знания студента;

- защищаясь от субъективности письменными работами, преподаватели наступают на другие грабли – усиление (учащение) студенческого противодействия – через применение мошенничества;

- студенты не задумываются и им редко говорят о том, что они совершают противоправные действия;

– преподаватели особенно не приемлют наглость студентов.

Мошенничество со стороны студентов в учебном процессе имеет несколько степеней.

При первом приближении – это традиционно неотъемлемая часть “прозорливого” студента как собирательного образа. Такой студент обязательно будет пытаться получить желаемые оценки не честными способами, а случаи его неудачи становятся лейтмотивом для студенческого народного фольклора. То есть культура мошенничества передается из поколения в поколение и не вызывает категоричного осуждения в среде преподавателей (ведь те сами были студентами в свое время).

При погружении в проблему появляются черты взяточничества как социально явления с негативными оттенками. Так списывание, приписывание себе результатов работы другого, обман, подкуп несут в себе разрушительный характер для будущего специалиста, который получив диплом на основе обмана или мошенничества, не будет отвечать критериям высокопрофессионального специалиста. И что, немало важно, снижается уровень стремления к достижению этого состояния у студентов. Понимание того, что студент нужен ВУЗу больше чем ВУЗ студенту, приводит к его не серьезному отношению к учебе в целом. Разрыв между получением диплома и высокооплачиваемой работой также не способствует мотивации студента для добросовестной учебы.

И при рассмотрении перспектив сохранения данной тенденции, появляется озабоченность будущим всего общества. Нельзя оставлять ситуацию на самотек. Вмешательство государства на уровне реформ высшего образования, не имеет желаемого эффекта. Участие в процессе переориентации высшей школы на честность и прозрачность учебного процесса можно в большей степени приписать третьей стороне. Таковой может выступать негосударственные общественные организации, которые на основе комплекса мероприятий смогут создать правильный образ ВУЗа, его функционального содержания и сориентировать студента на честное получение знаний как основного капитала для реализации себя в будущем.

Практика продажи учебных пособий преподавателями имеет двойственный характер.

С одной стороны, преподаватель обогащает своим интеллектуальным трудом литературный ресурс по дисциплине, облегчает поиск необходимой информации студентам, ведет активную научно-методическую работу. А с другой, условия, при которых, данные учебники распространяются, могут создать возможность для манипуляции студентами и покупкой ими учебника. А также, предложение купить учебник с целью допуска или сдачи экзамена, становится шагом к коррупционной деятельности.

С целью выяснить какова ситуация в академических кругах в плоскости этой проблемы, респондентам были заданы вопросы, связанные с практикой обеспечения студентов учебной и методической литературой.

Образовательный процесс включает в себя ряд компонентов, одним из которых является обеспечение учебно-методическими материалами студентов. Это может осуществляться как в информировании о ссылках на учебно-методическую литературу (электронный вариант лекций, методических пособий и т.п.), а также в предложении найти данную литературу в библиотеке или приобрести непосредственно у преподавателя.

В рамках исследования было важно выяснить, цели и степень интенсивности распространения преподавателями лично изданных пособий, а также их общее понимание проблемы и отношение к ней. На основе анализа ответов респондентов были определены причины и мотивы появления “рыночных отношений” в учебном процессе: *“Это элементарные рыночные отношения”*. Общеизвестны основные участники процесса обеспечения учебно-методической литературой студентов. Главным из них выступают: государство, вуз (в лице кафедры) и сам преподаватель.

Респонденты сетуют на то, что государство не создает достаточных условий для свободного развития преподавателя и его научного потенциала, что проявляется в скудности зарплат и социальных условий. Вуз не имеет необходимого финансирования для обеспечения реализации всех учебно-методических пособий, книг, монографий, издаваемых преподавателями на бесплатной основе, а также часто “ненормированность” нагрузки дает перекос в работе преподавателя от научно-поискового к условно-формальному. Преподаватель, не ощущая своей

ценности, выполняет свои обязанности по формальным признакам: *“Есть план по методической работе, надо разработать определенное количество пособий. Соответственно, печатаем за свои деньги, куда потом реализовывать все это? Естественно, студентам. Часть в библиотеку сдается. А с остальным что делать? И вот это и есть основная причина этого агрессивного навязывания. А так, в принципе, многим и удобнее работать со своим материалом...”*.

Важным фактором, который тормозит использование учебников студентами, это их переориентация на работу с электронными носителями и литературой в электронном виде в целом: *“Я выдаю программу [учебную], где есть большое количество литературы. У меня очень много в электронном виде материалов. И мне не жалко, я всегда студентам все даю. Все мои учебники, которые я писала, все студенты имеют в электронном виде. Я на первой паре всегда выдаю диски с материалом”*.

Еще один аспект, который, на первый взгляд, является альтернативным для студента– это использование другой литературы по дисциплине. Учитывая, что большинство респондентов заявляли о том, что в библиотеках их вузов есть вся необходимая и дополнительная литература в разных форматах (печатная и электронная): *“Учебники, учебные пособия. Наша библиотека выписывает огромное количество учебников, даже из-за границы приходят...”*, – в таком случае студент всегда сможет найти интересующую его информацию. И студент всегда имеет выбор. Вопрос лишь в том, насколько он сознательно подходит к своему разностороннему развитию как специалиста и будет ли идти на поводу у “алчных” преподавателей: *“Алчность. Можно оправдываться, что работа преподавателя низко оплачиваемая”*.

Отталкиваясь от идеи включенности в образовательный процесс студента, процесс образования которого должен быть направлен на развитие осведомленности, знаний, понимания, навыков, способности оценки и полного участия в процессе обучения, следует обозначить основные каналы получения учебно-методической информации и литературы. Во-первых, как подчеркивает большинство респондентов-преподавателей, что основной массив это: *“...методические пособия, разработанные ...кафедрой, учебные пособия, учебники,*

электронный конспект лекций”. Многие респонденты подчеркивают, что учебно-методическая литература преимущественно разрабатывается кафедрой и студенты в полной мере обеспечены данными материалами, а также имеют возможность для саморазвития, используя задания для самостоятельной и индивидуальной работы. Как правило, методические пособия к дисциплинам содержат перечень как рекомендуемой литературы, так и дополнительной.

В последнее время интеграция информационных и коммуникационных технологий в образовательный процесс высшей школы становится все более актуальной и это также отметили респонденты. Они обращают внимание на переориентацию студентов на электронный вариант получения информации и работы с ней: *“... студенты сегодня, к сожалению, очень совсем не настроены на учебники, они больше настроены на интернет, потому что это проще....”*. Наряду с этим возникает противоречивое состояние, когда современность диктует потребность нового поколения, т.е. студентов в получении информации именно в формате онлайн и/или на электронных носителях, а большинство работников высшей школы все еще предпочитают давать материал в формате печатной учебной литературы: *“Старостам мы выдаем планы семинарских занятий. Там расписаны не только вопросы, но и список литературы. Звездочками обозначено, что есть в библиотеке, другое есть в других местах....”*.

Следует отметить, что современный специалист в любой отрасли должен владеть умением работы с различными видами информации, уметь ее найти и обработать. Вероятно, имеет место некоторая перенасыщенность обеспечения студента списками необходимой учебно-методической литературы. Это способствует расхолаживанию студентов. В качестве примера можно рассмотреть дистанционное образование по всему миру. В данном случае информационные технологии расширили сферу преподавания и обучения на основе динамического, интерактивного содержания этих процессов, что предоставляет реальные возможности для получения высшего образования преимущественно путем самообразования. Именно усиления самообразовательной составляющей не хватает украинской высшей школе т.к. учебно-методические пособия и литература издаются самими преподавателями и предлагаются

студентам на постоянной основе. Хотя именно использование информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе даст больше возможностей студентам, чтобы ускорить, обогатить и углубить навыки; мотивировать и вовлекать учащихся в процессе обучения. Информационно-коммуникационные технологии могут сделать высшую школу более эффективной, продуктивной, прозрачной, тем самым порождая различные инструменты для улучшения профессиональной подготовки студентов.

Исследуя вопрос о практиках продажи учебников преподавателя в качестве залога сдачи экзамена, большинство респондентов отвечали, что о подобной практике слышали, но сами не применяют или это происходит не в их вузе: *“На нашей специальности я с таким не сталкивалась. Но на других я слышала о таких случаях”*. Однако подтверждение того факта, что подобная практика существует, определенно наталкивает на вывод о непрозрачности образовательного процесса в вузах. Как правило, практика продажи учебников как залог сдачи экзамена допускается там, где этому не противодействуют. Таким образом, следует заметить, что многие преподаватели пользуются этой вседозволенностью не только с целью вернуть потраченные средства, но и заработать дополнительные: *“...здесь нет ни правых, ни виноватых... Как правило, преподаватель выпускает эти пособия за свои деньги ...как интеллектуальная собственность, оценивается, в том числе, в денежном эквиваленте. И это уже дело преподавателя, как он это оценивает – 10, 20, 30 грн. Если это разумно, я считаю, тут все нормально. Себестоимость? Да, ну и сверху немного. Конечно, если он накидывает 50 грн., или даже 20, понятно, это неадекватно. Хотя, смотря на, что накидывать. Если это издан фолиант за 150 грн., то можно и 20 накинуть. В процентном соотношении. А если это залогом идет? Купишь пособие – поставлю тройку... Опять неоднозначно. Потому что, адекватный преподаватель, может быть, надеется, что, купив пособие, студент хотя бы частично прочитает, что-то будет знать. И таким образом легитимирует эту тройку для себя. Неоднозначно, и может выглядеть, как элемент коррупции. Хотя тут все намного сложнее. Вот 20 лет назад, когда все это можно было выпустить бесплатно, и приходили пособия тысячными тиражами. И на них было написано – бесплатно...”*. Таким образом,

понимание данного вопроса неоднозначно. И преподаватели преимущественно не рассматривают факт продажи учебников как форму коррупции, а больше как некоторую необходимость для студента, т.к. преимущественно в одном учебнике сосредоточена вся необходимая информация по предмету и возможность для преподавателя вернуть себестоимость напечатанного материала.

В части анализа причин, которые подталкивают преподавателя на продажу своих учебных материалов, они разделились на три основных момента. Во-первых, респонденты подчеркивают, что в среднем контингент студентов слабый и для того, чтобы им было легче освоить предмет, покупка всего одного учебника будет им полезна. Во-вторых, подготовка (и издание) учебно-методической литературы для преподавателей является обязательной. Поскольку это достаточно затратный процесс, в том числе и финансово, – преподаватель оплачивает публикацию преимущественно самостоятельно, то является рациональным факт продажи своих учебников студентам, а именно вернуть себе потраченные средства: *“Во-первых, главная и основная причина – это дороговизна публикаций для самих преподавателей. Как правило, преподаватели не имеют отношения к торговле, и им самим не очень хочется, приятно и удобно реализовывать свои учебники. Лично мне, в никакой мере это не нравится. И я никогда ничего студентам не предлагала, и вряд ли смогу предложить. Хотя я прекрасно понимаю преподавателей, что книгу реализовать надо, с одной стороны студента заставляют покупать материалы, ...предлагать купить учебник как залог сдачи экзамена, вроде и неправильно, но с другой стороны студент ее и не купит. Главная причина – это дороговизна, преподаватель публикует за свой счет, а в зарплату не заложена статья, по которой ему бы доплачивали за издание своих материалов. А раз так, то даже некоторые имеют моральное право свой труд предложить. С другой стороны – навязывать! А предложить имеет право”*.

И, в третьих, низкая зарплата преподавателя может обосновать его попытки получить дополнительный заработок, даже если это не вписывается в этические нормы преподавания: *“С одной стороны, я считаю это положительным моментом. Если хорошая монография, то почему бы и не распространить среди студентов. Я буду только рад, если кто-то захочет купить. А чтобы насильно продавались? Я повторяю, мы слишком мало издаем, это очень*

дорого. Вот я помню, несколько лет назад издавал монографию объемом около 30 печатных листов, я заплатил около 8 тыс. гривен. Я просто брал в долг денег. Где-то 300 экземпляров я распространил, но под нажимом – нет. А второй момент, тут бедность наша. Мои коллеги из других стран просто удивляются, что у нас такая загруженность, а получаем очень мало. Это бедность общества, бедность вузов. А как молодые, как они издают? Где они ищут средства? Неизвестно. И я думаю, что многие проблемы идут от нашей бедности...”

В связи с этим, необходимо выносить на качественные дискуссии проблему источников финансирования научной и методической деятельности преподавателей. Ведь на основе “грантовых” денег, денег вуза или государства, которое заинтересовано в высоких результатах научного развития и профессионального становления молодых кадров, можно создавать и реализовывать возможности для издания учебно-методической литературы преподавателей: *“Как то надо решать, чтобы преподаватель мог издать учебники не за свой счет, а за счет вуза”*. Следует отметить, что такая практика – издание научной и методической литературы за счет вузов – существует, но в ограниченных размерах.

Продажу учебников можно назвать одним из шагов преподавателя высшей школы к взяточничеству и коррупции. Респонденты абсолютным большинством согласились, что взяточничество есть распространенной проблемой для Украины.

Современные условия функционирования системы высшего образования допускает, что проблема **взяточничества** для высшей школы набирает обороты и способствуют ее развитию. Среда, в которой формируются механизмы взяточничества, выступает подпиткой для снижения качества образования, престижа профессии преподавателя и профессиональности молодых специалистов.

При рассмотрении причин взяточничества, которые входят в плоскость переходности проблемы или закоренелости ее в украинском менталитете, однозначности в ответах не было зафиксировано.

Однако, выяснилось, что половина респондентов убеждена в том, что эта проблема

относится к социальной обеспеченности преподавателя: *“.... Это не достаточная забота государства о том, чтобы, во-первых, все делалось по закону, во-вторых, низкие зарплаты. Это такие основы, почему возникает коррупция”*.

Часть респондентов видит у источника проблемы низкую правовую послушность граждан Украины, что в частности проявляется в форме взяточничества в вузе: *“Нет, не думаю, что это культура и традиции... Я думаю, что это недостаточная забота государства о том, чтобы э, во-первых, все делалось строго по закону, а, во-вторых, чтобы люди получали адекватную заработную плату за свою работу. То есть, вот это, как бы, две такие основы, из-за которого и возникает коррупция”*.

Гипотетически можно утверждать, что на современном этапе коррупция и обман являются формами новой культуры и внедрены в моральные нормы общества. Такая ситуация может означать, что субъекты учебного процесса не испытывают никакого стыда, когда участвуют в актах взяточничества или коррупции. Хотя, при этом, и обе стороны выражают негативное отношение к этим явлениям.

Некоторые придерживаются мнения, что это следствие падение морали и нравственности нашего общества. Также следует отметить, что респонденты выражают необходимость в уточнении понятия взятка и его содержания в количественном и качественном эквиваленте. Т.е. на сегодняшний день, в академических кругах сложилось раздвоенное представление о взятках. С одной стороны, благодарность студента преподавателю за хорошую работу с ним и/или поздравление его с праздником, они не квалифицируют как акт взяточничества. А с другой, если эти действия являются формой получения более высоких баллов, сдачи экзамена, поступления в вуз и т.п., в таких случаях, это имеет негативную окраску в оценке респондентов.

Таким образом, появляется вопрос о понятии меры для преподавателя и студента. С правовой точки зрения давно определено, что в рамках украинского государства и в каких размерах считается взяткой, однако на уровне практической реализации в процессе взаимодействия студента и преподавателя определение меры для благодарности и взятки основывается их морально-этическом уровне отношения к профессиональным обязанностям.

Взятничество – это одна из форм проявления коррупции. Самая распространенная и древняя ее форма. Как социальное явление, взяточничество, имеет негативный характер, относится к видам отклоняющегося поведения от общественно принятых норм и ценностей. И в этом контексте, в процессе изучения взяточничества все чаще, идет анализ трансформации норм современного общества.

Взятничество в сфере высшего образования является сложной и не однозначной проблемой, которая требует тщательного изучения и анализа. Этот процесс, разрушает систему высшей школы. Будучи скрытым (латентным) явлением, взяточничество в вузах представляет собой феномен, о котором большинство знает, слышало, иногда принимало участие, но при этом, конкретные данные, схемы и модели не выходят за пределы вуза. Это преимущественно считается закрытой, внутренней темой и это определяет сложности ее исследования. Говорить об этом “напрямую” в нашей обществе еще не научились. Особенности культуры “моя хата с краю”, не позволяет перенести борьбу с этой проблемой на открытую площадку.

Следует отметить, что взяточничество преимущественно определяется респондентами как негативное явление в украинском обществе. И некоторые респонденты выразили надежду на то, что эта данность является лишь спецификой переходного периода для нашей страны и в будущем, мы имеем возможность от подобных практик перейти к прозрачности и чистоте репутации высшей школы.

Оценивая ситуацию в академических кругах в целом, респонденты преимущественно соглашались с остротой данной проблемы, но при этом, утверждали, что взяточничество в вузе это часть всей системы, т.к. все сферы жизни глубоко коррумпированы в нашей государстве: *“Нельзя рассматривать именно вузы. Это часть нашей жизни. Вот как везде, так оно и здесь. А что делать? Искоренять в тех сферах. Я считаю коррупцию в образовании следствием коррупции в тех сферах”*.

Следует отметить, что этот вопрос был достаточно неловким для многих респондентов, так как признание в коррумпированности системы высшего образования автоматически можно было бы интерпретировать как их личное признание в нечестности. И поэтому некоторые пожелали не

отвечать или удержаться от комментариев по этому вопросу.

Что касается, определения места системы образования по уровню коррумпированности в отношении других сфер, то большинство респондентов склонны считать, что эта проблема заслуживает быть поставленной на нижние места рейтинга самых коррумпированных сфер жизнедеятельности нашего общества. Никто из респондентов не дал первое место по коррупции системе образования, преимущественно это была либо середина, либо конец списка: *“Я бы включил в десятку – 8, 9 место”*.

На вопрос о частоте распространения случаев коррупции в вузах некоторые респонденты предпочли не отвечать, вероятно, опасаясь, что положительный ответ в данном случае может быть расценен как признание подобных случаев в их вузе. Или из соображений личной «техники безопасности» они воздержались.

И, к сожалению, ответ на этот вопрос был достаточно не внятным, распределение ответов наблюдалось от однозначного “нет” до категоричного “да”. Некоторые сразу пытались найти этому объяснение или оправдание: *“...И опять же, это нужно, ну, как бы, знать ну как, внутреннее, как бы, исследования разных вузов, но думаю, что не редко”; “В разных вузах по-разному, на разных специальностях и на разных факультетах по-разному,...а в принципе да, достаточно коррумпированная система, то есть там поступление на бюджетные места ...это в первую очередь, я бы сказал...”*.

Мнения на счет достаточности качественных дискуссий разделились. Одни утверждали, что достаточно дискуссий, однако их результативность все еще минимальна, другие акцентировали на непрактичности подобных мероприятий: *“А дискуссии тут не помогут. Тут должны быть какие-то серьезные действия. И антикоррупционный комитет не поможет. Часто это происходит на уровне студент-преподаватель. И студент заинтересован в том, чтобы преподаватель ему поставил оценку. А преподаватель ставит студента в такие рамки, что ему приходится платить”*.

Преимущественное большинство отказалось комментировать вопрос об их отношении к взяточничеству. Вероятно, не корректность поставленного вопроса смутила респондентов, и они

воздержались от ответа. Хотя очертание общего отношения к взяточничеству было уже предоставлено. В целом, это отношение негативное, но при этом есть ситуации, отдельные случаи, субъективные и объективные причины, которые эти факты могут оправдать и/или смягчить отношение к ним: *“В целом – это плохо. Но для некоторых вариантов – это выход. Вот, взяткой же можно считать не только денежное вознаграждение преподавателю, а и помощь материалами вузу, кафедре. Либо какую-то там работу студента на благо вуза, общества, государства. Можешь – учи, не можешь – плати. Но чем, как и кому – это уже другой вопрос”*.

Следует отметить, что большинство респондентов не видят большой разницы между взяточничеством и коррупцией. Однако, разделяют ситуации при которых дается взятка. Если речь идет о поступлении в вуз, то респонденты склонны отнести это к тяжелой форме коррупции. Таким образом, имеет место определенная градация “тяжести” взяточничества в зависимости от ситуации в которой она рассматривается.

Для университетов вступительные экзамены представляют собой дополнительную возможность развития взяточничества. Структура и характер вступительных экзаменов построены таким образом, что ими легко манипулировать. Высшее учебное заведение создает эти правила игры. Оно пропускает абитуриентов, которые либо по личным связям или подкупом членов экзаменационной комиссии, создают серьезные проблемы и препятствия для справедливого и прозрачного поступления. В связи с этим, некоторые респонденты отмечали, что сейчас значительным механизмом в борьбе с коррупцией при поступлении выступает ВНО.

Не смотря на то, что треть респондентов отказалась отвечать на вопрос о случаях коррупции на их или другом факультете/ВУЗе, остальная часть опрошенных утвердительно сказали, что слышали о таких фактах и практиках: *“Конечно. И не в одном, и даже не в единичном, даже не в одном... Слышала много таких случаев и ситуаций было много, то есть разные подходы к этому вопросу, то есть и на уровне, как бы, более высоких руководителей и на уровне простых преподавателей, и на уровне лаборантов, и методистов, то есть, ну, как бы, на всех уровнях...”*.

Однозначно, большинство отмечало, что существуют разные уровни для осуществления коррупционных практик, начиная от лаборантов заканчивая администрацией вуза. Таким образом, это показывает всепроникающий характер процессов коррумпированности в современной системе высшего образования: *“Конечно, слышала и не один раз. И на разных уровнях: преподаватели, лаборанты, сотрудники кафедр. Заканчивалось по-разному. Вот преподавателей редко увольняли, чаще лаборантский состав”*.

При этом важным моментом выступает наличие фактов увольнения за совершение коррупционных деяний. Однако, характер подобных увольнений носит в большей степени показательный характер, чем конкретную систему санкций и наказаний. Особенностью такого процесса является то, что наказание несут либо лаборанты, либо преподаватели. На уровне администраций вузов подобные факты встречаются реже.

В отношении студенческих жалоб, преимущественно преподаватели заявляли о наличии таких слухов и фактов. Подчеркивалось, что жалобы могут быть на уровне заведующих кафедр, деканов и реже, когда студент приходит к кому-либо из преподавателей. Следует отметить, что решение вопросов по жалобам на взяточничество, чаще и останавливается на этих уровнях. То есть дальше разговоров, бесед и выговоров дело не идет. Складывается ситуация, когда администрация вузов и преподаватели сохраняют эти факты недоступными для общественности. Вероятно, чтобы не портить репутацию вуза.

Коррупция в образовании представляет собой серьезную угрозу для последовательного достижения качественного образования, поскольку это ведет к сокращению человеческих ресурсов, работающих, прежде всего в самом образовании, например, подготовленных и квалифицированных преподавателей, снижается престиж образования, повышается уровень социального неравенства. Кроме того, в более долгосрочной перспективе, это влечет за собой нерациональное использование талантов и укрепление культуры коррупции.

Проблема здесь заключается в управляемости этим процессом. И если рассматривать тот факт, что жалобы студентов в большинстве случаев не выносятся за пределы высшего учебного заведения, то тогда снижается эффективность государственных механизмов противостояния

этому явлению.

В рамках данной проблемы был очерчен еще один момент. Жалобщиков не приветствуют в вузе и респонденты отмечают, что часто к этому прибегают студенты из корыстных соображений. Таким образом, морально-этическая сторона вопроса также требует дополнительного рассмотрения и анализа.

Анализ вопроса о наложении санкций за взяточничество показал, что преимущественно наказание несет преподаватель, который берет взятку или ее вымогает. Случаи, когда был наказан студент, чаще всего оправдываются. Ситуация сохранения контингента доминирует над ситуацией сохранения педагогических кадров. Хотя моральность вопроса, кто несет большую моральную ответственность, однозначно указывает на равномерное распределение вины как за предложение взятки так и за ее дачу или вымогательство.

Синтезируя ответы респондентов по вопросу осуществления практик коррупции, получается следующая картина: практики коррупции функционируют преимущественно двумя способами. Первый, это на прямую студент – преподаватель и второй это с привлечением третьих лиц (как правило, это менеджеры (старосты) групп, кураторы групп или лаборанты кафедр: *“...или прямой контакт с преподавателем, или ищет более посредников, люди которые занимают более высокие посты... это я не могу сказать, но указание сделать что-то очень частое, а вот по поводу «получают» ничего не могу сказать, не знаю”*.

Существует еще вариант, когда преподавателю дается просьба или указание поставить тому или иному студенту необходимую ему оценку. В подобном случае очень сложно отследить факт коррупции, хотя формально преподаватель идет на неправомерные действия, искажая успеваемость студента.

Важно, что в данном вопросе вновь возникает условия моральности. Таким образом, респонденты определяют, что чем ниже уровень моральности и нравственности у субъектов образовательного процесса, тем доступнее будут практики коррупции: *“Преградой может быть только нравственность. Может еще оплата труда, повышение оклада”*.

Что касается форм взяточничества, то самой доступной и распространенной является

классический набор “цветы, конфеты, коньяк”. Вариации состава также зависят от ситуации. Респонденты получение этих благ не идентифицируют с взяткой, а большее склоны считать это благодарностью или актом внимания к преподавателю....: *“Ну, опять-таки, в отношении нашей кафедры я не слышал таких вещей. Вот, подарки – конфеты, букет цветов на 8-е марта или бутылочка коньяка, это да. А так, чтобы что-то явное, то нет”*; *“Традиционно – коньяк, конфеты, цветы. Но, я почему-то взяткой это никогда не считал. Цветы, знаете, как-то отошли уже? А, моим девочкам еще дарят. Редко, но дарят. Даже мне иногда дарят почему-то. И я принимаю эти подарки, потому что считаю это уважением, а не коррупционным моментом. Хотя я же не знаю, что у них там в голове. Они же все равно надеются на снисхождение. Может это благодарность? Может-может. По-разному. В большей степени благодарность, поэтому к коррупции не могу отнести”*.

Дорогостоящие подарки квалифицируется как помощь кафедре или спонсорство, а что касается вариантов предоставления услуг, особенно сексуальных, большинство респондентов утверждают об отсутствии подобных фактов.

Случаи взяточничества и санкции

Определяя степень моральной ответственности, за совершение коррупционных действий, мнение респондентов разделись. Одни считают, что обе стороны (преподаватель и студент) виновны в наступлении между ними взаимодействия на коррупционной основе: *“Не могу сказать. И тот и другой. Я бы так сказала, что если инициатива исходит от преподавателя, то преподаватель. Если инициатор студент, то он и несет”*.

Другие считают, что преподаватель несет большую ответственность как лицо зрелое и опытное: *“преподаватель, конечно. Потому что студент это, как правило, лицо несовершеннолетние, незрелое и ленивое”*.

Во втором случае подчеркивается снижение интеллектуального уровня студенческого контингента, которые не способны усвоить предлагаемый объем информации и поэтому прибегает к иным способам сдачи экзаменов.

Поэтому для Украины проблема квалифицированности выпускников набирает все большие

обороты. В условиях престижности получения высшего образования, большая часть абитуриентов нацелены поступать в вуз. Однако, остается вопрос о соответствии их параметрам высшей школы. Отсюда и выходит проблема интенсификации процессов коррупции в вузах т.к. спрос на высшее образование растет, а на его качество закрывают глаза как на уровне вуза так и на уровне государства.

И в свою очередь государство респонденты называют также источником порождения коррупции. Это связано с низкой заработной платой работников образования и других социальных сфер: *“Все банально. Бедность? Да То есть маленькие зарплаты? Государственные ставки не покрывают, тех необходимых затрат преподавателя, хотя бы для их жизнедеятельности. Вот, простой пример. Старший преподаватель получает 1700 грн., а теперь считайте: что бы ему защититься, стать кандидатом надо минимум пять публикаций. Одна публикация – минимум 300 грн. вот – пять публикаций – это его зарплата. Интересно провести такое исследование. Да, с калькулятором в руках. И тратит он на это свое личное время....”*

Также, среди причин, которые побуждают брать преподавателей взятки это алчность и отсутствие профессиональных принципов. Однако, респонденты разделяют профессионализм как таковой и факты коррупции. Например, если студент не посещал занятия и не учил предмет, а ему нужно сдать, то взятка в данном случае выступает платой за моральный ущерб преподавателю и оправданием студенту.

Что касается склонности, давать и брать взятки, то на этот вопрос половина респондентов воздержались от ответа. Возможно, здесь сыграло роль, преподавательская солидарность, ведь обвинять коллег не этично, а студентов – не логично. Это взаимозависимый процесс и он может и должен быть управляемым. Одни рассуждали о том, что студенты заочной формы обучения находятся, с этой точки зрения, в условиях необходимости получать балы по средствам взятки, и тем самым, они наиболее склонны их предлагать. Другие, говорили о наличие устоявшихся схем: *“Я думаю, что тут вся система может представлять собой комплекс. Если университет имеет давнюю традицию, руководство имеет определенную преемственность, в частности*

на местах знают, что генеральная линия продолжается так, и не зависимо от смены руководства, допустим, поменялся ректор или декан, может продолжаться традиция взяточничества. Когда менялся министр образования, рассылались письма-предупреждения, чтобы не было взяток, всех будут проверять, чтобы появились телефоны доверия. И на какое-то время, это, кажется, был 2005 год, в зимнюю сессию все боялись брать взятки. Но потом все вернулось на свои круги”.

Рассматривая причины, которые вынуждают преподавателя брать взятки, вновь подчеркивались причины индивидуального характера: *“Смех.... Может действительно человека что-то вынуждает. Может мама одинокая, детям в школу в садик нужны деньги...Зависит от жизненных условий. Может, болеет, деньги на лечение нужны. Я не знаю, чем это оправдать можно”.* Также было сформулировано однозначное мнение о необходимости повышения зарплат преподавателю.

Говоря о санкциях за получение взятки, респонденты придерживались последовательности. Они утверждали, что сначала необходимо разобраться в ситуации, в причинах, которые человека склонили к этому, обнаружить повод и доказать сам факт. А лишь после этого решать меру наказания и применять санкции.

Дополнительной особенностью при ответе на этот вопрос было то, что респонденты переносили ответственность назначение санкций на других, а именно органы, которые компетентны это осуществлять: *“Хочу повториться, что каждый должен заниматься своим делом. В мои компетенции не входит определять санкции, моя задача – учить людей”.*

При этом, увольнение стало самым удобным вариантом для наказания за свершенное коррупционное деяние, при условии его доказанности. Слухи, чаще всего, преподавателями не проверяются и не опровергаются. Они существуют как параллельная реальность или данность, о которой многие говорят или слышат, но при этом бездействуют.

По отношению к студентам было сформулировано три варианта санкций. Первое по аналогии с увольнением преподавателя, их предлагали отчислить. И это самое строгое наказание из предлагаемых. Второй вариант это выговор. И третий это оставить студента для повторного

прослушивания курса. Если последний связан с финансовой составляющей вопроса, т.к. за повторный курс необходимо платить деньги, то в ситуации с выговором этот момент опускается. Вероятно, необходимо дополнить выговор штрафными санкциями, которые были бы прописаны во внутренних документах, регламентирующих учебный процесс в вузе.

Среди причин, которые толкают студента предлагать взятки, выделяется важный аспект – это преемственность. Студенты, придя в высшее учебное заведение, уже имеют представление о том, как возможно решать вопросы с получением оценок. Этот имидж формируется со школы, в семье и через СМИ. По средствам этих каналов они получают первую информацию о способах и вариантах дачи взяток, осуществляют свои первые практики (например, в школе), оценивают преимущества дачи взятки, если родители демонстрируют им такие. Это определено говорит о том, что характер и масштаб взяточничества и коррупции не только зависит от правил, традиций, имиджа сформированных в вузе, но и от общей системы функционирования общественных процессов. Искажение норм, трансформация взглядов на вуз от престижного источника знаний до необходимо оплачиваемой услуги.

Ценность высшей школы переходит в плоскость финансово-расчетной тематики и это однозначно подрывает ее авторитет и значимость выпускников.

Поэтому были затруднения у респондентов с формулировкой оправдания студента, ведь их низкий уровень знаний, инфантильность и банальное следование правил игры в каждом конкретном ВУЗе приводят к тому, что практика предложение и дачи взяток имеет место быть и стремительно развивается.

Борьба с взяточничеством, регуляторные акты

Парадоксально сложилась картина при рассмотрении проблемы попытки завалить студента на экзамене с целью в дальнейшем получить взятку от него. В данном случае преподаватель выступает агрессором, но и вина студента не снижается. Студент также не может быть оправдан т.к. достойный студент никогда не подвергнется подобным провокациям. Респонденты противоречат себе, рассуждая, о факторах вымогательства путем преднамеренно “валить” студента на экзамене. С одной стороны, они осуждают преподавателя за подобное

намерение, а с другой подчеркивают, неспособность студента получить необходимый объем знаний по предмету и в целом его низкий уровень подготовки, который усиливается ленью и не желанием учить. И это условие в итоге является ключевым. Такой студент может быть подвержен вымогательству, с позиций “сам заслужил”.

И лишь достойный и уверенный в своих знаниях студент (это как обязательное условие), который не справедливо оказывается под давлением, может обращаться к различным административным должностным лицам в вузе или сообщать о попытках “завалить” его других преподавателей или милицию: *“Студент, который в достаточной мере знает предмет, он может потребовать, чтобы его знания оценивала комиссия, и завкафедрой с двумя другими преподавателями может принять у него экзамен. Или же писать в прокуратуру, чтобы было проведено расследование”*.

Неоднозначная ситуация сложилась при анализе ответов на вопрос о наличии регуляторных актов, которые защищают тех, кто смог пожаловаться на факт вымогательства. Часть преподавателей просто не знают о таких, но уверены, что студент всегда защищен и прав в такой ситуации. Некоторые респонденты откровенно не скрывали не знания правовой базы, а также свою не заинтересованность в этом вопросе: *“Я не знаю, про акты. Но даже если их нет, он все равно защищен. И он может пойти и пожаловаться”*.

Респонденты также уверены, что студенты знают о своих возможностях жаловаться и определенно этим пользуются. Однако степень этой осведомленности не высока. Студенты не ставят перед собой задач самообразовываться в плане правового обеспечения учебного процесса, поэтому слабо знают свои права и обязанности: *“...работа не проводится, не разъясняют. Если бы такая работа проводилась, то в тех вузах, где это принято, то делалось бы это формально, никто не заинтересован в этом. Думаю, что общественные организации должны подключаться, информировать, но, что они смогут прийти в вуз – сомневаюсь”*.

В ситуации с установлением уровня желания студента жаловаться на факт коррупции, вымогательства или взяточничества, было определено, что жалобы имеют два проявления.

Первое это как формальная возможность как некоторое условие безопасности студента и второе это реализованная возможность как практическая реализация своего права быть защищенным. В данном случае первое преобладает над вторым т.к. вступает в силу условие, когда студент сам с запятнанной репутацией в этом отношении и/или это ему создаст лишь дополнительные трудности и проблемы: *“А вот это другой вопрос. Потому что, как говорится, у студента мордочка в пуху. Они знают что, что-то не так. И, может это цинично, но иногда студенты должны спасибо говорить, что кто-то взял взятку”*.

Что касается жалоб преподавателей в ситуации, когда им предлагают взятку или ее от них требуют, то большинство респондентов переместили акцент своей ответственности на вышестоящее руководство. Таким образом, не желая брать на себя обязательства, связанные с решением подобных ситуаций. Вероятно, те, кто решает этот вопрос иначе на данную тему воздержался от ответа. Треть респондентов предположила, что решать данный вопрос пришлось бы самостоятельно путем бесед и объяснений.

Из тех, кто не пожаловался бы в предложенной ситуации, многие упор делают на превентивных мерах, а именно проговаривание правил взаимодействия со студентом в начале курса. Репутация преподавателя играет не маловажную роль. Среди студентов быстро распространяется информации о наличии возможности договориться с тем или иным преподавателем, поэтому важно сохраняя лицо при первой встрече объяснить студентам свою позицию в отношении взяток и возможности их предложения.

В отношении систематического контроля за предупреждением фактов коррупции и взяточничества, то работа на факультетах преимущественно ведется разъяснительная. Так чаще всего это проводится в форме бесед на заседаниях кафедр и собраниях. Самыми распространенными способами получения информации являются ящики доверия и горячие линии. Ими пользуются как студенты, так и преподаватели. Однако, следует отметить, что прежде чем, контролировать достижение цели необходимо четко понимать и иметь параметры этой цели. Чего подобными мерами хотят добиться факультеты, снизить уровень коррупции ли искоренить ее? Когда будет точно определена цель этих мероприятий, тогда возможно появятся и другие

действенные механизмы на пути достижения ее.

Осведомленность лишь половины респондентов о санкционировании практик коррупционной деятельности в рамках их вуза показывает, что остальные побоялись рассказать на эту тему и поэтому многие воздержались. Вариант полного абстрагирования здесь не уместен, ведь респонденты являются элементами одной системы, функционирование которой отражается на всех, поэтому их нежелание отвечать, также было скрыто за ответом “не знаю”. *“Оно возможно где-то и есть, но я не знаю”*.

Следует отметить, что достаточность мер предотвращения коррупционных практик определяется сознательностью субъектов образовательного процесса. В целом респонденты дают низкую оценку эффективности регуляторных актов, которые бы предотвращали эту практику. И при этом настаивают на необходимости внедрения писаного кодекса поведения как внутренней инструкции для жизнедеятельности вуза в этом отношении: *“Кодексы поведения в вузе я не встречал. Регуляторные акты не действуют, потому что коррупция в Вузах очевидна, с ней никто не борется, кроме отдельных журналистов, которых гнобят. И видят такое, что руководству ВУЗа проще договорится с прокуратурой или структурами, и пресекать такую деятельность, портить свою репутацию, избавляться от преподавателей они не хотят”*.

Низким считают уровень осведомленности студентов и преподавателей содержанием регуляторных актов и правовой базы в целом. Это, в свою очередь, и определяет их низкую эффективность. Таким образом, следует предусматривать в рамках вузов дополнительные тренинговые мероприятия по обеспечению информированности субъектов образовательного процесса относительно предупреждения коррупционных действий.

В ответах вопрос о том, чего же не хватает для борьбы с коррупцией, в целом, отобразился весь спектр желательных мероприятий для улучшения этой ситуации. На уровне государства это политическая воля принять реальные меры и ужесточить законы. На уровне вуза – контроль за подбором кадров на административные должности и прозрачностью выполнения ими своих обязанностей. На уровне субъектов образовательного процесса это повышение

мотивации к учебе и добросовестной работе.

Общность взглядов респондентов проявилась в единой идее по улучшение ситуации вокруг проблемы коррупции высшего образования. Она заключается в создании условий на всех вышеуказанных уровнях для реализации поставленной цели. Таким образом, государство как менеджер должно управлять процессом борьбы с коррупцией по средствам создания благоприятных условий для работы вуза, качества жизнедеятельности преподавателей и профессиональной ориентации студентов.

Важно, чтобы на всех трех уровнях: макро, мезо и микро была уверенность в необходимости каждого и соответствующая последовательность действий: *“Не знаю, не знаю. Опять же говорю, надо четко определить, есть такая проблема. И потом искать пути решения. И решения принимать коллегиально, а не в одиночку. Надо в первую очередь, установить фактор проблемы”*.

Таким образом, еще раз подчеркивается необходимость единого взгляда на сущность проблемы и понимания ее, а также важность совместного приложения усилий в ее разрешении.

ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВА ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Таким образом, мы презентовали результаты всех трех этапов исследования в рамках проекта “Прозрачное образование – давай сделаем это!”

Каждая часть может быть рассмотрена как отдельное самостоятельное исследование.

Следующим этапом в данном исследовании мы видим презентацию сравнительных результатов восприятия проблем прозрачности образования не только по регионам, но и между ответами студентов и преподавателей высших учебных заведений. А также проведение экспертного опроса среди учителей средних школ и администрации университетов, анализ рейтинга сайтов вузов на предмет прозрачности.

Результаты данного комплексного исследования могут послужить основой для составления критериев оценки в общенациональном рейтинге прозрачности образования, что позволит отслеживать тенденции улучшения или ухудшения динамики прозрачности образования. Данный рейтинг и внимание к нему со стороны как образовательного менеджмента, так и со стороны общественности выступит превентивной мерой коррупционных практик в системе высшего образования. Есть вероятность, что рейтинг прозрачности образования станет весомым фактором в конкурентной борьбе между вузами, что будет содействовать улучшению качества образования.

Прозрачность – максимально возможная доступность информации о деятельности управленческого аппарата.

Прозрачность – это жесткий механизм общественного воздействия на ту или иную сферу администрирования через создание представительских институтов.

Прозрачность в управлении – залог нейтрализации коррупционных тенденций в той или иной сфере. Тем самым прозрачность способствует оптимизации регулятивных процессов не только в той или иной сфере, но и в стране. В нашем случае – это образование.

